

ТАМАРА БАЙЦУРА

**ИВАН
СЕМЕНОВИЧ
ОРЛАЙ**

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

**СЛОВАЦКОЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
В БРАТИСЛАВЕ
ОТДЕЛЕНИЕ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В ПРЯШЕВЕ**

Иванъ Орлай

ГЛАВА I

ОБЩИЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ И БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ И. С. ОРЛАЕ

1. Литература и архивные материалы

Жизнь и деятельность И. С. Орлая, известного представителя закарпатоукраинской интеллигенции, не получила комплексного освещения в литературе. Вместе с тем было бы ошибкой утверждать, что такая интересная личность, какой многим представлялся И. С. Орлай, не привлекла внимание исследователей. О нем знали и писали, но в общем литературном потоке ему почти всегда принадлежало второстепенное место. Деятельность И. С. Орлая изучали в связи с развитием закарпатоукраинско-русских отношений или с позиций оценки его заслуг в роли директора Гимназии высших наук князя Безбородко в Нежине, которую окончил знаменитый русский писатель Н. В. Гоголь, то есть только в том плане, в каком он мог иметь отношение к Н. В. Гоголю.

С отдельными характеристиками и оценками, касающимися И. С. Орлая, можно встретиться в работах П. И. Феерчака, Ю. А. Яворского, А. Флоровского, В. Д. Поповича и других¹, где с буржуазных позиций рассматривается его вклад в формирование национального самосознания так называемых карпаторуссов.

П. А. Кулиш, Н. А. Лавровский, И. А. Сребницкий,

¹ П. И. Феерчак. Очерк литературного движения угорских русских. Одесса, 1888.

Ю. А. Яворский. Национальное самосознание карпаторуссов на рубеже XVIII—XIX веков, Ужгород, 1929.

Проф. Ант. Флоровский. Заметки И. С. Орлая о Карпатской Руси. Ужгород, 1928.

В. Д. Попович. Культурная деятельность угроруссов на рубеже 18—19 веков. — «Молодая Русь», 1930, №2; 1931, №№5—10.

В. И. Шенрок и другие представители буржуазного литературоведения в своих работах, посвященных Н. В. Гоголю, затрагивают различные аспекты педагогической деятельности И. С. Орлая, расходясь в оценках как его общего вклада в дело развития Нежинской гимназии, так и характера отношений, сложившихся между И. С. Орлаем и Н. В. Гоголем. Многие важные страницы жизни И. С. Орлая были ими опущены, другие получили неправильную интерпретацию. Прежде всего имеется в виду знаменитое «дело о вольнодумстве», имевшее место в Гимназии высших наук. Отдельные авторы старались затушевать его политическую остроту, стремясь представить сами события на уровне обычных нарушений школьной дисциплины.

Украинский советский исследователь И. С. Свенцицкий (1876—1956) опубликовал свои первые научные труды в начале XX века, завершив научно-исследовательскую деятельность в звании профессора Львовского университета. Он изучал деятельность И. С. Орлая с точки зрения истории закарпатоукраинско-русских связей. Не вдаваясь в подробности жизненного и творческого пути И. С. Орлая, И. С. Свенцицкий отмечал: «деятельность Орлая в России можно определить . . . , как одно из самых живых культурных звеньев, соединявших в 1-ую треть XIX века Карпатскую Русь с Россией».²

Педагогические взгляды и педагогическая деятельность И. С. Орлая нашла отражение в трудах двух известных советских ученых, профессоров Д. Иофанова и С. Машинского, занимающихся изучением детских и юношеских лет Н. В. Гоголя. Вместе с тем они дали глубокое марксистское объяснение «делу о вольнодумстве».

Современные исследователи обратили внимание еще на один аспект богатой и разносторонней деятельности И. С. Орлая, на его вклад в развитие медицины. Впервые эта тема получила разработку в очерке венгерского историка Лайоша Тарди, который был издан

² И. С. Свенцицкий. Обзор сношений Карпатской Руси с Россией в 1-ую половину XIX в. С.-Петербург, 1906, стр. 39.

в связи с Всесоюзным съездом историков медицины, состоявшимся в феврале 1959 г. в Ленинграде.³

Орлаю — врачу посвящена статья А. С. Подражанского и К. К. Сильвая «Иван Семенович Орлай и его врачебная деятельность в России».⁴

Общая характеристика литературы об И. С. Орлае позволяет сделать заключение, что многие вопросы, связанные с его жизнью и деятельностью, остались неизученными или рассматривались в недостаточной мере. Очень скудны наши представления о так называемом «венгерском» периоде его жизни, о его роли в деле издания одного из первых медицинских журналов в России, о связях с Обществом истории и древностей российских, а в этом отношении о вкладе в развитие исторических знаний. Время закрыло ни одну страницу его жизни. Особенно это касается периода с 1817 по 1821 годы, когда И. С. Орлай покидает Петербург и поселяется в Гомеле. Наконец, ограничены наши сведения о времени его пребывания в Одессе, где он возглавлял Ришельевский лицей. Много нового удалось обнаружить, анализируя причастность И. С. Орлая к «делу о вольнодумстве». Однако все это частные проблемы, хотя почти и неосвещенные в литературе. Речь же идет о принципиальной оценке его вклада в медицину, естественнонаучные знания, историю, школьное дело и педагогику, а тем самым о месте, которое принадлежит И. С. Орлаю в развитии науки и просвещения России.

Принципиальное значение приобретает характеристика основ мировоззрения, которых придерживался И. С. Орлай. Внимательный анализ его творчества позволяет сделать вывод, что И. С. Орлай принадлежал по своим взглядам к умеренному направлению просветительской идеологии в России.

Работа «Иван Семенович Орлай. Жизнь и деятельность» написана на богатом архивном материале. В ней использованы фонды Центрального государственного

³ Az országos orvostörténeti könyvtár közleményei. Communicationes ex bibliotheca historiae medicae Hungarica. Dr. Orlay János. 1770—1829. Tanulmány a magyar-orosz orvostörténeti kapcsolatok köréből. Irta Dr. Tardy Lajos. Budapest, 1959.

⁴ «К истории медицины на Украине» Львов, 1961, стр. 311—320.

исторического архива в Ленинграде (ЦГИАЛ), Центрального государственного архива древних актов в Москве (ЦГАДА) и Отдела рукописей Государственной ордена Ленина библиотеки СССР им. В. И. Ленина в Москве.

В ЦГИАЛ были просмотрены материалы Главного правления училищ (фонд 732), Департамента народного просвещения, конкретно описи дел по Харьковскому, Киевскому и Одесскому учебным округам (фонд 733), Ученого комитета и канцелярии Министерства народного просвещения (фонд 734 и 735), материалы Медицинского совета и Медицинского департамента (фонды 1294 и 1297) и другие. Извлеченные из архива материалы касаются деятельности И. С. Орлая на медицинском поприще и организаторско-воспитательной работы на поле школьного дела. Особое внимание привлекают документы о процессе над группой демократически настроенных учителей Гимназии высших наук в Нежине (фонд 733, опись 69, единица хранения 52, в дальнейшем употребляется сокращение: ф. 733, оп. 69, ед. хр. 52).

В ЦГАДА, в фондах Дворцового отдела и Государственной медицинской коллегии (ф. 1239 и ф. 344) хранятся материалы о первых шагах медицинской карьеры И. С. Орлая и о его службе при дворе.

В Отделе рукописей Государственной ордена Ленина библиотеки СССР им. В. И. Ленина вызывает большой интерес фонд Общества истории и древностей российских (ОИДР, ф. 203) с точки зрения связей И. С. Орлая с его отдельными представителями и обществом в целом. Некоторые документы находятся в фондах 147 и 226. Они представляют собой небольшую часть значительного эпистолярного наследия И. С. Орлая.⁵

⁵ В Отделе рукописей Государственной ордена Трудового Красного Знамени публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде хранятся письма И. С. Орлая Я. В. Виллие, З. Я. Доленга-Ходаковскому и И. И. Мартынову (ф. 145, №5, ф. 588, №284, ф. 468, №7). Всего восемь писем. Основная их часть была опубликована И. С. Свенцицким.

Кроме того, некоторые материалы, касающиеся И. С. Орлая, содержатся в фондах Государственного архива Одесской области. Имеется в виду фонд Ришельевского лицея (ф. 44), где находятся отчеты, рапорты и докладные записки о деятельности

В работе широко использованы ранее опубликованные материалы. Речь идет прежде всего об архиве Гимназии высших наук. История этого архива сложна и запутана, хотя первоначально он находился в хорошем состоянии.

В 1859 г. была предпринята первая попытка подготовить некоторые его материалы к печати, если не принимать во внимание тот факт, что П. А. Кулишу удалось издать отдельные его документы еще в 1856 году. Публикацию осуществил почетный попечитель Нежинской гимназии Г. А. Кушелев-Безбородко. В состав сборника под заголовком «Лицей князя Безбородко» вошли два очерка: один о Нежине, другой о гимназии, а также воспоминания преподавателей и выпускников гимназии. Вместе с тем следует отметить, что задолго перед выходом в свет сборника, встал вопрос о создании истории гимназии. На одном из заседаний конференции гимназии в 1828 г. профессору К. А. Мойсееву было дано задание собрать материалы и продумать план. К. А. Мойсеев с порученным ему делом не справился.

В 1879 г. нежинский архив был систематизирован благодаря стараниям директора Историко-филологического института князя Безбородко Н. А. Лавровского, который обработал часть архивных документов и предпринял их издание. Н. А. Лавровский стал автором первой обстоятельной истории Нежинской гимназии. Имеется в виду его работа «Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине (1820—1832)», (Киев, 1879). Кроме того она вошла также в сборник «Известия Историко-филологического института кн. Безбородко» (Киев, 1879, т. III). Обе публикации интересны тем, что автор использовал в них автобиографию И. С. Орлая, обнаруженную в журнале конференции от 29 августа 1822 г., а также дополнил их документальными приложениями. В приложениях к монографии (стр. 143—158) и к сборнику (стр. 239—258) находятся следующие документы:

Экзаменационный список воспитанников гимназии первого выпуска с отметками по предметам.

лица и формулярный список И. С. Орлая за 1829 г. (ф. 44, оп. 1, д. 16, лл. 1—24; д. 9, лл. 4 и 7).

Список детей греческих поселенцев, которые были приняты в Гимназию высших наук для воспитания.

Отметки Н. В. Гоголя по поведению и успеваемости за 1822 г.

Отметки Н. В. Гоголя и Н. В. Кукольника по поведению и успеваемости за 1823 — 1826 года.

Отметки Н. В. Гоголя и Н. В. Кукольника по отдельным предметам за последний учебный год и на выпускных экзаменах в 1828—1829 годах.

Мнение директора Орлая об учреждении ученого общества при Гимназии высших наук кн. Безбородко.

Мнение И. С. Орлая «о преобразовании училищ в России».

В 1881 г. Н. А. Лавровский и И. А. Сребницкий подготовили новую публикацию под названием «Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко» (издание второе, исправленное и дополненное. Санктпетербург, 1881). Книга имеет два отдела. Первый отдел состоит из пяти частей, среди которых обращают на себя внимание очерки И. А. Сребницкого о Нежине и лицее, а также очерк Н. А. Лавровского о гимназии. В четырех частях второго отдела собраны документальные материалы о должностных лицах гимназии и студентах, опубликованы списки студенческих работ и их шуточные произведения.

Заслугой Н. А. Лавровского в научный оборот были введены воспоминания Нестора Кукольника «Из памятной книжки» (стр. 189—205). Воспоминания представляют значительный интерес с точки зрения оценки личности И. С. Орлая. Правда, к ним следует подходить критически, поскольку они содержат в себе много субъективного. Не следует забывать, что Н. Кукольник был сыном земляка и личного друга Орлая — В. Г. Кукольника. К тому же Н. Кукольник окончил Нежинскую гимназию, которую возглавлял И. С. Орлай, испытав на себе влияние незаурядной личности директора. Вот что писал по этому поводу сам Н. Кукольник: «Иван Семенович, когда я воротился в Нежин, принял меня поистине как сына, так что я сделался у него в доме своим и до самого отъезда пользовался особенным его расположением, чему многим обязан... По воскресеньям я уже постоянно проводил время в кругу директорского семейства; но и в

будни, особенно по вторникам, когда в классах учили рисованию, я имел право приходить к директору, без всякой церемонии садился за фортепьяно и барабанил... Может быть, музыка моя начинала надоедать хозяину, только обыкновенно кончалось тем, что Иван Семенович из ближайшей комнаты, где по обычаю сидел один, высунет бывало голову, скажет: «Нестор Васильевич, пожалуйте сюда!» — и музыке конец и начинается беседа обо всем: и китайцы, любимцы Ивана Семеновича, и греки, и римляне, и все науки, и все искусства. Чистая энциклопедия в приятных рассказах! И, несмотря на мою еще сильно зеленую молодость, право я любил больше вторники, чем воскресенье. Это была моя афинская академия (разрядка — Т. Б.).⁶

В дальнейшем Н. Кукольник связал свою судьбу с русской литературой, заняв в ней крайне правые позиции. Его перу принадлежат многочисленные стихи, рассказы, повести и драмы. Написанные на исторические сюжеты, они отличаются внешней эффектностью и несут на себе черты псевдопатриотичности и откровенной реакционности. Творчество Н. В. Кукольника принадлежало к официальному направлению в истории русской литературы, находясь на службе феодально-крепостнических кругов.

И. А. Сребницкий, начавший заниматься архивом Нежинской гимназии вместе с А. Н. Лавровским, с годами не потерял к нему интерес. Из-под его пера вышла выразительная характеристика, касающаяся состояния архива: «Между тем пользование архивом бывшей Гимназии высших наук очень удобно прежде всего вследствие небольших размеров этого архива: дела каждого года заключаются в двух, много трех, неособенно объемистых связках, причем обыкновенно одна связка содержит все дела и бумаги, относящиеся к денежно-хозяйственной части: счета и рапорты эконома и разных поставщиков, протоколы правления по хозяйственной части и т. п. Главный же интерес архива составляют дела конференции по учено-учебной части: учебные планы и программы профессорских лек-

⁶ «Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко», стр. 189—190.

ций, списки учеников, сведения об их успехах и поведении, протоколы заседаний конференции и проч.»⁷

В 1895 г. И. А. Сребницкий издал «Очерки из истории лицея князя Безбородко (1832—1875)», представляющие собой брошюру в несколько десятков страниц, вышедшую в Нежине. В 1902 г. он предпринял самостоятельную публикацию новых материалов, которые вошли в «Гоголевский сборник».⁸

Нежинский архив, таким образом, снова привлек внимание исследователя, но в этот раз уже не с точки зрения истории гимназии и лицея, а в первую очередь в связи с обстановкой, в которой проходило формирование личности и мировоззрения Н. В. Гоголя.

Вместе с тем, как полагал И. А. Сребницкий, «... материалы, заключающиеся в архиве Нежинского высшего учебного заведения, могут представлять интерес и в другом отношении, как материал для истории просвещения и культурного состояния нашего общества в начале XIX столетия».⁹

Осуществляя публикацию многих важнейших документов Нежинской гимназии, И. А. Сребницкий поставил перед собой совершенно конкретные цели:

1. собрать все документы, имеющие отношение к Н. В. Гоголю, который проживал в Нежине и учился в гимназии в течение 1821 — 1828 гг.,

2. собрать материалы, характеризующие состояние учебно-воспитательной работы в гимназии,

3. материалы расположить в хронологическом порядке, не прибегая к их комментированию и интерпретации,

4. в виду скромности архива и свободной ориентировки в его бумагах опубликовать дела без ссылок на шифры и без указания номеров страниц,

5. наконец, провести грамматическую правку всех копий, поскольку документы переписывались неграмотными писцами.¹⁰

«Материалы для биографии Н. В. Гоголя из архива Гимназии высших наук» содержали следующие до-

⁷ «Гоголевский сборник». Киев, 1902, стр. 292.

⁸ И. А. Сребницкий. Материалы для биографии Н. В. Гоголя из архива Гимназии высших наук. — «Гоголевский сборник».

⁹ «Гоголевский сборник», стр. 293.

¹⁰ Там же, стр. 293—294.

кументы (стр. 313—353): под рубрикой I — переписку В. Яновского с В. Г. Кукольником, под рубрикой V—VII — деловую корреспонденцию А. Кушелева-Безбородко, З. Я. Карнеева и В. Г. Кукольника, расписание учебных занятий в Гимназии высших наук князя Безбородко на 1820 г., под рубрикой VIII—XXII — журнал заседаний конференции под председательством И. С. Орлая.

Материалы о Гимназии высших наук, опубликованные в разное время Н. А. Лавровским и И. А. Сребницким, представляют собой важный источник для изучения истории Нежинской гимназии во время, когда во главе ее стоял И. С. Орлай и когда в ней учился Н. В. Гоголь. Однако эти материалы, несмотря на слова И. А. Сребницкого о том, что он не берет «на себя обработки издаваемых материалов»¹¹, в действительности освещают события с буржуазно-либеральных позиций. В них имеются неверные характеристики, касающиеся школьных лет Н. В. Гоголя, уровня преподавания в гимназии и деятельности И. С. Орлая. Вместе с тем они обходят вопрос о политической стороне знаменитого «дела о вольнодумстве», изображая его как распрю, как «раздоры профессорских партий».¹²

Следующей значительной публикацией можно считать «Материалы по истории возрождения Карпатской Руси», собранные и изданные И. С. Свенцицким, на страницах которых была помещена переписка Орлая с Виллие, Лацковым, Карнеевым, Доленга-Ходаковским и Мартыновым. Кроме того он опубликовал письмо — статью Ивана Бережанина¹³ И. С. Орлаю и две работы самого И. С. Орлая — «История о карпатороссах, или о переселении россиян в Карпатские горы и о приключениях с ними случившихся» и «О юго-западной России». И. С. Свенцицкий не ставил перед собой задачу оценить вклад И. С. Орлая в историю науки и культуры России. Он старался осветить

¹¹ «Гоголевский сборник», стр. 293.

¹² Там же, стр. 304.

¹³ Иван Бережанин — псевдоним Ивана Фогарашия (1786—1834), известного филолога, автора сочинения о происхождении венгерского языка и венгерской грамматики. Некоторое время И. Фогараший служил священником в церкви св. Барбары в Вене, где с ним познакомился И. С. Орлай.

ту сторону его деятельности, которая способствовала укреплению контактов России с Закарпатской Украиной, подчеркивая:

«Советую северорусским историкам знакомиться с Карпатской Русью, сам Орлай сохранил тесные сношения со своей родиной до конца жизни: он посещал неоднократно Австрию, снабжал прешовскую семинарию книгами, переписывался со старшими угроруссами и принимал близкое участие в развитии младших земляков». «Непосредственное знакомство с Карпатской Русью он считал необходимым источником надлежащего развития русской истории, чему посвятил лучшие страницы своей деятельности».¹⁴

В этом отношении «Материалы по истории возрождения Карпатской Руси» представляют собой единственную публикацию подобного рода, в которой находятся документы, связанные с освещением контактов И. С. Орлая со своими земляками. Все предшествующие публикации документов относятся к нежинскому периоду его деятельности.

В настоящее время материалы Гимназии высших наук князя Безбородко не имеют общего места хранения и находятся в нескольких государственных архивах, среди которых следует в первую очередь упомянуть Центральный государственный исторический архив в Ленинграде и Черниговский областной государственный архив.

Большой интерес к архиву Нежинской гимназии проявил советский исследователь Д. Иофанов, автор монографии «Н. В. Гоголь. Детские и юношеские годы» (Киев, 1951). Д. Иофанов придавал важное значение нежинскому периоду жизни Н. В. Гоголя, а тем самым и Гимназии высших наук во главе с И. С. Орлаем, оказавшим значительное влияние на формирование его прогрессивного мировоззрения. В особенности внимание Д. Иофанова привлекли документы, связанные с «делом о вольнодумстве», публикацию которых он осуществил вместе с И. В. Шубинским. В приложении к монографии (стр. 365—418) помеще-

¹⁴ «Материалы по истории возрождения Карпатской Руси. 1. Сношения Карпатской Руси с Россией в 1-ой половине XIX-ого века. Львов, 1905, стр. 39.

ны материалы и документы «Дела о вольнодумстве». Правда, это далеко неполная публикация, хотя и очень существенная с точки зрения преодаления некоторых трактовок буржуазного литературоведения. В нее вошли:

«Разбор лекций проф. Н. Г. Белоусова протоиереем Павлом Волынским»;

«Показания учеников Гимназии высших наук князя Безбородко касательно естественного права профессором Белоусовым преподанного», конкретно показания Ефима Филипченко, Александра Новохацкого, Нестора Кукольника, Николая Котляревского, Алексея Колышкевича, Николая Гоголя-Яновского, Петра Горновича, Николая Родзянко;

Показания профессора Н. Г. Белоусова от 16 декабря 1827 г.;

Рапорт профессора Михаила Билевича от 9 декабря 1827 г.;

«Заключение Гимназии высших наук директора Яновского о показании учеников касательно непристойных слов, произнесенных в классе профессором Белоусовым во время преподавания в 1826 году естественного права»;

Из показаний учеников Александра Змиева и Алексея Колышкевича во время допроса их директором нежинской Гимназии высших наук Д. Е. Яновским;

Донесение Д. Е. Яновского от 27 апреля 1830 г.;

Выписка из донесения директора нежинской гимназии д[ействительному статскому] с[оветнику] Адеркасу по поводу записок проф. Н. Г. Белоусова по естественному праву;

Заключение директора гимназии Д. Яновского по «делу о вольнодумстве».

В начале 50-ых годов процессом с передовыми преподавателями Нежинской гимназии стал заниматься советский исследователь С. Машинский. Он приехал с этой целью в Нежин. Архив гимназии оказался в очень плохом состоянии, он «... сильно пострадал от пожара, случившегося здесь бог знает когда. От многих архивных дел Нежинской «гимназии высших наук» сохранились лишь обоженные клочья».¹⁵ Работая

¹⁵ С. Машинский. Гоголь и «дело о вольнодумстве». Москва, 1959, стр. 11.

с оставшимися документами, С. Машинский обнаружил, что многие из них в оригиналах были увезены Э. Б. Адеркасом, проводившим расследование по «делу о вольнодумстве». Он занялся поисками так называемого «чемодана Адеркаса», которые увенчались успехом. Документы были обнаружены в ЦГИАЛ. На их основании С. Машинский написал несколько интересных работ, в которых занимался вопросом о влиянии «дела о вольнодумстве» на духовный облик и мировоззрение Н. В. Гоголя.¹⁶

В заключение следует отметить, что несмотря на то, что часть архивных документов стала предметом внимания русских и советских исследователей, в государственных архивах СССР удалось обнаружить некоторые совершенно новые материалы. Те же документы, которые были введены в научный оборот в связи с анализом литературной деятельности и жизни Н. В. Гоголя, представляют интерес и с другой стороны, со стороны оценки деятельности И. С. Орлая в Нежине.

2. Начало жизненного пути и переезд И. С. Орлая в Россию

Жизненный путь И. С. Орлая можно разделить на два основных этапа, рубежом которых является 1791 год. Все, что имело место до этой даты, было связано с Венгрией, где протекали школьные и юношеские годы И. С. Орлая. Последующий период оказался связанным с Россией. Это были годы зрелости и расцвета сил, плодотворной деятельности на поле русской культуры.

Вопрос о так называемом «венгерском» периоде жизни и деятельности И. С. Орлая является наиболее сложным и запутанным. Неясности возникают сразу же при попытке определить место и год рождения. Очень немного известно о его родителях и их социальном положении, школьных годах Орлая и пер-

¹⁶ С. Машинский. Гоголь. М., 1959. Его же: «Чемодан Адеркаса». М., 1968, а также статьи в сборниках и журналах: «Гоголь в школе». М., 1954, «Литературное наследство», 1952, т. 58, «Новый мир», 1959, №3.

вых шагах его служебной карьеры, наконец, о причинах его переезда в Россию.¹⁷

Иван Семенович Орлай, согласно документальным источникам, известен еще под двумя фамилиями. Первой из них — Орлаи де Карва (Орлаи де Корво, Карваи Орлаи, а иногда даже Орлаи де Кобри или Орлаян) он пользовался в Венгрии и отчасти в России. Как считал И. Надь, «семья Карваи Орле вымерла участвовавшим в освободительной борьбе Ракоци Миклошом Орле». Потомками этой семьи, по его словам, были Орлаи, которые владели земельными поместьями в Бецке Тренчинского комитата.¹⁸

Вторая фамилия, под которой И. С. Орлай был известен со времени своего приезда в Россию, была Орлов. Правда, он очень скоро от нее отказался. Профессор Я. Чистович писал, что под этой фамилией Орлай поступил в Санкт-Петербургское врачебное училище. Однако в связи с тем, что Иенское физическое общество выставило ему диплом почетного члена на имя Jo. Orlay, он обратился в Медицинскую коллегию с разъяснением, что «подлинная его фамилия действительно Орлай, а не Орлов, и что Орловым назван «нечаянно при поступлении в службу лекарским учеником 19-го июня 1791 года», а потому и просил о переименовании его».¹⁹

И. С. Орлай родился, как полагает большинство исследователей, в 1770 году в семье Семена Орлая

¹⁷ Попытка Л. Тарди осветить эти вопросы на основании материалов венгерских архивов, в том числе пиаристического архива, с привлечением работ таких авторов как И. Надь, Й. Гам, Ф. Агарди, К. Бенедек, О. Фейл и др. не дала исчерпывающих результатов. Многие из них по-прежнему остались невыясненными, а некоторые, например, вопрос о национальности И. С. Орлая получил тенденциозную трактовку. Л. Тарди считал И. С. Орлая венгром. С этим утверждением нельзя согласиться, имея в виду социально-политические мотивы, которыми руководствовались господствующие классы Венгрии. Известно, что они не признавали инонациональные группы и народности и исходили из политического понимания единого венгерского народа. В смысле национально-этническом Орлай принадлежал к закарпатским украинцам.

¹⁸ Dr. Tardy L., Dr. Orlay János. 1770—1829, стр. 60.

¹⁹ Проф. Я. Чистович. Памятник доктору медицины и хирургии действительному тайному советнику баронету Якову Васильевичу Виллие. СПб., 1860, стр. 13.

и Екатерины Белезроевой в селении Хуст (Туст, Густ, Гуш) Марамарошского комитата. В настоящее время Хуст является городом и одновременно районным центром, входящим в состав Закарпатской области УССР.²⁰ Данные о времени и месте рождения Орлая очень противоречивы. В распоряжение ученых до сих пор не попало метрическое свидетельство Орлая, а те материалы пиаристического архива, которым пользовался Л. Тарди, хотя и достоверны, но имеют определенные пробелы. И все же они вместе с послужными списками Орлая позволяют утверждать, что его годом рождения можно считать 1770 год.²¹

Существует и другая точка зрения. Н. А. Лавровский, а за ним Е. Петухов, И. Г. Михневич, В. Д. Попович и другие считали датой рождения Орлая 1771 г. Подобной точки зрения придерживались авторы заметок об Орлае в различных энциклопедических изданиях: Л. Ф. Змеев. Русские врачи-писатели (СПб., 1886, стр. 42—43), «Русский биографический словарь. Обезьянов-Очкин.» (СПб., 1905, стр. 309) и др.

Расходятся данные касательно места рождения И. С. Орлая. Доктор Л. Тарди, например, утверждает, что он родился в селении Паладь, и далее добавляет: «Хотя поселение Паладь принадлежало к числу тех редких сел комитата, население которых составили исключительно венгры, невзирая на то, что население комитата Унг состояло в решающей части из русского и словацкого народонаселения, окружающим родное село русским населением, а также по всей вероятности действием начальных школ можно объяснить то определение хранимой в архиве ордена пиаристов «руллы», что Орлай в 19-летнем возрасте помимо венгерского языка в совершенстве владел и русской словесностью и письменностью».²² Вместе с тем уже в это время он знал немецкий и румынский языки.

Утверждения доктора Л. Тарди недостаточно убе-

²⁰ «Історія міст і сіл Української РСР. Закарпатська область». АН УРСР, 1969, стр. 700.

²¹ В справке об Орлае, помещенной в издании «Українська радянська енциклопедія» (Київ, 1962, т. 10, стр. 377), говорится, что он родился в 1770 г.

²² Dr. Tardy L., Dr. Orlay János, стр. 43.

дительно и противоречиво. На территории Закарпатской области имеются два населенных пункта с похожими названиями: Велика Паладь (Нодь Палад до 1946 г.) и Комаривцы (Паладь Комаривцы до 1945 г.). Вероятно, Л. Тарди имел в виду Комаривцы, потому что уточнял, что село расположено недалеко от Ужгорода. Велика Паладь лежит в другом конце — в южной оконечности Закарпатской области, во Виноградском районе. Все три предполагаемых места рождения Орлая находятся в значительной удаленности друг от друга. И все же в материалах, освещающих жизненный путь Орлая, большая часть исследователей указывает на Хуст как его место рождения.

Первые упоминания о Хусте относятся к X—XI векам. Вскоре здесь был сооружен замок для защиты находящихся недалеко Марамарошских соленых копей. К богатому историческому прошлому города относится борьба с татаро-монголами, с венгерскими королями и турками. После поражения при Могаче, когда распалось Венгерское королевство, Хуст отошел к Трансильванскому княжеству. Может быть, именно этот факт повлиял на географическое определение места рождения Орлая: родом... был из города Гуша в Молдавии, на границе с Бессарабией...»²³

В начале XVIII в. Хуст представлял собой небольшой населенный пункт, где находилось 70 дворов, преимущественно принадлежащих крестьянам. Статистика утверждает, что примерно в это время в Хусте имелось 29 дворянских усадеб.²⁴

Во всех служебных списках, которые Орлай заполнял, начиная с 1791 г., при поступлении в различные государственные учреждения, он подчеркивал, что принадлежал первоначально к венгерскому дворянству, а по своему происхождению является «карпато-россиянином». В формуляре за 1817 г. он писал: «родом карпато-россиянин, из венгерских дворян».²⁵ В формуляре за 1828 г. — «родом из Венгрии благородного происхождения».²⁶ Вполне вероятно, что его

²³ Проф. Я. Чистович. Памятник доктору медицины и хирургии... Якову Васильевичу Виллие, стр. 13.

²⁴ «Історія міст і сіл Української РСР», стр. 699.

²⁵ ЦГИАЛ, ф. 1297, оп. 9в, кн. 106, ед. хр. 54.

²⁶ Там же, ф. 1349, оп. 4 ед. хр. 96.

родители были мелкопоместными дворянами (*nobiles*). Однако в литературе неясен вопрос о социальном положении его родителей. Л. Тарди возводит род Орлаев к Миклошу Орле из Тренчинского комитата. Вообще же достоверные сведения об отце и матери Орлая отсутствуют. Существует версия, что его отец служил солдатом, по другим источникам — офицером. Фактом остается, что дворянское происхождение за ним в России было признано. Из формулярных списков видно, что у него не было ни земельных владений, ни крепостных. И только в послужном списке за 1828 г. вспоминается небольшое имение в Полтавской губернии с шестью крепостными.

Школьные годы И. С. Орлая были связаны с двумя известными для своего времени хозяйственными и культурными центрами Закарпатья — Мукачевым (в прошлом Мункач) и Ужгородом (в прошлом Унгвар). Оба города, начиная со второй половины XVIII века, вступают в полосу своего дальнейшего развития. Мукачево становится торговым центром, где появляются новые жилые и хозяйственные постройки. Согласно материалам первой городской карты, в Мукачеве к этому времени имелось 171 здание, в том числе 9 каменных. В городе открылись школы начального типа, а в 1746 г. — гимназия.²⁷

Еще более значительным был Ужгород. Его население в 1785 г. составляло 2900 человек. Это были в основном ремесленники, крестьяне, мещане, купцы, но также дворяне и церковные служители. В городе, расположенном по обеим сторонам Ужа, насчитывалось свыше 300 зданий. В 1777 г. Ужгород становится центром учебного округа со школами различных ступеней и семинарией. В нем находилась богатая по тем временам библиотека, в которой хранились рукописные книги, московские, киевские и львовские издания.²⁸

В 1778 г. восьмилетним мальчиком приехал И. С. Орлай в Мукачево и поступил там в училище. Таким образом, мукачевское училище стало первым шагом на пути к обучению и образованию. В дальнейшем он

²⁷ «Історія міст і сіл Української РСР», стр. 381—382.

²⁸ Там же, стр. 80—81.

учился во многих городах Австрийского государства, пройдя всеми ступенями «Ratio educationis».

В 1777 г. Мария-Терезия приступила к реализации школьной реформы, издав «Ratio educationis» («Система воспитания»), согласно которой все Венгерское королевство было разделено на девять учебных округов во главе с директорами. В каждом учебном округе были созданы четыре типа школ: 1. элементарная одноклассная школа, 2. латинская трехклассная школа, 3. гимназия с двухгодичным сроком обучения и 4. академия.²⁹

Буржуазная по своему содержанию реформа школьного дела при некоторых положительных чертах имела многие недостатки. «Ratio educationis» багато обіцяв, багато вимагав, але далеко не все давав для розвитку шкільної справи. Для того, щоб впровадити в життя таку реформу, треба було мати відповідні передумови, а у краї їх ані здалека не було. Народ і надалі залишався в кріпацтві, не кожне село могло зараз же побудувати шкільний будинок, було мало освічених учителів, підручників і т. д. Все це перешкоджало проведенню в життя цієї реформи. Правда, як позитивне в цьому документі треба відзначити те, що він зобов'язував вести навчання в елементарних (народних) школах на своїй, рідній, материнській мові.»³⁰

В дальнейшем школьная реформа получила свое продолжение в постановлениях Иосифа II, который распорядился провести перепись детей школьного возраста. Начальная школа была провозглашена обязательной и бесплатной.

Ученические годы И. С. Орлая совпали с полосой преобразований в области школьного дела, и только с этих позиций можно понять те ступени, которыми он прошел на пути своего обучения и образования. После годичного обучения в школе элементарного типа, в которой занятия велись на «карпаторусском наречии», Орлай поступает в 1779 г. в трехклассную

²⁹ Андрій Чума, Андрій Бондар. Українська школа на Закарпатті та Східній Словаччині (історичний нарис). Частина 1. Пряшів, 1967, стр. 28—29.

³⁰ Там же, стр. 30.

школу с латинским языком обучения. Это было Ужгородское народное училище, где помимо латыни, преподавался еще венгерский язык. Окончив училище, Орлай был принят в Ужгородскую гимназию, в которой проучился с 1782 по 1785 г. Однако, в Ужгороде не существовали условия для дальнейшего продолжения его образования. Несмотря на то, что Ужгород считался центром учебного округа, в нем не была открыта обязательная для центра четырехклассная школа для подготовки учителей элементарных школ, не было там и академии. В 1785 г. Орлай отправляется в город Карей (Надь-Кароли)³¹, где был принят в Надькарольскую гимназию (Надькаройскую, Великокарловскую), в стенах которой находился до 1786 г.

В 1787 г. Орлай приезжает в город Орадя (Варад)³². Здесь он сдает экзамены в Варадскую академию (Великоварадскую), где помимо других предметов изучает логику, математику и историю. Годичным курсом в академии И. С. Орлай завершает свое среднее образование.

Высшее образование И. С. Орлай получил во Львовском университете. Львовский университет возник 16 ноября 1784 г. и состоял из четырех факультетов: философского, медицинского, юридического и богословского. В 1788 г. И. С. Орлай поступил на философский факультет, который был одним из самых больших в университете. На нем обучалось 1004 студента и работало 11 преподавателей.³³ С 1 ноября 1787 года на философском и богословском факультетах было разрешено преподавание на русском языке. Лекции по философии читали два профессора, владеющие русским языком. Одним из них был П. Д. Лодий.³⁴ На философском факультете Орлай прослушал курс математики, физики, истории, вспомогательных историчес-

³¹ В настоящее время город Карей принадлежит Румынии и находится в уезде Марамуреш.

³² Орадя также находится в Румынии и является центром уезда Бихор.

³³ Эти данные относятся к 1790 г. См.: Ф. И. Свистун. Прикарпатская Русь под владением Австрии. Львов, 1895, стр. 70.

³⁴ Вероятно, к 80-ым годам XVIII в. относится знакомство Орлая с П. Д. Лодием и М. А. Балудянским. Оба работали во Варадской академии, а с 1787 по 1801 годы Лодий преподавал во Львовском университете.

ких дисциплин (нумизматики и дипломатики), философии, естествознания, немецкого языка и литературы. Лекции ему читали профессора Кодеш, Мартинович, Ценмарк, Гана, Урех, Гильденбрандт и Вольфштейн.

В 1789 г. И. С. Орлай поступает на учебу в Генеральную Йозефинскую семинарию, играющую роль богословского факультета. В этом решении Орлая оставить университет и заняться богословием остается многое невыясненным. Покинув Львов, 27 августа 1789 г. он вступает в члены ордена пиаристов.³⁵ Пиаристы, под влиянием которых находились некоторые школы, в том числе выше упомянутая Надькарольская гимназия высших наук, помогли ему оформить переход на богословский факультет и выхлопотали стипендию. Можно полагать, что определенные материальные затруднения принудили его воспользоваться возможностью получить государственное содержание. В 1790 г. Орлай занимается на богословском факультете и изучает еврейский, халдейский и греческий языки, а также историю церкви. Примерно в то же самое время он начинает преподавать в Надькарольской гимназии. Однако, как замечает доктор Л. Тарди, «молодой пиарист не стал священником».³⁶ Он оставляет богословский факультет, увольняется из гимназии и обращается в наместнический совет с прошением предоставить ему место в гимназии светского направления. 25 августа 1790 г. его прошение было отклонено по совету Д. Сердахей с мотивировкой продолжать усовершенствовать свои знания с тем, что при случае на него будут рассчитывать.³⁷ Вслед за тем И. С. Орлай предпринимает попытку поступить на службу в Пештский университет. 16 ноября 1790 г. профессор физики и математики этого университета Янош Хорват подал в наместнический совет предложение назначить для него заместителя вместо уехавшего в Вену

³⁵ Пиаристы представляли собой римско-католический орден, который возник в 1597 г. и в дальнейшем распространил свою деятельность в Италии, Испании, Германии, Моравии, Чехии, Венгрии и Польше, стремились усилить свое влияние на широкие массы, используя для этого школы, в которых обучали грамоте детей бедняков.

³⁶ Dr. Tardy L., Dr. Orlay János, стр. 44.

³⁷ Там же.

Й. Неметца. Я. Хорват предложил список кандидатов, в котором вместе с А. Томчани, Я. Эрге, Й. Сарка было вписано имя Орлая, как «располагающего хорошим аттестатом».³⁸

Таким образом, все попытки устроиться в светском педагогическом учебном заведении для Орлая окончились полным провалом. Вслед за тем он принимает, на первый взгляд, довольно неожиданное решение переселиться в Россию. 6 мая 1791 г. двадцати одного года от роду он оставляет родные края и приезжает в Петербург. 1791 г. положил начало новому периоду его жизни и деятельности. В этой связи, как само собой разумеющееся, напрашивается вопрос о побудительных причинах, которые привели Орлая в Россию. Можно предложить, что к такому шагу он был подготовлен вполне конкретными обстоятельствами. Дело в том, что Орлай считал себя русским («карпатороссияном»). Вместе с тем опыт его собственной общественно-педагогической деятельности заставлял придти к заключению, что успешную карьеру невозможно сделать «в австрийской службе по предубеждению католиков и по другим политическим причинам».³⁹

В литературе получил некоторое освещение, так сказать, психологический аспект решения Орлая оставить свою родину. В «Воспоминаниях учителя», автором которых был нежинский коллега Орлая — И. Г. Кулжинский, содержится рассказ о последней попытке Орлая поступить на службу в Пештский университет, правда, неизвестно, насколько он отвечал действительности. «Карпаторосс по рождению, — писал И. Г. Кулжинский, — И. С. (Орлай — Т. Б.) воспитывался в австрийских училищах, а по окончании там курса наук, был определен учителем в низшие классы одной гимназии. Через несколько времени потом открылась вакансия учителя в высших классах, и открыт был конкурс на то место. Из трех явившихся конкурентов, Орлай лучше всех выдержал установленный экзамен; но когда дошло до окончательного решения, иезуит-ректор не дал место Орлаю за то, что «он русин, а не немец». — Это чрезвычайно оскорбило молодого учи-

³⁸ Dr. Tardy L., Dr. Orlay János, стр. 44.

³⁹ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 86, 1803, ед. хр. 30.

теля. «Ну, когда я русин, так поеду в Русь», — сказал он, и приехал в Россию». ⁴⁰

Австрия на рубеже XVIII—XIX веков представляла собой обширное многонациональное государство, объединяющее так называемые «наследственные земли» (то есть непосредственно австрийскую территорию), земли богемской короны в составе Богемии, Моравии, Силезии, «Королевство Галицию и Людомерию вместе с великим княжеством Краковским и княжеством Освенцимом и Затором», а также земли венгерской короны — Венгрию, Хорватию и Трансильванию. В период «просвещенного абсолютизма» в Австрийской империи усилилась политика национального гнета, которая сопровождалась борьбой против сеймов, местных прав и национальных языков. Немецкий язык был введен в качестве общегосударственного языка в 1784 г. в Венгрии, а в 1785 г. — в Галиции. ⁴¹ Правящие круги Венгрии со своей стороны начали усиливать давление на другие народности, введя законом с 1791 г. венгерский язык как обязательный во всех средних и высших школах. ⁴²

Не вызывает сомнения тот факт, что на решение И. С. Орлая определенное влияние могла оказать обстановка национального, культурного и духовного гнета, которая сложилась в Австрии в конце XVIII в.

В 1810 г. И. С. Орлай принял подданство России, и с этого времени окончательно он и его потомки связали свою судьбу с новой родиной.

У И. С. Орлая в России сложилась очень большая семья. О его жене, кроме того, что ее звали Шарлотта Ивановна, ничего неизвестно. О детях сохранились некоторые сведения в архивах. Всего у Орлаев было четыре дочери и три сына. Самая старшая — Екатерина родилась в 1798 г. в Петербурге. Затем последовали другие дети: Михаил (1803 г.), Александр (1805 г.), Ан-

⁴⁰ «Москвитянин», 1854, №21. Как видно из текста, И. Г. Кулжинский, увлекшись эмоциональной стороной дела, перепутал учебные заведения, с которыми был связан его отъезд в Россию.

⁴¹ И. П. Трайнин. Национальные противоречия в Австро-Венгрии и ее распад. М.-Л., 1947.

⁴² Андрій Чума, Андрій Бондар. Українська школа на Закарпатті та Східній Словаччині, стр. 36—37.

на (1806 г.), Мария (1807 г.), Елизавета (1810 г.) и самый младший Андрей (1813 г.).⁴³

Известно, что Анна, Мария и Елизавета в 1820 г., благодаря содействию П. Д. Лодия, были приняты в Екатерининский институт. Открытый в столице в 1789 г., институт принадлежал к числу сословных дворянских учебных заведений.⁴⁴ В отличие от Смольного института благородных девиц, в который принимали только девочек из знатных дворянских родов, в Екатерининском институте обучались дочери несостоятельных дворян. Старшая дочь Екатерина получила домашнее образование.

Михаил Орлай учился в Царскосельском лицее, основанном в 1811 г. Это было закрытое привилегированное учебное заведение для детей дворян, задачей которого, согласно уставу, являлось «образование юношества, особенно предназначенного к важным частям службы государственной».⁴⁵ Лицей давал гуманитарное образование, приблизительно равное университетскому. Небезынтересно отметить, что Михаил учился в лицее в то время, когда его заканчивал А. С. Пушкин.⁴⁶

Александр поступил в Петербургскую губернскую гимназию. Андрей первоначально учился в Гимназии высших наук князя Безбородко, а затем в Ришельевском лицее. И. С. Орлай старался всем своим детям дать образование. Однако сложное материальное положение семьи создавало многие трудности на пути к образованию. Недостаток средств вынуждал И. С. Орлая обращаться к своим влиятельным друзьям и знакомым. Он жаловался З. Я. Доленге-Ходаковскому, находясь в Гомеле: Александр «не соответствует желанию моему ни поведением, ни науками: но что делать? Я не в Петрограде; а там некому за ним смот-

⁴³ ЦГИАЛ, ф. 1349, оп. 4, 1828, ед. хр. 96.

⁴⁴ Институт носил официальное название «Училище ордена св. Екатерины». Подобного типа учебное заведение было открыто также в Москве в 1802 г.

⁴⁵ «Очерки истории Ленинграда». Том первый. Период феодализма (1703—1861 гг.). Издательство Академии наук СССР. Москва-Ленинград, 1955, стр. 801.

⁴⁶ А. С. Пушкин учился в Царскосельском лицее с 1811 по 1817 годы. Известно, что Михаил Орлай в 1816 г. уже находился в лицее.

реть. Я просил и Василия Григорьевича Кукольника и Петра Дмитриевича Лодия об нем, но сии господа и без того заняты и озабочены своими хлопотами». Через З. Я. Доленгу-Ходоковского он обратился к своему петербургскому знакомому профессору Билюстину с просьбой присмотреть за сыном, наказывая, кроме семьи Лодиев, никуда не ходить.⁴⁷

И. С. Орлай добивается принятия Андрея в гимназию, а потом и в лицей на государственное содержание в виду своего «недостаточного состояния». В ноябре 1827 г. его прошение получило положительное решение. Андрею назначили стипендию в размере 1300 руб. и выплатили единовременное пособие на покупку форменной одежды.⁴⁸

Завершив образование, старшие сыновья И. С. Орлая в дальнейшем служили по военной линии. Михаил рублей и выплатили единовременное пособие на покупку форменной одежды.⁴⁸

Не так давно научному сотруднику Закарпатского краеведческого музея Ю. Качий удалось обнаружить одного из потомков семьи Орлаев. Им является Владимир Александрович Орлай, по профессии инженер-геодезист. Родословная В. А. Орлая восходит к сыну И. С. Орлая — Александру. У последнего был единственный сын Николай, умерший в 1919 г. и оставивший также только одного сына Александра. Александр Николаевич был отцом В. А. Орлая.⁵⁰

⁴⁷ И. С. Свенцицкий. Материалы по истории возрождения Карпатской Руси, стр. 28.

⁴⁸ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 78, ед. хр. 99.

⁴⁹ «Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко», стр. 200.

⁵⁰ «Молодь Закарпаття», 1974, 10 сентября.

ГЛАВА II

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ОБЛАСТИ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИИ В НАЧАЛЕ XIX В. И ОТНОШЕНИЕ К НИМ И. С. ОРЛАЯ

В развитии науки и просвещения России И. С. Орлаю по праву принадлежит видное место. Тридцать восемь лет своей жизни он посвятил самоотверженному труду первоначально на медицинском поприще, приняв участие в разработке системы медицинского образования, затем в области школьного дела.

Как врачебная, так и педагогическая деятельность И. С. Орлая, а также формирование его взглядов на роль просвещения относятся ко времени, когда в России начали осуществляться реформы народного образования.

В обстановке продолжающегося кризиса феодально-крепостнического строя и развития капиталистического уклада необходимо было внести некоторые улучшения в подготовку работников государственного аппарата, кадров образованной бюрократии, верно служащих царизму.

8 сентября 1802 г. возникло Министерство народного просвещения, сосредоточившее в своих руках центральное руководство делами просвещения. Ему были подчинены низшие, средние и высшие учебные заведения страны, Академия наук, библиотеки, музеи и типографии. При Министерстве народного просвещения возникло Главное правление училищ в составе П. В. Завадского, ставшего первым министром просвещения, Ф. И. Янковича, Н. Я. Озерецковского и Н. И. Фуса. Рассмотрев различные проекты школьной реформы, Главное правление училищ в январе 1803 г. приняло «Предварительные правила народного просвещения». Этот документ сформулировал основные принципы организации системы народного образования.

В ноябре 1804 г. увидел свет «Устав университетов Российской империи» и «Устав учебных заведений, ведомых университетам», завершившие разработку преобразований в области школ. Таким образом, официальными распоряжениями царского правительства вводилась строгая централизация школьного дела и было подчеркнуто, что школьная администрация подчиняется полностью государственному аппарату, являясь его неотъемлемой частью. Новая система народного образования располагала четырьмя видами учебных заведений: 1. приходские училища, 2. уездные училища, 3. губернские гимназии, 4. университеты. Возникла цепь преемственно связанных между собой школьных заведений как по линии учебной, так и по линии административной. Приходские училища представляли собой начальную школу сельского и городского типов с одногодичным сроком обучения. Уездные училища создавались в уездных городах с расчетом, что обучение в них будет продолжаться в течение двух лет. В губернских центрах открывались гимназии с четырехлетним курсом обучения.

По уставу 1804 г. школа объявлялась всеобщей и бесплатной. На практике многое выглядело иначе. Фактически государственная казна была освобождена от расходов на содержание приходских и уездных училищ. Сельские приходские школы субсидировались за счет поступлений от крестьян, уездные училища — за счет городского самоуправления. Вместе с тем становилось правилом, что дети крестьян, мещан, разночинцев учились в приходских и уездных училищах, а дети дворян — в гимназиях.

В течение пяти первых лет после принятия устава в России открылось 150 уездных училищ, хотя потребность в них была намного выше. В стране насчитывалось в это время приблизительно 500 уездных городов. В 50 губернских центрах было создано 40 гимназий. Очень медленно развивались приходские школы, увеличиваясь ежегодно приблизительно на 10—15 учебных заведений.⁵¹

⁵¹ «Очерки истории педагогики». Сборник статей. Под редакцией профессора Н. А. Константинова. Издательство Академии педагогических наук РСФСР. 1952, стр. 189.

Следует подчеркнуть, что «главное внимание правительства было обращено не на распространение грамотности среди широких масс населения, не на начальную школу, а на те звенья школьной системы, которые обслуживали преимущественно дворянство, — гимназию и университет. Бессословная, по букве устава, школьная реформа 1804 г. на деле была дворянской».⁵²

Дворянским интересам должно было служить лицейское образование. Лицеи, как правило, состоящие из двух отделений, давали образование близкое к университетскому. К числу наиболее известных относились Царскосельский лицей (1811 г.), Ришельевский лицей в Одессе (1817 г.), Волынский лицей в Кременце (1819 года).

Существенные изменения произошли в области университетского образования. Рядом со старыми университетами Московским, Виленским и Дерптским начали свою деятельность Казанский и Харьковский университеты, основанные в 1804 г. А в 1819 г. на базе Главного педагогического института был создан Петербургский университет. По уставу 1804 г. университеты состояли из четырех факультетов (или отделений): словесных наук, нравственных и политических наук, физических и математических наук и, наконец, врачебных, или медицинских наук. Устав провозгласил университетскую автономию: право избирать ректоров, деканов, профессоров, право на создание университетского суда, которому подчинялись преподаватели и студенты.

На основании «Предварительных правил» вся территория страны была разделена на шесть учебных округов, объединяющих учебные заведения нескольких губерний. Во главе учебных округов стояли университеты. За деятельность учебного округа одновременно отвечал один из членов Главного правления училищ, который назначался попечителем учебного округа и вместе с тем куратором университета.

Осуществляя преобразования в области народного просвещения, царское правительство, «...обеспокоен-

⁵² Там же.

ное влиянием французской революции XVIII в., хотело показать, что в России возможна широкая постановка просвещения и без революционного переворота. Каковы бы ни были, однако, замыслы правительства, реформа 1804 г. продвинула вперед образование в России, была для своего времени явлением прогрессивным. Нигде в Западной Европе не было тогда государственной школьной системы, построенной на подобных основаниях. Нигде гимназия не была такой широкой образовательной средней школой, как в России. В Западной Европе гимназию душил схоластизм и сугубый классицизм, от которых в значительной степени была свободна русская гимназия первого десятилетия XIX в.»⁵³

Первоначально либеральный школьный устав очень скоро обнаружил свои внутренние противоречия. В школьной политике усилилась тенденция к регрессу. Уже к 1811 г. в Петербургском учебном округе постепенно установилась непреодолимая дистанция между уездными и приходскими училищами, с одной стороны, и гимназиями, с другой. Гимназия перешла на семилетнее обучение. Из ее программы изъяли политическую экономию, философию, коммерческие науки и ввели преподавание закона божьего. Гимназия становилась доступной в основном дворянской молодежи.

После Отечественной войны 1812 г., во времена «Священного союза» и аракчеевщины, народное образование захватывает полоса реакции. Значительно возрастает влияние на школу религии. С этой целью в 1814 г. возникает «Библейское общество», а в 1817 году — объединенное ведомство Министерства духовных дел и народного просвещения. В 1819 г. происходит переустройство всех гимназий по образцу гимназий Петербургского учебного округа. Наконец, вводится плата за обучение в гимназиях, в приходских и уездных училищах.

Реакционный курс, взятый правительственными органами, особенно усиливается под влиянием событий 14 декабря 1825 г. После подавления восстания декабристов устав 1804 г. был заменен новым. Устав 1828 г.

⁵³ «Очерки по истории педагогики», стр. 189.

ликвидирует единую школьную систему, вводя дуализм. Возникает система элементарного обучения, опирающаяся на двухлетнее приходское училище и трехлетнее уездное училище. Отдельно складывается система среднего и высшего образования с семилетней гимназией и университетом. Таким образом, феодально-крепостнические тенденции одерживают победу над демократическими тенденциями в развитии школьного дела.⁵⁴

Тем не менее в начале XIX в. в России открылось много новых учебных заведений различного типа. В этой связи стал ошутим острый недостаток учителей и профессорско-преподавательских кадров. Особенно сложной оказалась ситуация во вновь открытых университетах. В Харьковском университете к началу первого семестра имелось всего 24 преподавателя, хотя по штатам полагалось только одних профессоров в количестве 28 человек.⁵⁵ Многие кафедры оставались вакантными. Учебно-педагогический процесс налаживался с большими трудностями. В школах Казанского учебного округа нехватало 449 учителей.⁵⁶

5 марта 1803 г. И. С. Орлай предоставил Н. Н. Новосильцеву, который был в то время попечителем Петербургского учебного округа, проект, получивший название «Записка гоф-хирурга Орлая о некоторых карпаторусских профессорах».⁵⁷ В «Записке» Орлай предлагал пригласить в Россию для занятия университетских кафедр Лодия, Кукольника, Владимира, Балудянского, Петрашевича, Земанчика и Кодеша. И. С. Орлай писал:

«Отгороженные в смутные времена от матери своей России, россияне населяют из древних времен Карпатские горы, определенные им господствовавшим над ними народом. Яко ветвь отсеченная от древа своего, хотя и были они пренебрегаемы несколько веков, и даже летописателями русскими оставлены в забвении;

⁵⁴ «Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII-первая половина XIX в.» Ответственный редактор М. Ф. Шабаева. М., 1973, стр. 202.

⁵⁵ М. И. Сухомлинов. Исследования и статьи по русской литературе. Т. I, СПб., 1889, стр. 66.

⁵⁶ Там же, стр. 67.

⁵⁷ Там же, стр. 68.

но одушевляясь чувствованием изящного своего начала, и величием народа, коего суть отрасль, не имели они во все времена недостатка в достойных себя мужах, которые в поприще своем, прославляли имя россиян. Текущий век, отличившийся пред всеми предтекавшими просвещением, произвел в карпатороссийском народе мужей принесших и приносящих целой Римской империи пользу и славу.

Г[осподин] Грек карпаторосс окончив науку в университетах употреблен был для воспитания принца Эстергазия; а теперь воспитывает эрцгерцегов австрийских братьев его величества императора римского. Г[осподин] Балотянский окончив в разных академиях науки учился напоследок законоискусству в Венском университете, где в продолжении четырехлетнего курса так успел, что не только первейшим в том почитался; но еще и в одобрение успехов его, несмотря на исповедуемый им грекокатолический закон, который в австрийских областях препятствует отличению талантов, произведен в профессора политических наук, кои уже 14 лет и преподает он с великою похвалою в Великоварадской академии. Место сие получил он не по протекции, которая всегда была и будет преградой неслучайной способности, но по ученому конкурсу, отдавшему справедливость г. Балотянскому, коим и сам известный в Европе г[осподин] Сонненфельс⁵⁸ удивился.

Г[осподин] Лодинков, или как теперь его зовут, Лоди, профессор логики и математики, которые уже 13 лет преподает на славянском церковном языке в Львовском университете.

Г[осподин] Кукольник, физики экспериментальной профессор академии Замосцкой в Галиции.⁵⁹

Г[осподин] Петрашевич, законоискусства доктор и славнейший адвокат в Песте.

Нет сомнения, чтобы сии карпатороссияне, упраж-

⁵⁸ Зонненфельс (Sonnenfels Joseph), 1733—1817. С 1763 г. преподавал в Венском университете. В дальнейшем занимал различные должности в имперской канцелярии, в учебной и цензурной комиссиях и т. д. Автор нескольких академических учебников и сочинений.

⁵⁹ Замосьц (Замостье) — город в юго-восточной Польше в Люблинском воеводстве.

няющиеся в просвещении иноверцев и иноплеменных, разными противу их предрассудками зараженных, не посвятили охотно трудов своих и способностей древнему отечеству своему России, образуя ум братьев своих вместо чужеземцев, которые хотя и не рождены для воспитания россиянина, но к тому употребляются и с немалыми издержками, таковое со стороны России к ним доверие примут с тем вящею радостью, что кроме удовольствия быть полезным своим единокорядцам, уповают они приобрести в России выгоды, могущие вознаградить способность их и усердие, чего в австрийской службе по предубеждению католиков и по другим политическим причинам без крайнего труда достигнуть они не могут».

Закончив это вступление, И. С. Орлай приступает к поименной характеристике, составленной на русском и латинском языках.

«В философском факультете Петр Лоди. Карпатороссиянин, во Львовском университете логики, философии моральной, метафизики⁶⁰ и математики публичный ординарный профессор. Первоначально упражнялся с большим успехом в Великоварадской академии и по отличным дарованиям в науках занимает настоящее место более 12 лет. Лекции преподает на русском языке. Сочинения и переводы его многие напечатаны на славянском языке. Жалованья получает 1000 гульденов.

Г[осподин] Кукольник. В Замосцкой академии, что в Чермной России (Галиции), физики экспериментальной и математики публичный ор[динарный] профессор. Родом карпатороссиянин. За дарования и успехи в науках с согласия академиков произведен в профессора. Лекции преподает на латинском языке. Жалованья получает 1000 гульденов.

⁶⁰ В высших учебных заведениях начала XIX в. преподавалась как самостоятельная дисциплина метафизика. Метафизика представляла собой, по определению В. Даля, «ученье о мире невещественном, о существенном, духовном; ученье о том, что выше физики, т. е. земной природы, что не подлежит чувствам человека, а одному умствованию его». («Толковый словарь живого великорусского языка», т. II, Москва, 1956.)

Гульден — золотая и серебряная монета, распространенная в XV—XIX вв. в Германии и соседних с нею странах.

Г[осподин] Кодеш. Во Львовском университете высшей математики профессор, родом богемец пражский, в науках весьма отличился. Получает жалованья 1200 гульденов.

Г[осподин] Земанчек. Во Львовском университете экспериментальной физики публ[ичный] орд[инарный] профессор. Родом славянин. Отличные дарования его приносят ему отличную похвалу. Лекции преподает на латинском языке. Жалованья получает 1200 гульденов.

Г[осподин] Владимир. В академии финф-кирханской⁶¹ профессор физики. Родом карпатороссиянин, науки преподает на латинском языке. Жалованья получает 1000 гульденов.

По юридической части.

Г[осподин] Балотянский. В Великоварадской академии в Венгрии публ[ичный] орд[инарный] профессор права естественного, публичного и народного универсального и политики. Родом карпатороссиянин. Курс философии кончил в Кошицкой академии в Венгрии, а юриспруденции в университете венском. Сей муж был первый, везде непобедимый в науках. Жалованья получает 1200 гульденов.

Г[осподин] Петрашевич. Карпатороссиянин. Искуснейший в Песте в Венгрии адвокат; кончил курс всех наук, посвятил себя юриспруденции. Звание сие проходил он с тайною славою для имени своего, что по мнению всех знающих его первейшим и образцовым в правосудии почитается; от корыстолюбия удален, во многих великих частях, по общей признательности, человек пресведущий и служит украшением своего круга».⁶²

«Записка» И. С. Орлая представляет собой документ общественной значимости и свидетельствует о его активном восприятии некоторых проблем, касающихся дела развития просвещения в России. И. С. Орлай не

⁶¹ Финф-кирхен (Fünfkirchen) немецкое название венгерского города Печ (Pécs). По-чешски Pětikostelí. В Печи находилась юридическая академия.

⁶² ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 86, 1803, ед. хр. 30, лл. 1—6.

только информирует правительственные органы о возможных кандидатах на свободные университетские кафедры, но ведет переписку с представителями венгерских культурных кругов. Он посылает сообщения о преобразованиях в области просвещения в России в газеты, издаваемые Дмитрием Герегом, Самуилом Керкешом и Лайошем Шедиусом, которые регулярно публикуют его материалы. Вместе с тем Орлай, вероятно, связался и с некоторыми представителями учебного мира. Например, известно его письмо М. А. Балудянскому, в котором он излагал все преимущества и выгоды, ожидающие ученых, давших согласие на переезд в Россию. «Действующие на отдельных кафедрах профессора пользуются в России такими преимуществами, как нигде в мире, поэтому нельзя удивляться тому, что столько немецких, английских и французских ученых соревнуются в получении российских кафедр. Размышляя о многих ученых, участвующих в конкурсе, я подумал о тебе, славный муж, о котором мне хорошо известно, что ты являешься ученым в области политики, располагающий и познаниями в части русского языка. Поскольку тебе соответствовала бы чрезвычайно достопочтимая кафедра политических наук, могу ее предложить тебе, так как я счел бы более соответствующим заполнить эту сулящую столько преимуществ кафедру лучше венгром, чем кем-либо из других иностранцев».⁶³

И. С. Орлай со всей серьезностью относился к делу подбора преподавательских кадров. По его глубокому убеждению на службу в Россию могли быть приглашены только люди талантливые, с многолетним стажем педагогической деятельности и с практическим знанием русского языка. Усилия Орлая увенчались успехом. Его предложения были с удовлетворением приняты официальными кругами. В июле 1803 г. Главное правление училищ отправило приглашение всем указанным лицам. В скором времени в Россию приехали профессор физики и естественной истории Замостского лицея В. Г. Кукольник, профессор политических наук Пештского университета М. А. Балудянский

⁶³ Dr. Tardy L., Orlay János, стр. 49

и профессор любомудрия⁶⁴ и математики Львовского университета П. Д. Лодий. Все трое были приглашены в Главный педагогический институт в Петербурге.⁶⁵ В дальнейшем своей плодотворной деятельностью они внесли значительный вклад в развитие науки и просвещения России.

Инициатива, проявленная И. С. Орлаем, получила положительную оценку. В его личном деле за 1828 г. было отмечено: «... вызванные им... единокоренцы... все совершенно оправдали его проект и выбор весьма ощутительными действиями на образование российского юношества и на приготовление отличных наставников для вящего распространения света и добродетели в России...»⁶⁶ Судя по записи в послужном списке, И. С. Орлаю вторично поручено было заняться делом приглашения славянских ученых, используя накопленный опыт. В пометке, внесенной в формуляр и датированной днем 14 сентября 1821 г., говорится:

«Вследствие прежних одобрительных событий касательно вызова в 1803-м году профессоров из славян и карпатороссов, паки возложено было на него Орлая пригласить еще других ученых славян и карпатороссов, что он чрез посредство бывшего министра духовных дел и народного просвещения и исполнил».⁶⁷

Таким образом, согласно служебному списку, И. С. Орлай на основании полномочий, полученных от министра духовных дел и народного просвещения в 1821

⁶⁴ Любомудрие — «наука, имеющая предметом познание причин и действия вещей, философия». См.: «Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением императорской Академии наук», т. 1, Санктпетербург, 1867.

Любомудрие — «мудрость, философия, наука отвлеченности или наука о невещественных причинах и действиях; наука достижения премудрости, т. е. понимание назначения человека и долга его, слияния истины с любовью». См.: В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 2.

⁶⁵ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 20, дд. 222, 238; оп. 21, д. 150.

⁶⁶ ЦГИАЛ, ф. 1349 оп. 4, 1828, ед. хр. 96. В литературе существует указание на отношение, данное министром духовных дел и народного просвещения князем Голицыным, и подтверждающее полномочия И. С. Орлая по вербовке кадров преподавателей. Имеются в виду отношения под №180 от 23 августа 1821 г., под №2894 от 10 сентября 1821 г. и под №3232 от ноября 1822 году.

⁶⁷ ЦГИАЛ, ф. 1349, оп. 4, 1828, ед. хр. 96.

—1822 годах, смог вызвать в Россию еще одну группу ученых и преподавателей славянского происхождения. Осталось неизвестным, о ком шла речь конкретно. Правда, существуют некоторые отрывочные данные, связанные с приглашением библиотекаря пряшевской епархии Ивана Лацкова. В октябре 1824 г. И. Лацков обратился к Орлаю с письмом, в котором просил помочь получить место ординарного профессора философии в одном из учебных заведений Петербурга. Он подчеркивал, что уже давно одержим желанием переехать в Россию и посвятить все свои способности воспитанию молодого поколения. При этом отмечал, что к избранному делу своей жизни подготовлен как теоретически, так и практически, и владеет многими языками, в том числе «родным карпаторусским и венгерским». Роль посредника в завязавшейся переписке сыграл словацкий художник Ян Ромбауер, уроженец Левочи. В 1806—1824 годах Я. Ромбауер находился в России, будучи придворным художником Александра I.⁶⁸ Вероятно, Я. Ромбауер и И. С. Орлай были хорошо знакомы. В данном случае не следует забывать, что И. С. Орлай долгие годы исполнял должность придворного врача. Служба при дворе благоприятствовала их связям. Кроме того их сближало землячество. Оба приехали в Россию из Венгрии и продолжали удерживать контакты с деятелями венгерской, словацкой и украинской культуры. Подтверждением их общего интереса к судьбам культурного развития родины явилась организация в Пряшеве выставки книг, которые были посланы Орлаем отдельным лицам и учреждениям. На выставке экспонировался портрет Орлая, сделанный Ромбауером.

Получив письмо И. Лацкова, И. С. Орлай ознакомил с его содержанием членов конференции Нежинской гимназии, которую в то время возглавлял, сообщив свое решение: «так как г. Лацков оказал отличные успехи в науках и языках, кроме всего сведущ в педагогике и одобряется во всех аттестатах с отличием по наилучшей нравственности, то находя его полезным для императорско-российской службы по учеб-

⁶⁸ И. С. Свенцицкий. Материалы по истории возрождения Карпатской Руси, стр. 31—35.

ной части, он на основании поручения приглашать в профессора и учителя способных людей из славян и карпатороссов, данного ему . . . , принял намерение уведомить Лацкова, что он может надеяться быть определенным в наставники гимназии; но не иначе как по получении им законных документов на увольнение его из Австрийской монархии и по предварительном испытании, при имеющихся открыться вакансиях».⁶⁹ Не удалось установить, чем завершилось дело и приехал ли Лацков в Россию. Во всяком случае в числе воспитателей и учителей Нежинской гимназии его имя не упоминается.

И. С. Орлай, используя свои обширные деловые связи с венгерскими, словацкими и украинскими представителями культуры и просвещения, способствовал пополнению кадров преподавателей для нужд русской школы. В последние годы своей жизни, несмотря на повторное официальное подтверждение полномочий, Орлай не смог уделить этому вопросу должного внимания в виду многих обстоятельств служебного и житейского порядка. Будучи убежденным сторонником развития просвещения, а к тому же человеком инициативным и энергичным, Орлай по мере своих сил и возможностей активно содействовал делу проведения в жизнь школьной реформы. Его конкретную педагогическую деятельность, взгляды и проекты следует рассматривать на историческом фоне преобразований в области народного образования в России. Но прежде чем педагогическое призвание Орлая получило свою конкретную реализацию, многие годы своей жизни он отдал делу развития медицины. На медицинском поприще постепенно формировались его взгляды на природу и законы ее эволюции, которые в дальнейшем нашли свое отражение в педагогической практике.

⁶⁹ И. С. Свенцицкий. Материалы по истории возрождения Карпатской Руси, стр. 36.

Глава III

ЗАСЛУГИ И. С. ОРЛАЯ В ДЕЛЕ РАЗВИТИЯ МЕДИЦИНЫ В РОССИИ

1. Учеба и служба в медицинских учреждениях

И. С. Орлай внес значительный вклад в развитие медицинского дела и медицинских знаний в России. На рубеже XVIII и XIX веков он работал вместе с выдающимися представителями медицинской научной мысли в России: клиницистами Н. М. Амбодиком-Максимовичем — специалистом в области акушерства, лекарствоведения и ботаники, А. М. Шумлянским, который в диссертации «О строении почек» впервые описал капсулу почечных клубочков, Г. И. Базилевичем, Н. К. Карпинским, Я. О. Саполовичем, Ф. Т. Тихорским, А. И. Федоровским, ботаниками и фармакологами Г. Ф. Соболевским и М. М. Тереховским, опровергнувшим в своих исследованиях учение о самопроизвольном зарождении, химиком В. М. Севрюгиным, физиком В. В. Петровым, создателем первого физического кабинета при Медико-хирургическом училище, одного из лучших в Европе. Наконец, он трудился бок о бок в стенах Медико-хирургической академии с выдающимся русским анатомом и физиологом П. А. Загорским (1764—1841), основоположником русской анатомической школы.

Получив первоначальное медицинское образование в России, И. С. Орлай неустанно расширял и совершенствовал свои знания. В его лице удачно воплотились черты лечащего врача с врачом организатором и научным работником. Эта сторона деятельности И. С. Орлая получила признание и положительную оценку в наше время:

«И. С. Орлай был всесторонне образованным человеком, прекрасным и знающим врачом и хорошим ор-

ганизатором, он много и честно потрудился на медицинском поприще в России». ⁷⁰

И. С. Орлай приехал в Петербург двадцатиоднолетним юношей и, оставив свои прежние увлечения, решил посвятить себя медицине. Трудно сказать, почему молодой педагог обратил свое внимание к совершенно новой для него отрасли знаний. Однако свою роль здесь могло сыграть и простое стечение обстоятельств. Дело в том, что прибыв в столицу, он не сразу избрал медицинское поприще. Не без влияния и совета А. Фесслера Орлай поступил в Александроневскую семинарию. ⁷¹ В те времена было правилом, что духовные семинарии и академии поставляли из своих рядов учеников для госпитальных школ и медико-хирургических училищ, правда, по договору и с согласия Синода. ⁷²

Медицинская коллегия в связи с открытием медико-хирургических училищ обратилась с просьбой к Синоду разрешить провести набор среди семинаристов, владеющих латинским языком. Указом от 25 января 1787 г. группа бывших семинаристов была зачислена в ученики медицинских училищ. Среди них оказался Орлай, принятый в Петербургское медико-хирургическое училище. В этой связи в послужном списке Орлая было записано:

«Бывши в римско-императорской службе в Велико-карловской высших наук гимназии профессором словесных наук, вступил в российско-императорскую службу медицины студентом в С. Петербургское медико-хирургическое училище 8 мая 1791 г.» ⁷³

Санкт-Петербургское медико-хирургическое училище при петербургском сухопутном госпитале возникло в 1786 г. по инициативе двух русских врачей А. М.

⁷⁰ «К истории медицины на Украине», стр. 315.

⁷¹ Главная семинария при Александровском монастыре в Петербурге была основана в 1788 г. Семинаристы изучали богословие, философию, красноречие, французский язык, математику и физику. Орлай пробыл в семинарии всего несколько месяцев. См.: М. Корф. Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861, т. I, стр. 191—192.

⁷² Синод — высший государственный орган по делам российской православной церкви, возник в 1721 г.

⁷³ ЦГИАЛ, ф. 1297, оп. 9в, кн. 106, ед. хр. 54.

Шумлянского и М. М. Тереховского. Принадлежит к числу первых и немногих для того времени медицинских учреждений, оно занималось подготовкой врачей. Задачи училища были определены следующим образом: 1. «удобнейшее снабжение на будущее время морских и сухопутных войск, губерний и прочих мест потребными медицинскими чинами»; 2. «завести в хирургических школах новоизбранный способ учения и даже «доводить в докторскую степень», доставляя таковым посредством природных российских докторов для занятия мест, званию их соответствующих».⁷⁴

Во время, когда в медико-хирургическом училище находился Орлай, в нем существовали четыре кафедры: кафедра анатомии, физиологии и хирургии, кафедра патологии и терапии, кафедра ботаники и химии, кафедра акушерства, женских и детских болезней. Срок обучения был рассчитан на пять-семь лет. Среди учителей находились известные русские и украинские врачи М. М. Тереховский, Ф. Т. Тихорский, Н. К. Карпинский, Г. Ф. Соболевский, Я. О. Саполович и другие. В целом следует заметить, что Петербургское медико-хирургическое училище считалось одним из лучших. На пути его деятельности возникало немало препятствий. Относясь к медицинским учебным заведениям высшего типа, училище практически не могло реализовать свое послание в полной мере. В одном из юбилейных очерков по истории развития медицинского образования в России отмечалось:

«В общих чертах медико-хирургическое училище представляло в конце прошлого столетия следующий вид: довольно высокие требования от желающих их занять кафедру; учреждены должности адъюнктов — для временного замещения профессоров или для чтения небольших отделов; курс преподавания 5-летний; выработаны подробные правила для экзаменов на лекаря и на доктора; в госпиталях учреждены «клинические палаты», в которые отбирали больных наиболее подходящих для клинических лекций.

Но все-таки кафедры с зачатками учебных кабинетов, а равно и все ученики школы должны были ютить-

⁷⁴ Проф. Яков Чистович. История первых медицинских школ в России. СПб., 1883, стр. 357.

ся в госпитале — учреждении приспособленном собственно для помещения больных. Госпитальная администрация смотрела на профессоров как на пришельцев, а на учеников — как на свою рабочую силу, отвлекаемую профессорскими лекциями от их непосредственных обязанностей по госпитальной службе».⁷⁵

14 февраля 1793 г. И. С. Орлай досрочно сдал экзамены в государственной Медицинской коллегии и на основании «Правил об экзаменах» получил диплом врача. Служебная карьера Орлая началась в Генеральном сухопутном госпитале в должности ординатора. Госпиталь принадлежал к числу самых крупных в государстве и предназначался для лечения солдат всех частей и гарнизонов.⁷⁶ С 13 сентября 1798 г. по 30 сентября 1799 г. он служил врачом в Семеновском полку, а с 19 октября 1799 г. по 9 марта 1803 г. — на почтамте (Главная почта).

Во время Отечественной войны 1812 г. И. С. Орлай был призван в армию и направлен снова на службу в Генеральный сухопутный госпиталь. В связи с войной армия испытывала острый недостаток в медицинском персонале. Известно, например, что на 770 тысяч солдат приходилось всего 800—850 врачей и 1000—1200 фельдшеров.⁷⁷ Работать приходилось с полной отдачей сил. В послужном списке Орлая особо отмечен факт его участия в освободительной Отечественной войне 1812 г.:

«От ординаторской должности по причине уменьшения больных медицинским департаментом военного министерства уволен с изъявлением ему совершенной благодарности за готовность и рачительность, какие оказал подавая в самое нужное время помощь больным военного ведомства и военнопленным разных

⁷⁵ В. В. Пашутин. Краткий очерк императорской Военно-медицинской академии за 100 лет ее существования. С.-Петербург, 1898, стр. 3—4.

⁷⁶ В. В. Заглухинский, В. П. Копосов, И. В. Фомин. Организация и работа военно-медицинской службы русской армии в Отечественную кампанию 1812 г., Москва, 1912, стр. 37.

⁷⁷ В. В. Заглухинский, В. П. Копосов, И. В. Фомин. Организация и работа военно-медицинской службы русской армии в Отечественную кампанию 1812 г., стр. 41.

наций как-то: австрийцам, пруссакам, баварцам, виртенберцам, итальянцам, гишпанцам».⁷⁸

За свой самоотверженный труд И. С. Орлай был награжден орденом и бронзовой медалью.⁷⁹

Богатую врачебную практику И. С. Орлай успешно соединял с постоянным стремлением к освоению новых достижений в медицине. С этой целью он предпринял несколько заграничных поездок. В 1794—1797 годах Медицинская коллегия командировала его в Австрию как государственного стипендиата «для усовершенствования себя в медико-хирургических науках».⁸⁰ В Вене он некоторое время посещал Высшую хирургическую школу, так называемый «Йозефинум».⁸¹

Наиболее значительным периодом деятельности И. С. Орлая можно считать его службу в Медицинской коллегии и в Медико-хирургической академии. Именно здесь получили свое наиболее полное раскрытие его недюженные организаторские и творческие способности.

Медицинская коллегия как высшее медицинское учреждение страны возникла в 1763 г. и просуществовала до 1803 г. В ее компетенцию входили вопросы организации здравоохранения, подготовки отечественных кадров медицинских работников и заботы о раз-

⁷⁸ ЦГИАЛ, ф. 1297, оп. 9в, кн. 106, ед. хр. 54.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Доктор Л. Тарди в своей работе «Dr. Orlay János» приводит интересное свидетельство о том, что во время пребывания Орлая в Вене за ним был установлен полицейский надзор. В одном из документов венской тайной полиции содержалась следа и, который является в Петербурге гофхирургом. Он урожденный венгр, но православного вероисповедания. Его рекомендовали архиреи его веры в Петербурге, после чего он возвратился в Вену в сопровождении одного русского кавалера и посещал несколько месяцев Высшую хирургическую школу «Юзефинум» на улице Верингер. Он жил здесь на широкую ногу и возвратился с тем же кавалером обратно в Петербург, где он занял свое прежнее место и играет не только в области медицины и хирургии ведущую роль, но в государственных делах. Он здесь известен различным кругам состоятельных православных, но православный священник церкви св. Варвары утверждает здесь о нем, что у него чрезвычайно интригующая голова». (стр. 47).

витии медицины как науки.⁸² В течение 1793—1800 годов Орлай исполнял должность помощника ученого секретаря Медицинской коллегии. Ученым секретарем коллегии был назначен И. И. Виен, переложивший основную тяжесть своих обязанностей на плечи Орлая. Приблизительное представление о круге вопросов, которыми занимался Орлай, дает «Инструкция коллегии медицинской». Инструкция вполне определено перечисляла обязанности ученого секретаря:

«1. При всяком заседании неотлучно секретарь быть должен, и комментарии на латинском языке для тех причин, о которых ниже сказано будет, сочинять, так как и протокол вести.

2. Секретарь голоса никакого в собрании не имеет, но только сочинитель всего быть должен, чего ради читать ему все, что из чужих государств в медицинской науке нового приходит и коллегии о том докладывать. Почему библиотека и архив сей коллегии в его смотрении быть должна».⁸³

И. С. Орлай приводит в порядок книги, журналы, рукописи, атласы и другие издания медико-хирургической библиотеки. Он со всей тщательностью систематизирует материалы и экспонаты анатомического и физиологического кабинетов. Вместе с тем молодой врач отдает много времени и сил еще одному важному делу. Речь идет о подготовке к печати первого выпуска «Записок российских врачей»⁸⁴, вышедших в 1800 году под таким латинским названием:

⁸² Р. Ю. Мацкина. История развития медицины и здравоохранения в России. Обзор документальных материалов. М.-Л., 1958, стр. 5.

⁸³ Профессор Я. Чистович в «Истории первых медицинских школ в России» цитирует рескрипт Екатерины II, в котором она делает выговор И. И. Виену за нерадивое отношение к делу (стр. СХХIII). Там же на стр. 1 помещена «Инструкция коллегии медицинской».

⁸⁴ В §10 «Инструкции коллегии медицинской» особо подчеркивалось, что к обязанностям ученого секретаря относится редакционная работа по подготовке к печати сочинений русских медиков:

«История медицинской сей коллегии таким образом собираема изо всей империи будет, и по разности климатов и пространству земель много заключать нового в откровении природы для врачевания рода человеческого, а уповательно, что и лекарства из произращений откроются новые. Коллегия из собра-

„Observationis medicochirurgorum Rutheni Imperii, collectae ett in ordinem radactae a J. J. Wien consillario status, imperiali collegio medica ab epistolis sodali ejusdem emerito . . .“

Несмотря на то, что «Записки» были изданы от имени И. И. Виена, основную работу, связанную с переводом их на латинский язык и редакцией, проделал И. С. Орлай.

Одновременно Орлай исполнял обязанности придворного врача и каждый второй или третий день должен был дежурить при дворце. Эта служба была далеко нелегкой. Как вспоминал сам Орлай, вместе с тремя коллегами по профессии они исполняли работу 30 медицинских работников.⁸⁵

В 1798 г. на базе медицинских училищ возникла Медико-хирургическая академия как высшее учебное заведение для подготовки военных врачей. Интересно отметить, что подобного рода учреждения, существующие в Европе, были рассчитаны на переподготовку военных хирургов. Впервые в России Медико-хирургическая академия ввела полный курс подготовки врачей для армии и флота.

Первоначально независимо друг от друга возникли Петербургская и Московская медико-хирургические академии. В дальнейшем произошло их слияние. Образовалась Петербургская медико-хирургическая академия. В 1808 г. был разработан и утвержден ее устав. В составе профессорско-преподавательского коллектива академии насчитывалось 24 профессора и 24 адъюнкта. В ее стенах обучалось 720 студентов.⁸⁶ Пол-

ния таковых журналов негодное исключая, полезное издавать должна в печать на латинском языке особливую книгою под именем: Записки докторов российских, которые хотя для одних только докторов и физиков издаваться будут во всю Европу . . .» (стр. СIII).

⁸⁵ ЦГАДА, ф. 1239, ед. хр. 39611, лл. 1—5. Согласно материалам этого архива Орлай был принят на службу при дворе в 1800 г. (ф. 344, оп. 8, ед. хр. 604, лл. 191—194). Кроме того известно, что после покушения на императора Павла I, он находился при его гробе вплоть до похорон (ЦГИАЛ, ф. 1349, оп. 4, ед. хр. 96).

⁸⁶ Большая медицинская энциклопедия, Москва, 1956, т. 1, стр. 403—407. По данным Военно-медицинского музея Министерства обороны СССР Петербургскую медико-хирургическую академию

ный курс обучения был рассчитан на четыре года. В течение года после окончания академии студенты проходили практику в госпиталях, ветеринарных учреждениях и аптеках. По ее окончании получали дипломы лекаря, ветеринара или аптекаря. По свидетельству некоторых специалистов «... преподавание в Академии было поставлено на идеальную и почти недостижимую по тому времени высоту: значительно увеличено число кафедр, расширены театры и кабинеты, открыты новые клиники, снабженные всеми научными пособиями и пр. ...»⁸⁷

В августе 1808 г. И. С. Орлай получил приглашение на должность ученого секретаря Медико-хирургической академии. Своим новым назначением он был обязан знакомству с Я. В. Виллие⁸⁸, президентом академии. Я. В. Виллие обратился к министру внутренних дел с ходатайством утвердить «ученым секретарем надворного советника Орлая».⁸⁹ В должности ученого секретаря И. С. Орлай состоял в течение 1808—1817 годов. Вместе со своими коллегами он принял активное участие в становлении и развитии Медико-хирургической академии. В обязанности Орлая входил широкий круг вопросов, преимущественно организационного характера: он составлял формуляры различных анкет, дипломов, свидетельств, сочинял инструкции, вел книги по делопроизводству⁹⁰. Он работал

окончило: в 1808 г. — 86 человек, в 1809 — 65, в 1810 — 62, в 1811 — 52, в 1812 — 101, в 1813 — 44.

⁸⁷ В. В. Заглушинский, В. П. Копосов, И. В. Фомин. Организация и работа военно-медицинской службы русской армии в Отечественную кампанию 1812 г., стр. 8.

⁸⁸ Я. В. Виллие (1768—1854), доктор медицины и хирургии. С 1808 по 1838 годы президент Петербургской медико-хирургической академии, затем главный военно-медицинский инспектор русской армии.

⁸⁹ ЦГИАЛ, ф. 1297, оп. 9а, 1818, кн. 16, ед. хр. 65. «Об определении при Медико-хирургической академии в С.-Петербурге ученым секретарем Орлая», лл. 76—77.

⁹⁰ И. С. Орлай позднее писал: «... я сочинил на латинском языке формы всякого рода дипломов и свидетельств, равно как и инструкцию о должностях профессоров и других чиновников, завел новые книги для соблюдения вящего порядка, устроил существующее и по днесь течение дел». — ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 94, ед. хр. 12.

в комиссии по составлению устава академии⁹¹ и занимался набором иностранных врачей для службы в России.

В начале XIX в. в связи с активизацией внешнеполитического курса царского правительства Россия оказалась втянутой во все более обостряющийся общеевропейский конфликт, приняв участие в войнах 1805, 1806—1807 годов на стороне Австрии и Пруссии. Царская дипломатия добилась подписания русско-английского договора, направленного против Франции, осознавая угрозу своим интересам со стороны наполеоновской агрессии. Вместе с тем, заботясь об усилении своего влияния на Ближнем Востоке и на окраинных пограничных территориях, царизм развязывает русско-турецкую войну (1806—1812) и русско-шведскую войну (1808—1809). Все это вместе взятое ставит вопрос об увеличении армии и обеспечении ее необходимым количеством медицинских работников. Согласно данным Военно-медицинского музея Министерства обороны СССР в Ленинграде, в России в 1803 г. имелось 1627 врачей, при этом большая их часть находилась в армии, в общей сложности 727 врачей. В 1812 г. их число увеличилось и достигло 2800 врачей, из которых 1500 служили в армии. Стремясь решить вопрос обеспечения армии медицинским персоналом, правительственные органы осуществили некоторые мероприятия, имеющие ярко выраженную классовую направленность. Не проявляя интереса к организации медицинского обслуживания населения страны, они выдвинули на первый план набор и подготовку военных врачей. С этой целью были разработаны в 1808 году «Правила о приглашении иностранных врачей на службу в России».⁹² Врачи вербовались для службы в армии и флоте. По предоставлении соответствующих документов и после сдачи экзаменов по отдельным дисциплинам министерство внутренних дел распределяло их по частям и гарнизонам. Контракт подписывался сроком на шесть лет. По его окончании ино-

⁹¹ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 1, 1803—1868, ед. хр. 175. «О рассмотрении устава и штата Медико-хирургической академии».

⁹² «Положения, правила и доклад министра внутренних дел о приглашении иностранных врачей». — ЦГИАЛ, ф. 1297, оп. 9а, ед. хр. 2.

странные врачи имели право возвратиться на родину, но только в случае, если Россия в это время не участвовала в войне,

Организация набора врачей на русскую службу была поручена русским послам в Вене, Дрездене, Кенигсберге и Париже. Известно, например, что русский посол в Вене пригласил на службу первоначально 14 врачей, среди которых находились врачи славянского происхождения Т. Любомиров и И. Свобода, в дальнейшем еще 121 врача.⁹³ Как сообщает «Записка о приглашении в российскую службу иностранных врачей», в период с 1808 по 1809 годы высказали свое согласие с поступлением на службу в медицинский департамент 103 человека.⁹⁴

Самое непосредственное и активное участие в деле приглашения врачей в Россию принял И. С. Орлай. По просьбе известного горного инженера А. Ф. Дерябина он пригласил для работы в горнодобывающей промышленности Урала нескольких врачей. С А. Ф. Дерябиным у Орлая существовали давние контакты. А. Ф. Дерябин окончил горнометаллургическую академию в городе Шельмецбанья в Венгрии.⁹⁵ Встречались они и в бытность пребывания Орлая в Гомеле.⁹⁶ А. Ф. Дерябин стал крупным специалистом горного дела в России, в подчинении которого находились Гороблагодатские казенные горные заводы в Пермской губернии.⁹⁷ На эти заводы была направлена группа завербованных Орлаем врачей.

⁹³ Там же, ф. 733, оп. 99, ед. хр. 6, лл. 42—44.

⁹⁴ Там же, ф. 1297, оп. 9а, ед. хр. 2, л. 622.

⁹⁵ Шельмецбанья (Selmecz-és Bélabánya). В настоящее время Банска Штявница на территории Чехословакии. В 1760 г. по распоряжению Марии Терезии в Банской Штявнице была основана Горная академия.

⁹⁶ И. С. Свенцицкий. Материалы по истории возрождения Карпатской Руси, стр. 26.

⁹⁷ А. Ф. Дерябин (1770—1820) был директором Департамента горных и соляных дел (в 1811—1817 годах). Вышеупомянутые Гороблагодатские заводы объединяли Кушвинский, Туринский, Баранчинский чугуноплавильные заводы и Серебрянский, Нижнетурицкий, Верхнебаранчинский железоделательные заводы. К середине XIX в. Гороблагодатский округ насчитывал 41 тыс. жителей и вырабатывал 900 тыс. пудов чугуна и 200 тыс. пудов железа. В дальнейшем А. Ф. Дерябин написал обстоятельную работу «Историческое описание горных дел в России с самых

Воспользовавшись своими связями с А. Б. Куракиным, находившимся в Вене, И. С. Орлай обратился к министру внутренних дел⁹⁸ с предложением принять на службу ветеринарного врача Станкова, окончившего Пештский университет. Хотя внимание Орлая привлекла персонально судьба доктора медицины Станкова, следует отметить, что на саму проблему он смотрел с точки зрения государственных интересов, стремясь поставить акцию на широкую платформу. Орлай как опытный организатор медицинского дела предложил опубликовать «Правила о приглашении иностранных врачей на службу в Россию», сделав их достоянием общественности. «... Венгрия, — как не без преувеличения отмечал он, — подобного рода врачами изобилует и что если бы означенные правила были в ней обнародованы, то Россия получила бы немалое число таких врачей...»⁹⁹

Одновременно И. С. Орлай хорошо продумал организационную сторону мероприятия. Он послал в министерство образцы свидетельств и дипломов, высказав некоторые дополнительные соображения относительно правил приема. Орлай полагал, что в интересах дела на службу могут быть приняты только те лица, в руках которых находятся дипломы с отличием. Кроме того, каждый претендент обязан свободно владеть хотя бы одним из славянских языков. Обращает на себя внимание еще одно замечание, высказанное Орлаем. Речь шла о зачислении на службу тех кандидатов медицины, которые получив специальное образование, не смогли добиться докторских дипломов в виду своей бедности и недостатка материальных средств. В заключение И. С. Орлай писал А. Б. Куракину: «Всех врачей, имеющих таковые качества, принимать на месте в 3-й класс... в нашу службу, и выдавать им на проезд в Санктпетербург по 50 червонцев, с тем однако ж, что ежели они при испытании в императорской Медико-хирургической академии причислены будут к высшим классам, то как

отдаленнейших эпох до нынешних», внеся тем самым посильный вклад в исследование экономической истории России.

⁹⁸ Александр Борисович Куракин был послом в Вене. Алексей Борисович Куракин — министром внутренних дел.

⁹⁹ ЦГИАЛ, ф. 1297, оп. 9а, ед. хр. 2, лл. 706—707.

прогонные деньги, так и прочие выгоды будут им предоставлены сообразно классам, в которые они помещены будут Академиею».¹⁰⁰ Наконец, Орлай предлагал, чтобы дело подбора и отправления врачей в Россию было поручено Пештскому университету. В качестве посредника с русской стороны он выдвигал кандидатуру мукачевского епископа Михаила Брадача, «мужа известного по своей приверженности к российскому престолу, доказанной им уже неоднократно при переходе российского воинства чрез Карпатские горы».¹⁰¹ В обязанности М. Брадача входило снабжение необходимым всех выезжающих в Россию при условии предоставления свидетельства о приеме на российскую службу и паспорта, выданного венгерской канцелярией.

В итоге И. С. Орлай получил возможность пригласить в Россию доктора Станкова. Однако предложение о посредничестве М. Брадача принято не было, поскольку вербовку иностранных врачей поручили послам, аккредитованным при дворах европейских государств. История с приглашением доктора Станкова имела место в 1808—1809 годах. Правда, «Российский медицинский список на 1809 г.» не содержал еще данных о нем. Вероятно, он прибыл в Россию несколько позже. Более подробные сведения имеются о другом враче, вызванном Орлаем из Австрии. Речь идет о Егоре Зучиче, хорвате по национальности, прибывшем в Россию в 1803 г. В дальнейшем он стал профессором на клинике Медико-хирургической академии.¹⁰²

В записке министра внутренних дел о приглашении в российскую службу иностранных врачей констатировалось, что при общей нехватке медицинских чиновников «приглашение врачей в российскую службу имело лучший успех в Вене».¹⁰³ Не последнее место в этом деле, без сомнения, принадлежало И. С. Орлаю.

Свою всестороннюю организаторскую деятельность И. С. Орлай успешно сочетал с исследованиями в об-

¹⁰⁰ ЦГИАЛ, ф. 1279, оп. 9а, ед. хр. 2, лл. 706—707.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² ЦГИАЛ, ф. 1349, оп. 4, 1828, ед. хр. 96. л. 6 (обратная сторона).

¹⁰³ Там же, ф. 1297, оп. 9а, ед. хр. 2, л. 625.

ласти медицины. Он написал и опубликовал несколько научных работ, которые способствовали развитию медицинской теории и практики.

В 1808 г. И. С. Орлай совместно с доктором Ф. О. Рускони и студентом Медико-хирургической академии Д. К. Тарасовым работал над составлением военной фармакопеи.¹⁰⁴ Российская военно-полевая фармакопея была издана на латинском языке под редакцией Я. В. Виллие и в период с 1808 по 1840 годы выдержала четыре издания. При работе над фармакопей нашли свое применение большая научная эрудиция Орлая, глубокое понимание им предмета и превосходное знание латинского языка. Все это вместе взятое способствовало успеху фармакопеи среди русских медиков.¹⁰⁵

Известно, что первые десятилетия XIX в. во многих сельскохозяйственных районах России ознаменовались почти ежегодными неурожаями. Их следствием были голод и болезни. Население захватывали различные эпидемии, в особенности часто тиф и оспа. Врач Орлай проявляет живой интерес к этим заболеваниям и пытается установить средства борьбы с ними.

В 1805 г. И. С. Орлай оказывает помощь Я. В. Виллие, когда последний работал над сочинением «о желтой горячке (во время свирепствования сей болезни в Корфу . . .)».¹⁰⁶ По некоторым данным случаи желтой

¹⁰⁴ Фармакопея — сборник стандартов и положений, нормирующих качество лекарственных средств. В фармакопеи содержались «... наряду с фармацевтическими сведениями... указания военным врачам о действии лекарств на организм и способах их применения.» — «Большая медицинская энциклопедия», т. 33, стр. 506.

¹⁰⁵ В ряде научных изданий авторство военной фармакопеи приписывается неправом Я. В. Виллие. В юбилейном очерке «Организация и работа военно-медицинской службы русской армии в Отечественную кампанию 1812 г.» его авторы В. В. Заглухинский, В. П. Копосов и И. В. Фомин совершенно ясно высказываются в том духе, что основная работа над фармакопеей была проделана И. С. Орлаем: «Последняя, т. е. фармакопея была составлена ученым секретарем академии Орлаем... под редакцией опять же Виллие... Многие устарелые средства при этом были вычеркнуты и в то же время внесены достаточно полные сведения о лекарственных веществах, о применении их для составления лекарств и пр.» (стр. 84)

¹⁰⁶ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 94, ед. хр. 12, л. 1.

горячки имели место в Петербурге.¹⁰⁷ Поэтому работа над этим сочинением служила практическим целям борьбы против ее распространения. Из-под пера И. С. Орлая выходят работы, посвященные борьбе с оспой, раком, ревматической эпилепсией, речной губкой и другие.¹⁰⁸

В 1808 г. И. С. Орлай получил свое первое ученое звание магистра свободных наук и доктора философии, которое ему присвоил Кенигсбергский университет за «ученые сочинения и многообразные в ученном свете заслуги»¹⁰⁹. В этом же году Дерптский университет уделил И. С. Орлаю звание доктора медицины и хирургии. Докторская диссертация Орлая называлась: «История, содержание и требование к учению о лечебных свойствах природы».¹¹⁰ Автор посвятил ее Московскому медико-физическому обществу. Работа была опубликована в Дерпте в 1807 г.

Советские исследователи А. С. Подражанский и К. К. Сильвай, изучая диссертацию Орлая, пришли к выводу: «работа, написанная на основе изучения большого для того времени литературного материала, а также солидного врачебного опыта самого автора, объясняет роль и значение внешних условий окружающей среды в жизнедеятельности организма чело-

¹⁰⁷ В. В. Заглушинский, В. П. Копосов, И. В. Фомин. Организация и работа военно-медицинской службы русской армии в Отечественную кампанию 1812 г., стр. 105.

¹⁰⁸ Рукописи этих сочинений Орлая хранятся в фонде Медицинского совета. Медицинский совет, созданный в 1803 г., заботился о распространении новых сочинений из области медицины, новых открытий и должен был оказывать поддержку делу медицинского обслуживания в целом. Рукописи Орлая оказались в делах Медицинского совета с примечаниями следующего характера: Дело «Врачебные наблюдения профессора Орлаяна...» (ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, 1738—1823, внутренняя опись 45, ед. хр. 23) содержит описание эпилепсического припадка. К нему сделана приписка: «случай примечания достойный и весьма хорошо описан» (л. 16). Другое дело под названием «Врачебные наблюдения штаб-лекаря Орлая де Кобри» (ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, 1738—1823, внутренняя опись 43, ед. хр. 25) содержит описание болезни ребенка, полученной через молоко матери. На деле сделана пометка: «Писано очень хорошо!» (лл. 3—6).

¹⁰⁹ ЦГИАЛ, ф. 1349, оп. 4, 1828, ед. хр. 96.

¹¹⁰ *Disertatio inaguralis medica sistens: Doctrinae de Viribus Naturae medicatribus historiam brevem, ex positionem vindicias . . . Joannes Orlay . . . Dorpatri. MDCCCVII.*

века. В ней изложены обобщающие сведения не только по физиологии, но и патофизиологии»¹¹¹

Следует особо отметить, что своей диссертацией И. С. Орлай продолжал материалистическую традицию в области медицины, основоположником которой считается С. Г. Зыбелин (1735—1802), работавший в области терапии, детских болезней и гигиены. С. Г. Зыбелин несколько десятилетий своей жизни отдал медицинскому факультету Московского университета, доказывая в своих трудах необходимость расширения знаний не только о человеческом организме, но и о влиянии окружающей среды на человека.¹¹²

«История, содержание и требование к учению о лечебных свойствах природы» состоит из трех разделов и введения.

Во введении автор отметил актуальность избранной им темы и сформулировал основную задачу, которая решала вопросы влияния внешней среды на жизнедеятельность человеческого организма: «... большая часть врачей, кажется, очень часто верит только обманчивому мастерству и ремеслу, забывая и отвергая полностью ту пользу, которую приносит и делает природа».

Первый раздел диссертации посвящен характеристике литературы. В нем приводятся названия 215 сочинений русских и иностранных авторов, имеющих отношение к данной проблеме, среди них работы Г. Галлиера и А. Гумбольта. Центральным является второй раздел. В нем подвергнуты анализу физиологические и патологические процессы, имеющие место в организме человека, и развитие болезни под влиянием внешних условий. Третий раздел содержит выводы учения о лечебных свойствах природы, которые Орлай обобщил в шести тезисах.

Имя И. С. Орлая связано с изданием одного из первых медицинских журналов в России — «Всеобщего журнала врачебной науки». Начиная со второй половины XVIII в., в России были предприняты попытки создания периодического медицинского журнала.

¹¹¹ «К истории медицины на Украине», стр. 316—318.

¹¹² А. Г. Лушников. Лекции по истории русской медицины. Медицина XVIII столетия. Медгиз, 1956, Москва, стр. 24.

В 1792 г. Медицинская коллегия рассмотрела предложение об издании журнала «Беседующие врачи или общепользная врачебная переписка». Вопрос был решен положительно, и 2 ноября 1792 г. вышел первый номер журнала, правда, под другим названием: «С. Петербургские врачебные ведомости». Он выходил по-русски, но уже через год прекратил свое существование.¹¹³

Интересы медицины требовали существования своего печатного органа. Вновь вопрос о необходимости издавать специальный медицинский журнал подняла конференция Медико-хирургической академии в 1810 году. Конференция отметила, что «издание такового журнала в России, где представляется врачам пространное поле для исследований и новых открытий по части фармацевтической, принесло бы без сомнения большую пользу и совершило бы благоразумные меры, принятыя для усовершенствования сей важной части в нашем отечестве».¹¹⁴

Конференция подробно обсудила название журнала и его план, послав извещение о новом издании Медицинскому совету. Конференция «положила приступить к изданию журнала с января месяца будущего 1811 года, а между тем немедленно заняться обработыванием материалов, присланных для сего предмета от некоторых особ; о чем уведомляя Медицинский совет, просит о доставлении в оную материалов, нужных для издания журнала».¹¹⁵ Под этим документом стояла собственноручная подпись ученого секретаря академии Ивана Орлая. Медицинскому совету был предложен на утверждение план журнала, под которым поставили свои имена девять ученых, среди них выдающийся русский физик Василий Петров, открывший явления электролиза и вольтову дугу.¹¹⁶

¹¹³ Проф. Я. Чистович. Памятник доктору медицины и хирургии . . . баронету Якову Васильевичу Виллие, стр. 15.

¹¹⁴ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 99, ед. хр. 9, л. 20.

¹¹⁵ Там же, ф. 1294 оп. 1, связка LII, ед. хр. 32, л. 19.

¹¹⁶ Е. Н. Павловский. Военно-медицинская академия Красной Армии имени С. М. Кирова за 140 лет (1798—1938). Краткий исторический очерк. Л., 1940. Е. Н. Павловский писал:

«В 1795 году еще в Медико-хирургическом училище . . . проф. В. Петровым был создан первый и лучший в России физи-

Большое внимание уделила конференция академии организационной стороне дела: вопросам подготовки материалов, их редакции, печатанию и дистрибуции номеров журнала. Была достигнута договоренность, что журнал начнет выходить с января 1811 г. в количестве шести номеров ежегодно общим тиражом 1200 экземпляров.¹¹⁷ Все заботы, связанные с созданием и распространением журнала, конференция поручила особому комитету, в состав которого вошли ученые секретари Петербургской медико-хирургической академии, ее отделения в Москве и Медицинского совета. В комитете работали профессор Книгин, Громов, Гаевский, Велланский, Кайданов и библиотекарь Джунковский. Ведущую роль в комитете играл И. С. Орлай, ученый секретарь Медико-хирургической академии. Богатая по тому времени научная деятельность Орлая, активное участие в подготовке некоторых научно-справочных изданий, несомненный организаторский талант выдвинули его в качестве одного из руководителей журнала. В руках Орлая практически сосредоточилась вся работа по его изданию. Он был бесменным руководителем «Всеобщего журнала врачебной науки» в течение 1811—1814 годов.

Круг вопросов, которыми занимался Орлай вместе с другими редакторами, был широк и разнообразен. Он много сил отдавал тщательной подборке материалов, заботясь о их своевременном поступлении. Материалы должны были соответствовать ранее разработанному и утвержденному плану издания. Большое внимание он уделял корректорской работе, добиваясь от корреспондентов «ясности и чистоты слога». С немалыми трудностями столкнулся Орлай, при организации подписки на журнал. Имена первых подписчиков стали известны в январе 1811 г. Всего их было девять, практически на журнал подписались все члены комитета, в том числе И. С. Орлай.¹¹⁸ В дальнейшем

ческий кабинет... Независимо от Никольсона и Карлейля им были открыты явления электролиза; за одиннадцать лет до Дэви Петровым была открыта вольтова дуга... Но Петрова постигла судьба многих русских талантов. Его открытия были забыты». (стр. 11).

¹¹⁷ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, связка LII, ед. хр. 32, лл. 12, 19.

¹¹⁸ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 1, связка LII, ед. хр. 32, л. 12.

список увеличился до 115 человек. Заявки на журнал приходили от медицинской экспедиции, морского кадетского корпуса, с парусной фабрики в Новгороде. Но самое большое количество заявок поступило от врачей, находящихся на службе в морских портах России: из Петербурга, Кронштадта, Свеаборга, Ревеля, Архангельска, Риги, Астрахани, а также от врачей Азовской и Черноморской флотилий.¹¹⁹

Особый комитет, отвечающий за издание журнала, работал с большим напряжением. Только в 1811 г. комитет заседал 58 раз. Члены комитета и вместе с ними Орлай трудились не покладая рук, отказавшись от денежного вознаграждения.¹²⁰

В январе 1811 г., как и планировалось, вышел первый номер журнала. «Всеобщий журнал врачебной науки» открывался так называемым «Предуведомлением», в котором были сформулированы основные задачи журнала:

1. Клинические замечания и патолого-терапевтические наблюдения,
2. отрывки из новейших медицинских сочинений с критическими и к ним замечаниями,
3. сообщения о новейших открытиях и изобретениях в области медицины и вспомогательных наук,
4. информации о деятельности медицинских учреждений в России, постановлениях, перемещениях по службе, экзаменах, а также информация о деятельности Медико-хирургической академии и многое другое,
5. библиография иностранной медицинской литературы, в особенности той, которая заслуживала быть переведенной на русский язык.

В заключение была выражена надежда, что журналу окажут свою поддержку университетские профессора, военные и гражданские врачи, посылая «... приличные материалы, которые академия принимать будет с благодарностью».¹²¹

«Всеобщий журнал врачебной науки» под руковод-

¹¹⁹ Там же, ф. 733, оп. 99, ед. хр. 9, лл. 79—80.

¹²⁰ Там же, лл. 95—96.

¹²¹ «Всеобщий журнал врачебной науки», издаваемый императорскою Медико-хирургическою академиею. №1. Санктпетербург. В медицинской типографии, 1811 года.

ством И. С. Орлая опубликовал несколько интересных обзорных статей и среди них «Краткое обозрение врачебной науки в России с древних до нынешних времен». Этот обзор составил по поручению конференции Медико-хирургической академии на основании исторических записок В. Джунковский.¹²² Журнал уделял большое внимание развитию отечественной и заграничной медицинской науки, помещая на своих страницах сообщения о всех последних достижениях и открытиях в этой области. К ним относится «Обозрение медико-хирургической словесности в 1805 г.»¹²³ и статья профессора И. Буша «О нынешнем состоянии хирургии в иностранных европейских государствах и в России».¹²⁴ Особенно большой интерес вызвала статья И. Ф. Буша (1771—1843), основателя школы хирургов и автора первого оригинального «Руководства к преподаванию хирургии», вышедшего на русском языке. Журнал публиковал подробные информации о работах Я. В. Виллие, о «Записках русских врачей», о выходе в свет первого Российского медицинского списка, который содержал фамилии, звания и чины 2596 врачей.¹²⁵ В список был включен Орлай в чине надворного советника и в звании гоф-хирурга.¹²⁶

Вскоре редакция журнала столкнулась со многими

¹²² Там же, 1811, №№1—3, 4.

¹²³ Там же, №5.

¹²⁴ Там же, 1812, №2.

¹²⁵ Там же, 1811, №3, стр. 67—68.

¹²⁶ «Российский медицинский список». СПб., 1809, стр. 70.

Список был составлен на основании закона о порядке прохождения государственной службы, так называемой «Табели о рангах» (1722 г). Гражданские чины, согласно закону, распределялись по 14 классам, которым соответствовали военные, морские и придворные чины. Первые восемь чинов давали право на потомственное дворянство, чин девятого класса предоставлял личное дворянство. Впоследствии к «Табели о рангах» были изданы различные ограничения с целью придать дворянскому сословию более замкнутый характер. Чин надворного советника, полученный Орлаем, относился к седьмому классу распределения чинов и давал ему право на потомственное дворянство (лично Орлаю и его детям) и одновременно соответствовал военному чину подполковника. В 1826 г. он был переведен в действительные статские советники, получив чин четвертого класса, соответствующий генерал-майору, и, таким образом, добился одного из самых высоких гражданских чинов.

затруднениями. Типография, где первоначально печатался «Всеобщий журнал врачебной науки», оказалась загруженной заказами и не справлялась с работой. В виду этого в 1812 г. из печати вышли только три номера из шести, несмотря на то, что материалы для последующих чисел были полностью укомплектованы. В 1813 г. Орлаю удалось подыскать новую типографию и, казалось, дело наладилось. Однако возникли новые осложнения. В 1812—1813 годах русская армия вела боевые действия против армии Наполеона. По мере освобождения своей страны от захватчиков, войска подошли к западным границам и вступили на территорию европейских государств. Это нарушило доставку журнала в армию. Военные врачи проявляли к нему все меньший интерес. Сократилось число подписчиков, катастрофально снизилась величина денежного вклада, необходимого для издания журнала. В отчете конференции Медико-хирургической академии от 3 декабря 1813 г. отмечалось, что число подписчиков резко сократилось «по причине отдаления армейских врачей за границу», что создало препятствия для издания журнала в следующем году, «хотя общая польза того действительно требует и комитет для издания сего журнала учрежденный с усердием готовый продолжить свои труды...»¹²⁷

В 1814 г. И. С. Орлай добился освобождения от обязанностей по изданию журнала в виду серьезного заболевания. На его место пришел Я. Кайданов.

Следует отметить, что «Всеобщий журнал врачебной науки» принадлежал к числу лучших. Это был «... единственный в то время русский медицинский журнал, поднятый И. С. Орлаем на научную высоту».¹²⁸

Весной 1814 г. И. С. Орлай тяжело заболел. В виду «крайне расстроенного состояния здоровья» он получил отпуск и более двух лет провел в Гомеле. Затем по вывозу Я. В. Виллие возвратился в Петербург для работы над составлением гражданской фармакопеи. Но состояние здоровья Орлая по-прежнему оставалось серьезным. В архивных документах постоянно встре-

¹²⁷ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 99, ед. хр. 9, лл. 113—115.

¹²⁸ «К истории медицины на Украине», стр. 314.

чаются упоминания о его «болезненном состоянии», о том, что он «может умереть внезапно», о «жестокой болезни, угрожающей ему преждевременной смертью» и о том, что он лишен надежды «к совершенному выздоровлению». Продолжать работу Орлай не мог, хотя Я. В. Виллие упорно настаивал, угрожая даже увольнением со службы. Болезнь, служебные отношения, которые заставляли желать лучшего, все более вызывали у Орлая чувство неудовлетворенности и заставляли его размышлять об уходе из Медико-хирургической академии. Вместе с тем его, как и раньше, привлекала педагогическая деятельность. Желание посвятить себя воспитанию молодого поколения долгие годы не покидало Орлая. К 1811 г. относится его попытка перейти на службу в Харьковский университет, где ему предложили место профессора для преподавания «материя медики, медицинской словесности и диететики».¹²⁹

15 мая 1817 г. И. С. Орлай по состоянию здоровья был освобожден от всех своих обязанностей по академии, но оставлен при Я. В. Виллие «... для употребления по усмотрению моему на службе, — как выразился он, — ибо он, по совершенному знанию им латинского языка и по обширным во врачебной науке сведениям, необходим для меня...»¹³⁰ Эта была очень высокая оценка знаний Орлая, высказанная президентом Медико-хирургической академии, человеком заслуженным и глубоко разбирающимся во многих вопросах медицинской теории и практики.

24 года своей жизни отдал Орлай делу развития медицины в России. Медико-хирургическая академия высоко оценила его заслуги, избрав Орлая в число своих членов. Выборы состоялись 23 июня 1817 г. В уставе академии было подчеркнуто, что в ее почетные члены могут избираться только из числа «... му-

¹²⁹ Диететика — дисциплина, занимающаяся вопросами гигиены тела и средствами к сохранению здоровья. Материалы, связанные с возможностью Орлая перейти на службу в Харьковский университет, находятся в ЦГИАЛ, ф. 1297, оп. 96, 1811—1815, ед. хр. 117, «О желании ученого секретаря академии Орлая быть определенным в Харьковский университет профессором».

¹³⁰ ЦГИАЛ, ф. 1297, оп. 9в, кн. 105, ед. хр. 54, лл. 123—125.

жей отличных знаниями в науках, до медицины относящихся».¹³¹

Кроме того Орлаю назначили пенсию.¹³²

В течение долгих лет И. С. Орлай трудился бок о бок с Виллие, будучи его правой рукой и верным помощником. Подготавливая материалы, переводы для президента, он практически выступал в роли безымянного автора. Он проводил большую работу административно-организационного характера. Однако их личные отношения были довольно сложными. В своей основе их можно охарактеризовать как отношения начальника и подчиненного, высокопоставленной особы и скромного, но талантливое человека и сослуживца. Утверждение, что Я. В. Виллие якобы являлся «ближайшим другом в течение десятилетий» И. С. Орлая¹³³, представляется маловероятным. О близительном характере этих отношений можно судить по рассказу врача Д. К. Тарасова, который вместе с Я. В. Виллие и И. С. Орлаем оказался в числе сопровождающих Александра I лиц во время его поездки по Украине. Д. К. Тарасов вспоминал: «Виллие принял его странным образом (речь идет об Орлае — Т. Б.); вместо приличного обращения с этим ученым и замечательным мужем, он осыпал его сарказмами, которые даже и для меня показались обидными! Бар. Виллие скоро должен был следовать за государем, а я имел некоторое время пробыть с доктором Орлаем, коему я уже был известен по моему участию в составлении полевой военной фармакопеи, когда я еще был студентом академии... Оставшись со мною наедине, в течение целого часа, он сообщил мне самое подробное описание качеств моего начальника. Это произвело во мне самое печальное впечатление насчет моего настоящего положения. Это заметил

¹³¹ Там же, ед. хр. 27, л. 13.

¹³² ЦГИАЛ, ф. 1297, оп. 9в, кн. 105, ед. хр. 54, лл. 134—140. Пенсия составляла сумму в две тысячи рублей и не распространялась на его детей в случае смерти Орлая. Учитывая, что у Орлая не было других источников доходов, а семья была большая, он оказался в очень трудном материальном положении. Виллие в одном из донесений министру писал о своем помощнике, «обремененном ужасающей бедностью».

¹³³ Dr. Tardy L., Dr. Orlay János, стр. 62, сноска 29.

и сам доктор Орлай и как умный и нравственный человек, не хотел оставить меня без наставления и совета, которые были для меня весьма назидательны.»¹³⁴

Орлая очень беспокоило положение, в котором он оказался по отношению к Виллие. Больной, без постоянного места работы, Орлай ищет новую службу. В 1820 г. он получил приглашение занять кафедру на медицинском факультете Московского университета. Приехав по этому поводу на короткое время в 1821 г. в Москву, он обратился к Виллие с личной просьбой помочь ему устроиться в Москве и получить квартиру на территории Кремля. Пользуясь поддержкой попечителя Московского учебного округа А. П. Оболенского, Орлай склонялся к тому, чтобы принять кафедру и звание профессора астронома-обсерватора. В письме к директору департамента народного просвещения В. С. Попову он писал: «Я твердо решился остаться при своем намерении избрать другой род службы, то есть быть определенным или в Московский университет профессором или в Нежинскую гимназию директором... Нет сомнения, что баронет Я. В. Виллие, по неоднократным настояниям которого и прибыл уже я в Петербург, не оставит по-прежнему отклонять меня от принятого мною намерения; но я употребляю все меры к достижению желаемой цели...»¹³⁵ Но одного желания, как показал дальнейший ход событий, было недостаточно, требовалось согласие министра. В ход дела вмешался Я. В. Виллие и снова не в пользу Орлая. Он отказался ходатайство Орлая поддержать. Я. В. Виллие был заинтересован в том, чтобы Орлай по-прежнему оставался при нем и выполнял различные его задания.¹³⁶

¹³⁴ «Воспоминания моей жизни. Записки почетного лейб-хирурга Д. К. Тарасова. 1792—1866». — «Русская старина», 1871, т. 4, №9, стр. 250—251.

¹³⁵ «Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко», стр. 204.

¹³⁶ В ответ на запрос министра народного просвещения 16 марта 1821 г. Виллие посылает письмо, в котором сообщает: «... Орлай или посредственно или непосредственно находится при мне уже 20 лет единственно из уважения моего к честности, талантам и отличным сведениям в медицине, преимущественно же в латинской словесности. В сем последнем отношении я доселе имел в нем хорошего руководителя и помогал мне при

Я. В. Виллие уже после отъезда Орлая в Нежин все еще не терял надежду, что со временем он возвратится в Петербург. Когда в октябре 1825 г. И. С. Орлай получил вторичное приглашение поступить на службу в Московский университет¹³⁷, Я. В. Виллие вновь при личной их встрече в Таганроге сделал попытку уговорить Орлая возвратиться в Петербург и заняться деятельностью в области медицины.¹³⁸ Президент Медико-хирургической академии долгое время не мог смириться с потерей своего талантливом помощника, все снова и снова прилагал усилия для его возвращения.

издании полевой фармакопеи для армии и особенно при составлении устава и штата Медико-хирургической академии при начальном ее образовании. После сих опытов я не могу не отдавать ему всей моей справедливости. Но при сем я должен представить... некоторые обстоятельства. Небезызвестно вам самим, что Орлай чрез долгое время был ученым секретарем Медицинской академии; по уважению его расстроенного здоровья и многолюдного семейства...» он был определен в гоф-хирурги и приклеплен к Виллие. «Для поправления его здоровья, я признал нужным дать ему бессрочный отпуск, и теперь уже три года, как он по службе ничем не занимается. По сему мне кажется, что теперешнее его жалованье несравненно более того, какое может доставить ему должность профессора при Московском университете. Впрочем, сколь бы для меня ни была важна потеря столь полезного помощника, который, в случае поправления его здоровья, мог бы много участвовать в предполагаемом мною составлении всеобщей фармакопеи для Российской империи и для Медико-хирургической академии, особенно при настоящем случае исправления и улучшения устава и штата для оной, не менее был бы полезен, как и при Московском университете, при всем том я охотно согласился бы на его увольнение, если бы он будущим жалованьем своим мог быть доволен и обеспечен со стороны содержания своего большого семейства. Сие обстоятельство едва ли Орлай имел у себя в виду при намерении поступить в Московский университет. Наконец, я сомневаюсь, чтобы при поступлении его в профессора...», ему была пожалована пенсия. В заключение Виллие подчеркивал: «я нахожу, что как для пользы общей, так и для самого Орлая, полезнее и лучше было бы остаться ему по-прежнему и заниматься по медицинской части, когда сие позволит здоровье его». — «Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко», стр. 203—204.

¹³⁷ Отдел рукописей Государственной ордена Ленина библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ф. 226, к. 2, ед. хр. 2, л. 14.

¹³⁸ Там же, к. 5, ед. хр. 43, лл. 950—951.

2. Вклад И. С. Орлая в деятельность медицинских и естественнонаучных обществ

Свидетельством значительности заслуг И. С. Орлая в развитии медицины, ботаники, орнитологии, минералогии и других естественнонаучных дисциплин является факт его избрания в число действительных и почетных членов многих европейских и русских научных обществ. И. С. Орлай неоднократно выезжал за границу. Во время этих поездок он посетил многие столицы и университетские города Европы, установив тесные контакты с некоторыми выдающимися исследователями, а также научными обществами.

В 1793—1797 годах состоялась его первая долговременная командировка, во время которой Орлай посетил медицинский факультет Иенского университета. В мае 1795 г. его избирают почетным членом Иенского физического общества, что положило начало признанию его заслуг. Постепенно он становится членом ряда заграничных научных организаций, в том числе двух физико-медицинских обществ, одного минералогического и двух ботанических.

И. С. Орлай был страстным коллекционером. С большим усердием и тщательностью он собрал несколько богатых коллекций, в том числе минералогическую, орнитологическую, ботаническую, археологическую и другие. У него имелось не менее богатое собрание рукописей путешественников и естествоиспытателей начала XVIII в. Орлай с увлечением работал в анатомическом кабинете либеркюновых препаратов¹³⁹ при Медицинской коллегии, в коллекцию которого входили многочисленные «монстры»,¹⁴⁰ привозимые со всех концов России в течение почти столетия, и различные учебные препараты. Речь идет здесь о старейшем и первом в России научном музее — Кунксткамере, заложенной Петром I. В ней

¹³⁹ И. Н. Либеркюн (1711—1756) — немецкий анатом и микроскопист. Имеется в виду хранящаяся в настоящее время в Советском Союзе коллекция препаратов и микроскопов Либеркюна.

¹⁴⁰ «Монстры» — карлики, уроды, жившие при Кунксткамере, исполнявшие там обязанности сторожей, истопников и т. п. После смерти их анатомировали.

находились различные инструменты, машины, глобусы, чучела животных, анатомические аномалии в спирту, одежда и предметы быта. Позднее Кунсткамера была пополнена мемориальной коллекцией, посвященной памяти Петра I, материалами Камчатской экспедиции и т. д.¹⁴¹ Не менее часто, чем Кунсткамеру, Орлай посещал ботанический сад на Аптекарском острове. Он возник на месте так называемого аптекарского огорода в 1713 г. Ботаническая коллекция сада в 1736 г. насчитывала 1275 видов.¹⁴² Он работал и в аптекарском огороде с его парниками и теплицами, созданном при Генеральном сухопутном госпитале на Выборгской стороне Петербурга.

Многие свои коллекции позднее И. С. Орлай передал различным научным обществам, как находящимся за границей, так и в России.

Особый интерес вызывают связи, сложившиеся у И. С. Орлая с Иенским университетом. Дело в том, что куратором Иенского университета в эти годы был Иоганн Вольфганг Гете (1749—1832), гениальный немецкий поэт и не менее известный деятель европейского просвещения. В 80-е годы XVIII в. Гете с большим увлечением занимался ботаникой, минералогией, геологией, анатомией. Особенно существенный вклад внес Гете в развитие минералогии. Вместе с И. С. Ленцом, который впервые начал преподавать в университете минералогия как самостоятельную научную дисциплину, он принял активное участие в деле организации кабинета естественных наук. Этот кабинет был основан Валхом, коллекция которого была приобретена Карлом Августом и размещена в помещениях Иенского дворца. Кабинет имел четыре отделения, в том числе минералогическое. Гете и Ленц особенно внимательно относились к укомплектованию его коллекции, увеличив ее за счет экспонатов веймарской Кунсткамеры.¹⁴³ В 1797 г. Гете и Ленц zaloжили самостоятельное Минералогическое общество.

Большой вклад внес Гете в развитие ботаники, способствуя обособлению ее от медицины.¹⁴⁴ В анатомии

¹⁴¹ «Очерки истории Ленинграда». Том первый, стр. 226—227.

¹⁴² Там же, стр. 228.

¹⁴³ Geschichte der Universität Jena. Bund. 1. Jena, 1958, стр. 305—306.

¹⁴⁴ Там же, стр. 296.

ему принадлежит открытие межчелюстной кости человека. Научные исследования привели Гете к формированию материалистического взгляда на развитие природы, сделав его сторонником эволюционной теории. Натуралистические исследования Гете были далеки от какой-либо фантастики. По словам А. Г. Габричевского, «с современной ему передовой наукой Гете расходился в двух отношениях. Во-первых, он не мог примириться с механическим пониманием природы. Во-вторых, ему в глубочайшей мере, гораздо больше, чем большинству тогдашних ученых-систематиков, присущ был идеал развития».¹⁴⁵

Общие интересы привели в 1806 г. И. С. Орлая в Иену. В это время во главе Иенского минералогического общества стоял Гете. Между Гете и Орлаем установились прочные научные контакты.¹⁴⁶ Вероятно, роль посредника в них мог сыграть петербургский врач Ференц Добша, венгр по происхождению. Ф. Добша окончил Иенский университет, во время своей учебы возглавлял товарищество венгерских студентов и некоторое время был библиотекарем минералогического общества. В дальнейшем он не прервал своих связей с деятелями Иенского университета. Из его корреспонденции с Ленцем можно сделать заключение, что Орлай был принят в члены Иенского минералогического общества и подготовил со своими коллегами в подарок обществу коллекцию сибирских минералов и других редкостей.¹⁴⁷

¹⁴⁵ Гете. Собрание сочинений в тринадцати томах. Москва. — Ленинград, 1932, т. 1. Вводная статья А. Г. Габричевского, стр. LXXIII.

¹⁴⁶ Впервые вопрос о связях венгерских ученых с Иенским университетом был поставлен в работе Клары Бенедек: «Иенское минералогическое общество». Будапешт, 1942.

¹⁴⁷ 6 ноября 1808 г. Ф. Добша писал И. Г. Ленцу: «Приглашение прибыть в Россию я получил в Дрездене в прошлом месяце августе. Так как я прибыл сюда, я посетил своих старых друзей и среди других гоф-медика господина фон Орлая, который является постоянным секретарем Академии медицинских наук. Он и другие господа придворные советники фон Кукольник, фон Лоди и фон Балудянский сказали мне, что они до сего часа не получили еще дипломов местного минералогического общества, в то время, как мне достоверно известно, что мы переслали их еще три года тому назад сюда. Придворный советник фон Орлай хотел по этому вопросу писать его пре-

Таким образом, судя по письму Ф. Добша, Орлай и Гете поддерживали связи в течение почти двух лет. Установление между ними контактов относится, по видимому, к 1806 г., когда Орлай оказался в своей очередной поездке за границей. Некоторое время он жил в Карловых Варах. Во время отлучки в Вену в Карловы Вары приехал Гете и нанес визит Орлаю. Они не встретились только случайно, и Орлай очень сожалел об этом. В письме к Гете, датированном серединой августа 1806 г., Орлай выражает свои симпатии и благодарность великому немецкому поэту и мыслителю.¹⁴⁸

В 1810 г. И. С. Орлай был избран почетным членом Эрлангенского физико-медицинского общества.¹⁴⁹ Еще раньше в 1805 г. он стал членом Альтенбургского ботанического общества¹⁵⁰, а в 1810 г. экстраординарным членом фитографического общества в Горице¹⁵¹, что явилось выражением признания его заслуг в деле разыскивания новых видов растений на территории России. Высоко оценил усилия Орлая в этой области профессор Франц Георг Гофман, который назвал его именем целое семейство растений. «Иллюстрированная среднеевропейская флора» (т. V/2) доктора Густава Хеги приводит в своем каталоге семейство растений «Орлай»¹⁵²

Вместе с тем И. С. Орлай принимал активное учас-

восходительству тайному советнику фон Гете, с которым он находится уже в течение двух лет в прямой связи, — но я ему сказал, что он может писать всегда по другому случаю, но в этом отношении, касательно этих дипломов я заверил всех их, что сам немедленно напишу лично вам... Если вы будете настолько любезны написать о высылке господину Орлаю диплома Вестфальским физическим обществом, ...этим вы делаете большое одолжение как господину фон Орлаи, так и... фон Гете.» — См.: Dr. Tardy L. Dr. Orlay János, стр. 51—52.

¹⁴⁸ Dr. Tardy L., Dr. Orlay János, стр. 52 Подробнее о пребывании Гете в Чехии см. список литературы: Vysoká L., J. W. Goethe a západní Čechy. Plzeň. SVK. 1974.

¹⁴⁹ В настоящее время Эрланген находится на территории ФРГ.

¹⁵⁰ Город Альтенбург находится на территории ГДР.

¹⁵¹ Фитография — часть ботаники, изучающая географическое распространение растений. Горица — город в Югославии, до 1919 принадлежал Австрии.

¹⁵² Речь идет о официальных, т. е. лекарственных растениях. Растение, открытое Орлаем, называлось Orlay Velkokveta (Orlay Grandflora) семейства ščelade mrkvovitých (daucaceae).

тие в деятельности некоторых естественнонаучных обществ в России. В 1804 г. при Московском университете открылось первое в России физико-медицинское общество — Общество соревнования врачебных и физических наук. Тогда же в него вступил Орлай, который долгие годы поддерживал с обществом прочные связи. Обществу соревнования врачебных и физических наук И. С. Орлай подарил очень редкие произведения, среди них рукописи Г. Шобера, путешественника и естествоиспытателя времен Петра I, которые содержали описание его поездок по реке Сок в Самарском уезде и по реке Терек на Северном Кавказе. Орлай передал обществу знаменитую «Flora Rossica» П. С. Палласа¹⁵³, изданную в двух частях на латинском языке в 1784—1788 годах. Эта публикация, составленная известным путешественником, который возглавлял многие экспедиции академии в Поволжье, на Урал и в Сибирь, особенно ценна, так как представляла собой первую попытку «составления труда по флоре России».¹⁵⁴

В 1814 г. Орлай переслал обществу «собрание редких рукописей, касающихся до истории медицины в России».¹⁵⁵ Президент Общества соревнования врачебных и физических наук В. М. Рихтер выразил Орлаю свою благодарность. В дальнейшем часть из этих материалов была использована В. М. Рихтером в его работе по истории медицины включительно до середины XVIII в.¹⁵⁶

Будучи страстным коллекционером, И. С. Орлай создавал свои собрания не ради собственной прихоти. Почти всегда его коллекции попадали в руки организаций, способствующих развитию тех или других отраслей знания. Например, в 1807 г. он подарил Педагогическому институту в Петербурге свою орнитологическую коллекцию — «собрание птиц из перьев искусно сделанных».¹⁵⁷ В том же году Орлай был принят

¹⁵³ ЦГИАЛ, ф. 1349, оп. 4, 1828, ед. хр. 96.

¹⁵⁴ Большая советская энциклопедия, т. 31.

¹⁵⁵ ЦГИАЛ, ф. 1349, оп. 4, 1828, ед. хр. 96.

¹⁵⁶ В. М. Рихтер. История медицины в России. Ч. 1—3. Москва, 1811—1820.

¹⁵⁷ ЦГИАЛ, ф. 1349, оп. 4, 1828, ед. хр. 96.

в члены Московского общества испытателей природы в виду «известной его ревности к наукам».¹⁵⁸ Наконец, в 1821 г. он становится членом Медицинского общества при Виленском университете. Членство было присвоено И. С. Орлаю «из уважения отличных его в медицине сведений».¹⁵⁹

Без сомнения, И. С. Орлай принадлежал к числу незаурядных ученых. Обладая специальными знаниями, широким кругозором, неутомимостью исследователя, он способствовал прогрессу медицинских знаний и дела здравоохранения в целом. И. С. Орлай внимательно следил за развитием естествознания, помогая по мере своих сил и возможностей изучению природы. Избрание И. С. Орлая в члены многих европейских и российских обществ само по себе явилось выразительным признанием его таланта и заслуг.

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ ЦГИАЛ, ф. 1349, оп 4, 1828, ед. хр. 96.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И. С. ОРЛАЯ В РОССИИ

1. Педагогические взгляды и замыслы И. С. Орлая

Теоретические взгляды И. С. Орлая на вопросы развития просвещения и педагогической мысли получили наиболее полное воплощение в двух его педагогических статьях, относящихся к 1825—1826 годам. Первая носит название «Мнение Орлая о преобразовании училищ в России», другая — «О необходимости обучаться преимущественно отечественному языку и нечто об обучении языкам иностранным». Его педагогические замыслы и борьба за их реализацию нашли отражение в журнале конференции Нежинской гимназии.

10 июля 1825 г. Министерство народного просвещения разослало по учебным округам специальный циркуляр «О доставлении сведений и замечаний насчет образования, порядка и хода народного просвещения за границею»,¹⁶⁰ в котором была выдвинута задача собирания сведений, касающихся развития просвещения за пределами России. В циркуляре отмечалось:

«Имея при сем случае в виду, что некоторые профессора, будучи посылаемы на казенный счет в чужие края, для усовершенствования их по разным частям и для личных сношений с иностранными учеными могли доставить... многие любопытные сведения и замечания насчет образования, порядка и хода народного просвещения в разных краях просвещенного мира, а также насчет наружного и внутреннего устройства университетов и прочих учебных заведений...»¹⁶¹

¹⁶⁰ ЦГИАЛ, ф. 735, оп. 1, ед. хр. 91.

¹⁶¹ ЦГИАЛ, ф. 735, оп. 1, ед. хр. 91, л. 1.

Временноисполняющий обязанности попечителя Харьковского учебного округа А. Перовский потребовал необходимые материалы от совета Харьковского университета и конференции Нежинской гимназии. Одновременно он обратился с просьбой к русским послам во Франции и Германии. Например, у Струве, дипломатического представителя в Гамбурге, запросил материалы, касающиеся системы образования в Германии, Англии и в особенности в Австрии. Несмотря на все старания А. Перовского, ему не удалось получить материалов, заслуживающих внимания. Мнение профессора И. Книгина оказалось поверхностным и общим.¹⁶² Исключение составляло «Рассуждение директора Гимназии высших наук князя Безбоордко действ[ительного] с[татского] со[ветника] Орлая о преобразовании училищ в России по системе австрийской».¹⁶³

В сопроводительном письме к министру Орлай писал: «...я изложил мнение мое о преобразовании училищ в России по системе австрийской, о пользе которой я не сомневался, и по которой сам некогда окончил науки; но как это было давно, именно в 1790 году, то я желая знать, нет ли каких перемен в нынешнем порядке учения в Австрии, относился о том к моим знакомым, и получил ответ, что из прежней системы народного просвещения там почти ничего не переменено и что сия система причиною так многого числа превосходно образовавшегося юношества... Служа 35 лет в России и как верный и усердный сын ее ревнуя о благе сего, ныне моего и праотцов моих отечества, я всегда обращал внимание на первую основу его благоденствия — на образование юношества...»¹⁶⁴

«Рассуждения» Орлая наиболее полно раскрывают его взгляды на школьную систему и стоящие перед ней задачи. Вместе с тем освещение основных поло-

¹⁶² Там же, лл. 3—5.

¹⁶³ Там же, ед. хр. 169, лл. 1—30. На полях документа сохранилась резолюция министра: «...препроводить в Д[епартамент] [народного] просвещения, для передачи в Комитет составления проекта устава учебных заведений и принятие в соображение при исполнении сего поручения. 11 мая 1826».

¹⁶⁴ ЦГИАЛ, ф. 735, оп. 1, ед. хр. 169, лл. 1—2.

жений педагогической концепции Орлая требует несколько предварительных замечаний.

Впервые этот документ обнаружил и опубликовал как «Мнение Орлая о преобразовании училищ в России» Н. А. Лавровский.¹⁶⁵ Он видоизменил заглавие рукописи, выпустил первые ее 16 страниц, сделал, по своему усмотрению, некоторые пропуски в тексте.

«О преобразовании училищ в России по системе австрийской»¹⁶⁶ представляет собой интереснейший документ, относящийся к реформированию школьной системы, над которым Орлай долгое время и со всей тщательностью работал. Н. Кукольник по данному поводу вспоминал: «Именно в это время — в 1824 и 1825 годах, я писал под диктовку Ивана Семеновича большую педагогическую статью, напечатанную в одной из тогдашних газет, но в какой теперь я не припомню. Знаю только, что газета эта месяца три валялась на окне той же узкой комнаты и я, по приказанию Ивана Семеновича, должен был читать ее вслух многим посетителям, в том числе и генерал-штаб-доктору 1-й армии Баталину. Как теперь помню последовавший за чтением разговор. Иван Семенович сильно восстал противу закрытых училищ и называл этот способ иезуитским».¹⁶⁷ Без сомнения, здесь речь идет о вышеупомянутой работе, которая в апреле 1826 г. вместе с сопроводительным письмом была отправлена министру народного просвещения. Правда, остается невыясненным, в каком из изданий того времени она могла быть опубликована. Во всяком случае первоначально работа не предназначалась для публикации, а представляла собой ответ на министерский циркуляр, изданный в связи с подготовкой устава 1828 г.¹⁶⁸

И. С. Орлай являлся сторонником австрийской школьной системы. На его взгляды оказали влияние,

¹⁶⁵ «Известия Историко-филологического института кн. Безбородко», стр. 145—158.

¹⁶⁶ ЦГИАЛ, ф. 735, оп. 1, ед. хр. 169, лл. 3—29.

¹⁶⁷ «Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко», стр. 191.

¹⁶⁸ Вполне вероятным может быть и то обстоятельство, что Н. Кукольник имел в виду «Записки, издаваемые от Департамента народного просвещения», в которых в 1825 г. была помещена статья Орлая о преподавании языков.

по крайней мере, два обстоятельства. Во-первых, как известно, он прошел на практике всеми ступенями этой системы в период, когда жил и учился в Венгрии. Кроме того он неоднократно выезжал за границу и чаще всего в Вену для усовершенствования своих познаний в области медицины во время, когда находился в России. Орлай был хорошо знаком с организационной структурой школьного дела в Австрии, с характером и содержанием учебно-воспитательного процесса, с дидактическими приемами. Во-вторых, Орлай оказался под сильным воздействием сторонников этой системы в самой России, в том числе Ф. И. Янковича.¹⁶⁹

Царское правительство в лице Екатерины II стремилось внедрить в России так называемую саганскую систему обучения, положенную в основу школьной реформы в Австрии, осуществленной Марией-Терезией и Йосифом II.¹⁷⁰ Встреча Екатерины II с Йосифом II в Могилеве еще более укрепила ее в своем решении. «Причины, которые заставили Екатерину II отдать предпочтение школьной реформе, проведенной в Австрии, коренятся в совпадении внутренних стимулов, руководивших монархами Австрии и России.»¹⁷¹

Екатерина II с этой целью пригласила в Россию Ф. И. Янковича. В письме к Ф. М. Гримму она отмечала: «Я очень благодарна брату Йосифу, что он дал мне опытного и знающего человека, уже открывшего сто школ. Этот человек греческого вероисповедания и говорит по-русски . . .»¹⁷² Ф. И. Янкович в действительности сблагдл большими знаниями и опытом в облас-

¹⁶⁹ Ф. И. Янкович де Мириево (1741—1814), по происхождению серб, был известным деятелем народного просвещения в Австрии, а затем в России, автором многих учебников, пособий и словарей.

¹⁷⁰ Заведение саганской системы было связано с австрийским церковным деятелем и педагогом И. И. Фельбигером (1724—1788). Свое название она получила от города Сагана где он служил аббатом силезского августинского монастыря. Мария-Терезия пригласила Фельбигера для преобразования австрийских школ, назначив его членом центральной учебной комиссии.

¹⁷¹ «Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР», стр. 146.

¹⁷² Там же, стр. 147.

ти школьного дела. Как опытный организатор и талантливый педагог, он понимал всю вредность насаждения какой-либо системы без учета исторических условий, сложившихся в том или другом государстве. Поэтому он в практике не придерживался строго саганской системы, опираясь на славянскую педагогическую традицию.

С проектами и предложениями проведения школьной реформы по австрийскому образцу выступили члены Комиссии об учреждении народных училищ Ф. У. Эпинус и Ф. И. Крейдеман. В материалах комиссии находится документ под названием «Сочинение об учреждении учения в австрийских и венгерских областях» (или «Устав австрийских высших училищ»), посланный Екатериной II для руководства.¹⁷³ Ф. И. Крейдеман составил записку «Способность и неспособность австрийского плана о гимназиях и университетах в рассуждении Российской империи».¹⁷⁴ Кроме того по поручению Екатерины II профессор Й. Зонненфельс составил университетский план.¹⁷⁵

Таким образом, проект, предложенный И. С. Орлаем, не был отражением только его сугубо личных взглядов. Он находился в русле официальных взглядов и представлений о судьбах развития школьного дела, сторонниками которых являлись некоторые представители правительственных кругов. Составленный в 1824—1826 годах, проект Орлая уже не отвечал потребностям школьных преобразований, прежде всего, с точки зрения своей организационной структуры. В России к этому времени пробивала себе дорогу собственная оригинальная концепция школьной реформы, соответствующая ее специфике. Правда, лучшие положения устава 1804 г. оказались ликвидированными. Устав 1828 г. еще более упрочил сословно-классовый характер школьных преобразований.

¹⁷³ «Описание дел архива Министерства народного просвещения». Под редакцией С. Ф. Платонова и А. С. Николаева. Т. 1. Петроград, 1917, стр. 175—178.

¹⁷⁴ «Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII—XIX веках». Составил С. В. Рождественский. СПб., 1910, стр. 363—372.

¹⁷⁵ «Описание дел архива Министерства народного просвещения», стр. XXXIII.

Сторонником оригинальной концепции школьной реформы выступил М. М. Сперанский. В этом отношении его проекты особенно примечательны. Выступая против подражания иностранным образцам, он подчеркивал необходимость понимания существа потребностей своей страны:

«Просвещение в России, так как и в других многих государствах, шло доселе á rebours, то есть вопреки здравому смыслу. Ибо здравый смысл требует начинать всегда с их основания и вести к совершенству постепенно, и, следовательно, должно было бы начать народными школами и кончить академией».¹⁷⁶

На этих принципах был разработан «Устав народных училищ 1786 г.», заложивший государственную систему городских школ на основе бессловности и общеобразовательного характера.

Вместе с тем, оценивая проект И. С. Орлая с точки зрения понимания им учебно-воспитательного процесса, дидактических приемов и правил, следует подчеркнуть, что он соответствовал основному направлению школьных преобразований той эпохи. Как отмечал С. В. Рождественский, «принцип единообразия «методов», учебной литературы и внешнего строя школы являлся одним из наиболее характерных лозунгов школьных реформ второй половины XIX века, и в 1801 году, в одном из своих общих отчетов, Комиссия (Комиссия об учреждении народных училищ — Т. Б.) похвалялась, «что науки в школах, ею созданных, преподаются в самом отдаленном краю России в одно и тоже время и на том единообразном основании, на каком преподаются в самой столице».¹⁷⁷ В этом отношении Орлай выступил сторонником заведения единой системы учебно-воспитательных принципов в школах всех ступеней.

Педагогические взгляды И. С. Орлая возникли под сильным воздействием идеологии просвещения, ее философских концепций и политических доктрин. Философские взгляды Орлая не получили четкого оформления в его работах. Известно, что он был большим

¹⁷⁶ «Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII—XIX веках», стр. 373—374.

¹⁷⁷ «Описание дел архива Министерства народного просвещения», стр. XLIX.

поклонником греческой философии, увлекался древнекитайским мыслителем Конфуцием (Кун-цзы). В конфуцианстве его внимание привлекали некоторые этические стороны этого учения, например, понятие гуманности («жэнь»), определяющее отношения между людьми в обществе и семье, положение о том, что управлять следует не силой, а с помощью добродетели и т. д.

Определенное влияние на Орлая мог оказать родоначальник немецкой классической философии Иммануил Кант. Не следует упускать из виду то обстоятельство, что первое свое ученое звание И. С. Орлай получил в Кенигсбергском университете. Как отмечено в его послужном списке, «... за предоставленные им ученые сочинения и многообразные в ученном свете заслуги произведен свободных наук магистром и философии доктором».¹⁷⁸ Таким образом, звание доктора философии было присвоено Орлаю в Кенигсбергском университете в 1806 г.; в том университете, с которым была связана жизнь и деятельность И. Канта. Он окончил этот университет, с 1755 г. начал в его стенах свою преподавательскую деятельность, первоначально в звании приват-доцента, затем профессора. И. Кант умер в 1804 г. Орлай уже не застал его в живых, но «... Кенигсберг был полон еще его свежей славой. Звание доктора философии уж конечно нельзя было там получить иначе, как по тетрадкам, так сказать, Канта».¹⁷⁹ Орлая с Кантом соединял интерес к естествознанию и натурфилософии, близки были его пониманию и общественные взгляды Канта, сторонника просветительно-умеренного направления. Трудно сказать, насколько он воспринял кантовский агностицизм. Скорее всего философские взгляды Орлая в своей основе инклиновали все же к объективному идеализму.

В области политических концепций И. С. Орлай симпатизировал взглядам буржуазных идеологов XVIII века.

«Буржуазная политическая идеология, независимо от различных оттенков у разных писателей, — как писал

¹⁷⁸ ЦГИАЛ, ф. 1349, оп. 4, 1828, ед. хр. 96.

¹⁷⁹ «Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко», стр. 193.

крупнейший знаток истории социально-политических учений А. М. Деборин, — опирается на две фундаментальные идеи: идею собственности и идею формальной свободы.»¹⁸⁰

Для обоснования этих идей буржуазные мыслители прибегли к естественноправовой теории. «Система естественной свободы» оказалась тесно связанной с просветительскими принципами различного толка. Известно, что сторонниками «просвещенного абсолютизма» были крупнейшие представители просвещения, начиная с физиократов, возлагавших надежды на «просвещенного деспота». Некоторые из энциклопедистов в том числе Ф. М. Вольтер верили в «просвещенного монарха».

И. С. Орлай был приверженцем рационалистических догм, веря в магическую силу воспитания, в возможность добиться гармонии личных интересов человека с интересами всеобщего абстрактного блага. Расценивая просвещение народа, как главное средство преодоления социального зла, нищеты и неграмотности, И. С. Орлай отмечал:

«Всякий благомыслящий уверен в той непроложной истине, что если бы в государстве все сословия были образованы по началам доброго воспитания, то чистая нравственность и добродетель, сами собою постыжая возникающий порок, служили бы всегдашнею преградой столь пагубному для человеческого рода разврату, а следовательно все сословия государства наслаждались бы мирною жизнью и счастьем спокойствия незазорной совести».¹⁸¹

Просветительская платформа И. С. Орлая примыкала к одному из направлений идеологии просвещения — «просвещенному абсолютизму», сторонники которого полагали, что просвещенный монарх в состоянии реформировать общество в социальном и политическом отношении на принципах справедливости. И. С. Орлай писал: «Некоторые монархические государства давно уже... образовали систему народного

¹⁸⁰ А. М. Деборин. Социально-политические учения нового времени. Том 1. Издательство Академии наук СССР. Москва, 1958, стр. 8.

¹⁸¹ «Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине», стр. 146.

образования, и плод их благоразумия есть утверждение гражданских добродетелей и тишины в народном их составе».¹⁸² В духе идеологии «просвещенного абсолютизма» он высоко оценивал деятельность Александра I в области культурных преобразований, не понимая ее классовой дворянской направленности.¹⁸³ И. С. Орлаю, без сомнения, были чужды взгляды более радикального течения в русском просветительстве, которое, с одной стороны, представлял Н. И. Новиков, Я. П. Козельский, А. Я. Поленов и другие, а со стороны другой — А. Н. Радищев. Это направление вынашивало идею общенародного восстания против деспотизма за демократическое преобразование общества. И. С. Орлай представлял умеренное направление в русском просветительстве, отдавая свои симпатии реформе, но не революции.

Общепросветительская концепция И. С. Орлая лежит в основе всех его представлений по вопросам развития школьного дела в России. Он сформулировал главные положения, касающиеся реформы школьного обучения и образования, образцом для которой должна была стать австрийская система. Он предлагал создать разветвленную сеть, состоящую из шести видов учебных заведений:

1. приходские училища,
2. уездные трехклассные училища,
3. губернские четырехклассные гимназии,
4. лицей, соответствующий одному из факультетов университета,
5. академия — учебное заведение с двумя университетскими отделениями,
6. университет, состоящий из четырех факультетов: философского, который выступает в роли общеподго-

¹⁸² Там же, стр. 147.

¹⁸³ Орлай идеализировал характер школьных преобразований и роль в них российского императора: он писал что Александр I «... истощая несметные дары на устройство вертограда наук торжественно доказал свету, что он ничего не щадил для просвещения своего народа, для возвышения нравственного характера империи и для утверждения славы и благоденствия России». — «Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине», стр. 146.

товительного факультета, медицинского, юридического и богословского.

План, предложенный Орлаем в своей основе отвечал интересам буржуазного развития страны. Начиная со второй половины XVIII и в особенности в первой четверти XIX вв., в связи с большими изменениями в области экономики, в недрах которой продолжали развиваться капиталистические отношения, все чаще находят свое проявление оппозиционные настроения и недовольство сословными привилегиями дворянства со стороны купцов, разночинцев, отдельных образованных представителей общества, являющихся носителями новой буржуазной идеологии.

Преодолевая сословно-крепостнические и откровенно охранительные принципы политики царизма в области просвещения, в России пробивают себе дорогу проекты школьных реформ, в которых проповедываются идеи народного образования, открытия школ для мещан и крестьян, заведения начального обучения для всех слоев трудящихся. В большинстве своем эти проекты так и остались на бумаге. Временная уступка дворянскому и буржуазному либерализму, как правило, заканчивалась усилением влияния церкви, помещиков и чиновников, а слова о «нуждах народа» так и оставались голыми фразами.

И. С. Орлай в своем проекте отмечал, что первые два типа учебных заведений (приходские и уездные училища) представляют собой по своему характеру народные училища. Уже из их названия можно видеть, «... что оные учреждены для народа, т. е. для граждан, купцов, мещан и разных ремесленников...» Приходское училище соответствовало первому классу уездного училища. Программа трех классов уездного училища была рассчитана на чтение и чистописание, а в дальнейшем на занятия грамматикой, синтаксисом, началами арифметики и географии. Во всех трех классах важное место принадлежало изучению различных церковных книг, катехизиса и заучиванию на память молитв. Вместе с тем уездные училища Орлай считал «колыбелью первых знаний для самого дворянства», что отвечало его идеи бессословной школы.

Ко второй ступени учебных заведений Орлай отно-

сил гимназии, которые должны были подготовить учащихся к поступлению в университет.

Лицеи и академии занимали промежуточное положение и открывались в основном в городах, удаленных от университетских центров, однако на том условии, что в городе функционировало уездное училище и гимназия. Они служили тому, чтобы «... обучающееся юношество без всякого затруднения могло находить средства образоваться к государственной службе». Лицей состоял из одного, реже из двух отделений университетского типа с двухгодичным сроком обучения. Академия имела два отделения университетского характера с четырехлетним сроком обучения.

Законченнос высшее образование давал университет, в стенах которого студенты находились в течение четырех лет. Обязательным условием получения специального университетского образования, т. е. медицинского, юридического или богословского являлось окончание философского факультета. Как большое достоинство этой системы, Орлай считал ее «совершенное единообразие»: «... народные училища, гимназии, лицеи, академии и самые университеты — каждое сообразно кругу своих действий — имеет одни и те же книги, одну и ту же методу, одни и те же учебные пособия и одним и тем же духом руководимых наставников. В целой империи в одно и то же время начинаются полугодичные и годовые испытания, везде по одной форме составляются классификации или распределение юношества по поведению и успехам, каковые классификации, будучи преданы теснению, не только представляются вышестоящему начальству, но и раздаются после публичного испытания юношеству, отходящему на вакации, для доставления родителям, а несколько экземпляров посылаются в Главное правление училищ. Что же касается до аттестатов, то и они выдаются... по одной форме».¹⁸⁴

Организационная структура, предложенная Орлаем, не вносила ничего принципиально нового в школьную систему, которая сложилась в России и которая была более компактной за счет сокращения числа переход-

¹⁸⁴ ЦГИАЛ, ф. 735, оп. 1, ед. хр. 169, лл. 7—15.

ных ступеней. В конце концов в России существовали все виды упомянутых учебных заведений, но приспособленных к ее условиям и специфике. Эта система сложилась на основании потребностей развития общества и тех классовых целей, которым она служила. В среде прогрессивно мыслящей интеллигенции в России не могло встретить сочувствия предложение Орлая об открытии богословского факультета. История русских университетов от самого их возникновения развивалась своим самостоятельным путем. При русских университетах никогда не существовали богословские факультеты, а церковное образование было сосредоточено в академиях духовного направления. Интересно отметить, что современник Орлая и его земляк П. Д. Лодий занимал в этом вопросе противоположную точку зрения. Профессор Лодий в своем «Рассуждении о происхождении 4-х факультетов, составляющих университет, о науках, в них преподаваемых и цели оных» развивал мысль о ведущей роли философского факультета, выступал против заведения богословского факультета, против подчинения философии богословию.¹⁸⁵

Общие принципиальные положения, высказанные Орлаем и касающиеся единства педагогического метода, дидактических требований, общей учебной литературы, классификации, экзаменов, аттестатов, стипендий и т. д., несомненно, отвечали насущным потребностям школьного обучения и образования в России того времени и были популярны в среде прогрессивных русских педагогов.

До тонкости знакомый со структурой школьного дела, Орлай хорошо видел те отрицательные моменты, которые являлись препятствием на пути к «высокой степени совершенства» целой школьной системы. Среди многих недостатков Орлай уделяет свое внимание одному, но наиболее существенному: учебные заведения одной категории, по мнению Орлая, не обладают равными правами и возможностями. В них не совпа-

¹⁸⁵ Впервые «Рассуждение» П. Д. Лодия опубликовал ленинградский философ В. М. Зверев. См.: «Бюллетень студенческого научного общества Ленинградского государственного университета», вып. II, 1959, стр. 39.

дают программы, учебная литература и т. п. В качестве примера он приводит Царскосельский, Волынский и Ришельевский лицеи, Демидовское и Петербургское высших наук училища, Нежинскую и Киевскую гимназии, которые «... неравны между собой ни в своих правах, ни в круге своего действия, ни в распределении преподаваемых наук».¹⁸⁶

Одним из важных упущений, по мнению Орлая, является нарушение последовательности преподаваемых предметов от простых к сложным. Нередко школьники сперва изучают физику и математическую географию, а только потом математику или древнюю историю излагают раньше физической географии. Он защищал принцип постепенности по отношению к возрастному разделению учеников, к уровню их умственного развития.

И. С. Орлай глубоко задумывался над вопросами становления и развития школьного дела в России. Его план практически только формально брал за основу австрийскую систему, на практике он исходил из интересов развития просвещения в России и анализировал ситуацию, которая здесь сложилась. Он не был посторонним наблюдателем преобразований в области школы, а их пропагандистом и участником. В своем «Мнении о преобразовании училищ в России» Орлай выдвинул ряд мер, которые бы способствовали «усовершенствованию системы народного просвещения». Он выступил с идеей создания централизованной системы школ. «... Усовершенствование системы народного просвещения... на совершенном единообразии», — в этом состояла главная задача. Он настаивал на том, чтобы «во всех училищах Российской империи ввести единообразное разделение и постепенный порядок наук...»¹⁸⁷ Особенно внимательно относился Орлай к вопросу снабжения школ учебниками и учебной литературой высокого качества, протестуя, что в школах часто «... употребляются без разбора всякие книги, какие только вздумаются местному начальст-

¹⁸⁶ «Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине», стр. 148.

¹⁸⁷ «Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине», стр. 153.

ву».¹⁸⁸ Он подчеркивал острую необходимость создания хороших и умных книг, отражающих последние достижения науки. Огромная роль в этом деле принадлежит «ученому сословию России».

И. С. Орлай отстаивал право на свободу преподавания для профессоров, работающих в высших учебных заведениях, борясь против мелочной регламентации и контроля со стороны представителей правительственных учреждений. Он считал, что профессора имеют полное право читать свои лекции по собственным подготовкам, а не по официально утвержденным руководствам, которые создавали барьер творческому поиску.

Исходя из высокой оценки роли учителя в учебно-воспитательном процессе, он предлагал завести конкурсы на освобождающиеся места, с тем чтобы они предоставлялись самым лучшим и талантливым педагогам. Считал необходимым повысить жалованье учителям, «тогда ученые люди, имея в виду способы жить сообразно званию своему, с охотой будут поступать в ученую службу...»¹⁸⁹

Большой интерес вызывают рассуждения И. С. Орлая о закрытых государственных и частных учебно-воспитательных учреждениях для детей дворян, так называемых пансионах, объединяющих вместе школу и интернат. Деятельность тех и других была связана со многими недостатками. В свое время вопросом частных школ занималась Комиссия об учреждении народных училищ, считая их по праву «гнездами закостенелого суеверия».¹⁹⁰ Комиссия стремилась подчинить их своему контролю и провела ревизию некоторых частных учебных заведений. В 1784 г., например, только в Петербурге действовало 28 иностранных и 18 русских пансионов. После проверки все русские пансионы были закрыты.¹⁹¹

¹⁸⁸ Там же, стр. 149.

¹⁸⁹ «Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине», стр. 153.

¹⁹⁰ «Описание дел архива Министерства народного просвещения», стр. XLIX.

¹⁹¹ П. Мижуев. Исторический очерк развития учебного дела в России. — «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Эфрона, т. 54, стр. 613—614.

Комиссия об учреждении народных училищ решила сохранить пансионы, открытые иностранцами, в интересах дворянства, обучающего своих детей иностранным языкам. «План к расположению пансионеров по образцу училищ народных», принятый комиссией, повысил требования к пансионатам. Пансионы могли быть открыты только по разрешению комиссии. Их учредители обязаны были сдавать экзамены по языку, который собирались преподавать. Новые предметы вводились в программу пансионеров по специальному разрешению. Несмотря на все предпринятые меры, пансионное образование оставалось наиболее слабым звеном школьной системы.

И. С. Орлай в данном вопросе занял бескомпромиссную позицию. Он предлагал закрыть частные учебные заведения всех типов. Согласно его точке зрения, существование частных пансионеров оказывало вредное и даже пагубное влияние на дело просвещения. Организацию их, как правило, брали на себя иностранные подданные, чаще всего французы. Орлай называл этих самозванных учителей на ниве народного просвещения невеждами, разоблачая их необразованность, а иногда и полное отсутствие представлений о педагогике. В пансионатах царили произвол и беспорядки. Очень часто они использовались как средство наживы правдами и неправдами, усилий сколоть личное состояние. «Сии наставники, — писал Орлай, — нередко насчет совести и стыда, испытав все непозволительные средства к обогащению себя в России, наконец принимаются за воспитание юношества, не имея никакого о том понятия...»¹⁹² Иностранные учителя «с подозрительной нравственностью и с подозрительными сведениями» не проявляли подлинной заботы о воспитании молодого поколения, «об образовании ума и сердца», но угодливо служили моде и прихотям аристократов. Они старались «...приготовить своих питомцев к блистательным праздникам, пирам и к веселому собеседничеству в кругу иногда людей легкомысленных и ветреных».¹⁹³ Именно частные учебные

¹⁹² «Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине», стр. 153.

¹⁹³ Там же.

заведения, по убеждению Орлая, «... поселили в русском дворянстве отвращение к гимназиям, академиям, университетам и даже ко всему отечественному...»¹⁹⁴

Мысли, высказанные Орлаем, по поводу пансионного образования отвечали насущным вопросам развития школьного дела, приобретая черты публицистической заостренности.

И. С. Орлай был последовательным сторонником бессословной системы школьного образования, открыто выступив на защиту равных на образование прав как для богатых, так и для бедных. Неподдельное возмущение вызывало с его стороны стремление дворян обучать своих детей отдельно от «детей низкого происхождения». «И почему бы дети неимущих родителей должны быть исключены от чувственной добродетели и чести? Разве мы не знаем, что в бедности скрываются нередко величайшие дарования и отличные таланты? Разве бессмертный Ломоносов не из рыбацкого шалаша вознес себя славою выше многих богачей и дворян?... Для чего русскому дворянину опасаться воспитываться вместе с детьми неимущих и недворянского происхождения?... Замечаемое в дворянах отвращение от совокупного воспитания с детьми неблагородных основывается на ложном понятии о чести, внушенном нам также иноземцами, ищущими в пансионах своей корысти. Но если бесчестно учиться вместе с неимущими низкого сословия своими соотечественниками, то почему не бесчестно иметь иногда иноземных ремесленников своими учителями?»¹⁹⁵

Идея всеобщего бессословного образования народа стала логическим завершением просветительской платформы И. С. Орлая. В годы, когда он работал директором в Нежине и Одессе, он пытался хотя бы частично воплотить ее в жизнь. Однако эта линия шла вразрез с официальным курсом, и открытая ее защита представляла далеко небезопасное дело. Ведь это было время расправы над участниками декабристского движения, время, когда один за другим следовали указы о запрещении деятельности различных обществ, в том

¹⁹⁴ Там же, стр. 152.

¹⁹⁵ «Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине», стр. 153.

числе даже масонских, когда учителя были обязаны подавать расписки о своей непричастности к антиправительственным организациям, если хотели остаться на службе. Следует отметить, что «Мнение о преобразовании училищ в России» не формулировало в полном своем контексте мысли Орлая по данному вопросу. Очень осторожно, в общих чертах Орлай ставит вопрос о совместном обучении богатых и бедных, об учреждении народных школ для детей купцов, мещан, ремесленников и других социальных групп населения. Хотя достоверно известно, что в своих воззрениях он шел значительно дальше, будучи сторонником принятия в высшие учебные заведения детей крепостных крестьян. Ярким подтверждением этого является его участие в делах комиссии по составлению устава Медико-хирургической академии в бытность его врачебной деятельности в Петербурге.¹⁹⁶ Согласно уставу Медико-хирургической академии, в ней могли получать профессию крепостные.

«Мнение о преобразовании училищ в России» родилось в сложной политической обстановке. В стране установился режим политического деспотизма, во всех областях культуры и просвещения начался поход реакции, усилились цензурные притеснения, широкие возможности были предоставлены реакционно-мистической пропаганде. И тем ценнее для нас взгляды И. С. Орлая, поборника русского просвещения, высказанные им в условиях нарастающей правительственной реакции.

В полном диссонансе со сложившейся атмосферой звучали его мысли о бессловной школе и совместном обучении детей аристократов и бедняков, о вреде государственных и частных закрытых учебных заведений, о необходимости просвещения для широких народных масс, идеи, которые составили демократическое ядро его просветительской концепции. Вместе с тем на взглядах Орлая не могло ни отразиться влияние общего политического курса, взятого царизмом в области просвещения, что сказалось в определенной непоследовательности некоторых предложенных Орлаем мер и высказанных им суждений. Выступая за

¹⁹⁶ ЦГИАЛ, ф. 1349, оп. 4, ед. хр. 96.

ликвидацию всех видов пансионного образования, ему не удалось избежать компромисса. Он предложил ввести стипендии для детей несостоятельных дворян, которые бы выплачивала государственная казна, с тем, что они наравне с богатыми могли бы пользоваться услугами иностранных учителей для усовершенствования своих языковых знаний и практического овладения иностранными языками, правда, в стенах государственных учебных заведений. Вопрос помощи материально необеспеченным учащимся решал не с конструктивных позиций, а мерами частного порядка, например, репетиторством. Право на стипендию признавал исключительно за дворянами. Считал правильным введение телесных наказаний.

Несмотря на эти противоречия и непоследовательность, И. С. Орлай в половине 20-х годов XIX в. выступил в роли педагога передовых демократических убеждений и стал творцом глубоко продуманной и стройной системы взглядов на учебно-воспитательный процесс и дело народного образования в России. «Мнение о преобразовании училищ в России» наиболее полно сформулировало педагогические взгляды Орлая, сделав их достоянием общественного мнения.

Конкретизацией общей педагогической концепции Орлая можно считать его статью «О необходимости обучаться преимущественно отечественному языку и нечто об обучении языкам иностранным».¹⁹⁷

1 мая 1825 г. И. С. Орлай обратился с письмом к министру народного просвещения, в котором предложил изменить способ преподавания языков в Гимназии высших наук в Нежине.¹⁹⁸ В ноябре 1826 г. проект Орлая был рассмотрен в Комитете об устройстве учебных заведений. Большинство членов комитета высказалось против предложений Орлая. Н. Ф. Крузенштерн, например, полагал, что эти рассуждения отличаются субъективизмом и являются плодом индивидуального пристрастия автора к славянским языкам. В заключение Главное правление училищ запретило

¹⁹⁷ «Записки, издаваемые от Департамента народного просвещения», СПб., 1825, книга первая, стр. 320—330.

¹⁹⁸ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 69, ед. хр. 33, лл. 1—4.

проводить какие-либо изменения, касающиеся преподавания языков. Однако мысли, высказанные Орлаем, оказались настолько интересными, что было решено его проект опубликовать.

Статья начиналась рассуждением о значении образования. Орлай считал, что образование человека должно стать критерием его общественной пользы, и молодежь обязана руководствоваться сознанием своей ответственности перед обществом.

«Дети в государственном учебном заведении воспитываются для приобретения знаний основательных, прочных, открывающих способы к поступлению в государственные должности, к благоразумному исполнению оных, и через то к усовершенствованию общественного и их собственного состояния . . .»¹⁹⁹

Само по себе это положение не содержало в себе ничего нового, но отвечало общей тенденции связи образования с общественными нуждами и свидетельствовало о приверженности Орлая к буржуазному прогрессу, ведущему к отстранению отжившей «Табели о рангах».

Казалось бы, на первый взгляд в своей статье И. С. Орлай касался одного из частных вопросов — соотношения между преподаванием языков и других предметов. В действительности вопросы, поднятые Орлаем, имели большое общественное звучание. В обстановке увлечения дворян иностранными языками и низкопоклонства перед западной культурой он формулирует свое отношение к русскому языку. С этой точки зрения статья имела не только узкометодический характер, но выдвигала некоторые тезисы методологического значения.

По мнению Орлая, одной из задач школы является воспитание в молодом поколении чувства гордости за свой народ и его язык, поскольку язык представляет собой зеркало нравственных и умственных способностей народа, его гражданских идеалов. Поэтому в системе преподавания языков первое место должно быть отведено языку русскому. Вместе с тем он подчеркивал, что русский язык принадлежит к самым

¹⁹⁹ «Записки, издаваемые от Департамента народного просвещения», стр. 321.

развитым языкам мира: «что же касается до богатства русского языка, то он без сомнения может почесться самым богатым. Сила, высота и богатство его несравненно превосходят все новейшие языки . . .»²⁰⁰

Русский язык Орлай расценивал и как средство межславянского общения, так как он широко распространен по всей территории России и его понимают еще 14 миллионов славян, живущих за ее пределами: «. . . Обширность языка русского, судя по бесчисленному множеству славян, в различных государствах в необъятном пространстве поселившихся, до изумления может удивить иноплеменника, неведующего об оной. Россиянин с одним славяно-русским языком может пройти от Петропавловского на восточном берегу Камчатки порта, и даже от северо-западных берегов Америки до Балтийского моря, отселе через Польшу в Австрийскую монархию, . . . оттуда вниз до Рагузы, Венеции и даже берегов Адриатического моря, не говоря уже о южных странах России, об Украине, Малороссии, о жителях берегов Черного, Азовского и Каспийского морей . . .»²⁰¹

И. С. Орлай отстаивал чистоту русского языка, призывая беречь его от засорения иностранными словами, в особенности французскими. Преклонение перед французским языком части русской аристократии он называл «нравственной немощью»: «. . . у нас по какому-то странному предубеждению, изучение французского языка полагается главным основанием существенного образования, так что тот не почитается даже благовоспитанным человеком, кто не говорит на французском языке».²⁰²

В учебной программе Орлай ставил на первое место русский язык, «который в надлежащем пространстве и совершенстве знать всякому необходимо».²⁰³

Значительное место он отводил изучению иностранных языков. Однако преподавание их не должно осуществляться в ущерб другим предметам. Учащимся

²⁰⁰ «Записки, издаваемые от Департамента народного просвещения», стр. 323.

²⁰¹ «Записки, издаваемые от Департамента народного просвещения», стр. 323—324.

²⁰² Там же, стр. 327.

²⁰³ Там же, стр. 320.

должна быть предоставлена возможность овладеть одним из древних и одним из новейших языков по собственному выбору или по совету родителей. Кроме того вводился греческий язык. Знание его способствовало освоению классической греческой культуры. Интересно отметить, что первоначально правительственные органы поддерживали заведение греческого языка в некоторых гимназиях, стремясь за его счет сократить количество часов для общественных дисциплин и естествознания. В связи с усилением реакционного курса, в особенности после революции 1848 г. царское правительство, опасаясь, что греческий язык может наводить на мысль о существовании республиканских порядков в Афинах, запретило преподавание греческого языка.²⁰⁴

В заключение характеристики педагогической концепции И. С. Орлая следует отметить, что на формирование его взглядов оказали значительное влияние педагогические труды Ж. Ж. Руссо и И. Г. Песталоцци.

От Руссо он воспринял идею борьбы против феодальной схоластической школы с ее муштрой, гнетом и сословным воспитанием, а также некоторые педагогические приемы, изложенные Руссо в сочинении «Эмиль, или О воспитании». Е. В. Петухов, например, считал, что меры, проведенные Орлаем с целью переустройства быта воспитанников Нежинской гимназии, «...носят на себе несколько сентиментальный характер школы Ж. Ж. Руссо...»²⁰⁵ Правда, он расходился с Руссо во взглядах на просвещение. Последовательный сторонник идеологии просвещения, он не мог принять скептического и даже, можно сказать, отрицательного отношения великого французского мыслителя к просвещению. В отличие от Руссо он был противником «свободного воспитания», изолированного от общества.

Наиболее близкими пониманию и представления И. С. Орлая были взгляды и методы выдающегося швейцарского педагога И. Г. Песталоцци. Сопостав-

²⁰⁴ Очерки по истории педагогики», стр. 191.

²⁰⁵ Е. В. Петухов. Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине. (К 75-летию со дня основания). СПб., 1895, стр. 138—146.

ляя их взгляды, можно найти ряд точек соприкосновения, в особенности при определении целей воспитания. Как и Песталоцци, считавший главной целью воспитания, — «развитие природных способностей человека . . . , постоянное их совершенствование»²⁰⁶, Орлай в теории и практике развивал те же мысли. Он был сторонником творческого развития личности ребенка, выдвигая на первый план развитие его мышления, а затем накопление знаний. Взгляды Орлая совпадали со взглядами Песталоцци по вопросам значения изучения родного языка, наглядности преподавания, методики элементарного обучения, реорганизации народной школы. С другой стороны, Орлай не был согласен с отношением Песталоцци к системе частных учебных заведений и с его отрицанием значения государственной школы.

Много позднее Н. Кукольник отмечал: «. . . самые утонченные педагогические системы лопаются, как мыльные пузыри, если исполнители не согреты любовью к делу, а еще более любовью к учащимся. Мне легко было впоследствии понять и систему и успехи несравненного Песталоцци, перед которым все эти напыщенные чудно разглагольствующие педагоги кажутся такими чопорными пигмеями, и мог я понять Песталоцци только потому, что имел счастье учиться под крылом Ивана Семеновича, всегда на вид строгого, всегда важного, почти сурового, но под этой наружной холодностью, носившего безграничную любовь к человечеству во всех его возрастах».²⁰⁷ Здесь очень точно подмечена наиболее характерная черта Песталоцци — его любовь к ученикам, его бескорыстная преданность им. А последняя фраза звучит совсем по-песталоццовски, лозунгом которого была «действенная любовь к людям».

Педагогические воззрения Песталоцци получили распространение в России в первых десятилетиях XIX века. Известно, что в 1818—1819 годах знаменитый Ивердонский институт, созданный Песталоцци, посетили четверо студентов Главного педагогического ин-

²⁰⁶ «Очерки по истории педагогики», стр. 126—129.

²⁰⁷ «Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко», стр. 195.

ститута в Петербурге: А. Г. Ободовский, Ф. И. Буссе, К. Ф. Свенске и М. М. Тимаев. По возвращении на родину они составили «Мнение о сравнении различных систем народного образования»²⁰⁸, где высказались в пользу системы Песталоцци и ее введения с учетом местных условий. Общая демократическая направленность этой системы не отвечала намерениям царского правительства, которое склонялось в пользу белльланкастерской системы взаимного обучения, предполагая ее использовать для распространения в школах религии и священного писания.

Таким образом, И. С. Орлай не только воспринял некоторые черты этого метода, но и был одним из наиболее ранних его сторонников в России.

2. Роль И. С. Орлая в развитии Гимназии высших наук князя Безбородко

Педагогическая деятельность Орлая была связана с учебными заведениями, расположенными на Украине, и прежде всего с Харьковским учебным округом.²⁰⁹ В его состав входили Харьковская, Орловская, Воронежская, Курская, Черниговская, Полтавская, Николаевская, Таврическая и Екатеринославская губернии, а также земли донских и черноморских казаков. Во главе учебного округа находился Харьковский университет, училищный комитет которого занимался вопросами организации школ, штатом учителей, программами и учебной литературой.

По уставу 1804 г. на Украине возникла сеть начальных и средних школ. В течение 1805—1830 годов было открыто 161 приходское училище, 71 уездное училище и 10 гимназий. Соответственно увеличилось и количество учащихся: в школах Харьковского учебного округа обучалось в 1805 г. — 2045 учеников, в 1812 г. — 5115, в 1823 г. — 8360, в 1831 г. — 10 739

²⁰⁸ Иоганн Генрих Песталоцци. Избранные педагогические произведения в трех томах. М., 1961, т. 1, стр. 101.

²⁰⁹ Харьковский учебный округ был создан в 1803 г. Во главе его стояли попечители: с 1803 по 1817 гг. — С. О. Потоцкий, с 1817 по 1822 гг. — З. Я. Карнеев, с 1822 по 1825 гг. — Е. В. Карнеев, с 1825 по 1830 гг. — А. А. Перовский.

учеников.²¹⁰ Среди учащихся преобладали дети привилегированных слоев общества. Учебно-воспитательный процесс опирался на главные устои монархическо-крепостнической идеологии. Обучение проходило на русском языке в духе великодержавно-шовинистической политики царизма. И тем не менее рост сети учебных заведений способствовал распространению грамотности, подготовке кадров интеллигенции, воспитанию общественного сознания.

Центром Харьковского учебного округа, как было отмечено выше, являлся Харьковский университет, основанный 17 января 1805 года. Он сыграл огромную положительную роль в истории просвещения на Украине, возглавляя, с одной стороны, дело образования на обширнейшей территории и подготавливая преподавательские кадры, а с другой стороны, выступая носителем прогрессивных традиций и идей. Уже в первые десятилетия существования университета в его стенах получили распространение настроения протеста, затронувшие часть студенчества. Среди студентов снискали симпатии рукописные произведения К. Ф. Рылеева, А. С. Пушкина, В. Ф. Раевского, а в 1827 году возникло дело, известное под названием — дело студентов Харьковского университета. Суть его заключалась в том, что у студентов обнаружили тетрадь со стихами революционного содержания. В ней находилось стихотворение Рылеева «К временщику», Пушкина «Ответ на вызов написать стихи», Раевского «Друзьям» и анонимная поэма «Рылеев в темнице». Расследование дела Николай I поручил военному губернатору Киева генерал-лейтенанту Желтухину и ректору Харьковского университета Кронебергу. Следствие показало, что тетрадь ходила по рукам многих людей, принадлежащих к различным социальным категориям. Прямое отношение к ней имели студенты Снесарев, Гибнер, Балабуха, Розальон-Сошальский, оказавшийся, как было установлено, автором поэмы.²¹¹

²¹⁰ «Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР», стр. 399.

²¹¹ И. А. Федосов. Революционные кружки в России конца 20-х — начала 30-х годов XIX в. — См.: «Исторические записки». Издательство Академии наук СССР. 1957, т. 59, стр. 213—214.

Обращает на себя внимание тот факт, что Нежинская гимназия, с которой было связано начало самостоятельного педагогического пути Орлая, в значительной степени тяготела к Харькову как к центру учебного округа, испытывая на себе его влияние. Вместе с тем гимназия удерживала постоянные контакты с другим крупным культурным центром — с Киевом. Именно из киевских учебных заведений прибыла на службу в Нежинскую гимназию группа учителей, многие из которых не прервали своих контактов с некоторыми киевскими организациями, учреждениями и знакомыми. Часто в Киев приезжал и Орлай.

Гимназия высших наук князя Безбородко возникла в Нежине 19 апреля 1820 г. на средства братьев А. А. Безбородко и И. А. Безбородко. Ее почетным попечителем стал внук И. А. Безбородко — А. Г. Кушелев-Безбородко, окончивший в Петербурге Педагогический институт. Комиссия в составе А. Г. Кушелева-Безбородко, В. П. Кочубея и В. Г. Кукольника разработала устав гимназии, который был утвержден только в 1825 году. Практически гимназия начала свою деятельность еще до утверждения устава благодаря усилиям и стараниям А. Г. Кушелева-Безбородко.

Устав²¹² следующим образом определял положение Нежинской гимназии в системе школьного обучения и образования:

«Гимназия сия есть публичное учебное заведение. Она состоит между учебными заведениями в числе занимающих первую степень после университетов, . . . и отличается перед губернскими гимназиями как высшею степенью преподаваемых в ней наук, так и особенными . . . правами и преимуществами».

В уставе отмечалось:

«Цель учреждения сего заведения, согласно с благотворным намерением первых основателей оногo, состоит в том, чтобы в Малороссийском краю, месте их рождения, доставить всем и особенно неимущим дворянам и другого состояния жителям удобность при

²¹² Устав опубликован в «Сборнике постановлений по Министерству народного просвещения», т. 1, изд. 2, СПб., 1875, стр. 1817—1835.

воспитании их детей в благочестивых правилах, приобрести сведения в языках и общих науках, полезных для каждого человека, и напоследок в высших науках, служащих приуготовлением юношества на службу государству».

Таким образом, уже первые параграфы устава подчеркивали привилегированный дворянский характер этой гимназии. В уставе имелась оговорка, что в нее могли быть приняты и люди «другого состояния», однако высокая плата за обучение в размере 1000 рублей ежегодно практически закрывала перед ними двери.

Не следует упускать из вида и тот факт, что особым указом продвижение по служебной лестнице и особенно производство в высшие чины было связано с получением университетского диплома или со сдачей экзаменов по университетской программе. Царизм в связи с дальнейшим экономическим развитием страны все более нуждался в кадрах образованной государственной бюрократии. В этом отношении Нежинской гимназии делалась уступка, которая предоставляла дворянам возможность получить образование близкое к высшему, в связи с недостатком сословно-дворянских учреждений на Украине.

В § 72 устава было подчеркнуто: «Воспитанники гимназии и обучавшиеся в оной, получив аттестаты о совершенном окончании полного курса, предписанного сим уставом, и с показанием в оном отличных успехов в благонравии и науках, поступают в гражданскую службу: удостоенные звания кандидатов — двенадцатым, звания же студента — четырнадцатым классом. Кандидаты и студенты, поступившие из сей гимназии в службу военную, пользуются правом студентов университетских. Аттестаты, полученные от сей гимназии, имеют равную силу с аттестатами, выдаваемыми от российских университетов, и освобождают получивших оные от испытания для производства в высшие чины».

Выпускники гимназии, получившие звание кандидата, переводились в более высокие гражданские и военные чины — губернского секретаря или поручика, выпускники в звании студента получали самые низкие чины — коллежского регистратора или прапорщка.

Окончившие гимназию, таким образом, доставали свидетельства о завершении среднего и высшего образования, и тем самым им предоставлялась возможность успешной карьеры по государственной линии.

Учащиеся гимназии подразделялись на две категории. К первой категории, так называемых пансионеров, относились ученики, имеющие право на интернат. Они жили и учились в стенах гимназии, в специально отведенных помещениях. В их распоряжении имелись учебные комнаты, комнаты для отдыха (рекреационные залы) и спальни. Согласно положениям устава гимназия имела право принять в число пансионеров 24 человека. Они получали стипендию из фонда основателей гимназии. Кроме того, трех человек из детей военнослужащих засчет особого фонда и 150 детей, содержание которых полностью оплачивали родители. Ко второй категории принадлежали, так называемые вольноприходящие ученики. Это были учащиеся гимназии, принятые без права на интернат и проживающие в городе или его окрестностях вместе с родителями или на частных квартирах. Количество вольноприходящих учеников установлено не было.

Срок обучения в гимназии был рассчитан на девять лет. Первые два трехлетия ученики занимались по программе, соответствующей губернским гимназиям. Последнее трехлетие отвечало по объему университетскому образованию. Учащиеся 7—9 классов назывались студентами. В гимназии преподавали русский, латинский, греческий, немецкий и французский языки и литературу, географию и историю, физико-математические, естественные, политические и военные дисциплины, рисование, черчение, танцы и закон божий. В 7—9 классах первостепенное внимание уделялось таким предметам как логика, начальные основания нравственной философии и естественного права, основания общего народного права и государственного хозяйства, краткая история римского законодательства и основания римского права, российское гражданское и уголовное право. Устав не регламентировал распределение предметов по годам и классам, что создавало возможность экспериментировать, искать и находить наилучшие сочетание возрастных особенностей со способностью осваивать определенный материал.

Руководство гимназией по административно-организационной и педагогическо-воспитательной линии осуществляли директор и конференция. Вся полнота власти находилась в руках директора. Он отвечал за моральное поведение учеников, преподавателей, инспекторов. Учебно-педагогическим процессом директор руководил вместе с конференцией, состоящей из профессоров гимназии. Вместе с инспектором и одним из профессоров, которые создавали так называемое правление, директор нес ответственность за состояние материальной части гимназии. Кроме того, за директором сохранялось право политического надзора.

Первым директором Нежинской гимназии был профессор Петербургского университета В. Г. Кукольник, земляк и приятель Орлая. После его смерти, летом 1821 г. Орлай побывал в доме Кукольников вместе с семьей генерала Дорохова. Нежин произвел на него очень благоприятное впечатление, в особенности гимназия, расположенная на окраине города, в предместье под название Мачерки.

23 августа 1821 г. И. С. Орлай подал прошение о переводе его из Петербурга в Нежин. Свое ходатайство он мотивировал плохим состоянием здоровья и необходимостью в этой связи переселиться в теплые края. Он писал:

«Если... Гимназия высших наук князя Безбородко или другая в южном краю России будет мне вверена, то священной обязанностью почту для себя занять и должность положенного при ней врача без всякой за то платы, и иметь всевозможное старание, дабы направить сословие наставников к законному и единообразному исполнению должностей их; напутствуя же юные сердца питомцев..., надеюсь посеять семена обильных плодов к пользе и славе отечества».²¹³

3 сентября 1821 г. И. С. Орлай был утвержден директором Гимназии высших наук в Нежине. 1 ноября того же года он смог приступить к исполнению своих обязанностей. В течение девяти месяцев после смерти В. Г. Кукольника во главе гимназии находилось вре-

²¹³ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 94, ед. хр. 12, «По письму статского советника Орлая об определении его директором в Гимназию высших наук князя Безбородко».

менное правление. И. С. Орлай принял в свои руки руководство в очень тяжелое для гимназии время. Процесс ее формирования находился у начальных истоков, и перед новым директором возникло много сложных, ждущих своего решения вопросов. В круг обязанностей Орлая входили вопросы комплектования преподавательского коллектива, подбор воспитателей, административных работников, открытие новых классов, различные хозяйственные дела. Спустя три года И. С. Орлай вспоминал: «Приняв под распоряжения мои сие новое учебное заведение, я главным для себя поставил долгом, при первоначальном его образовании употребить все зависящие от меня способы и меры, чтобы привести его сколько возможно ближе к единообразию с знатнейшими российскими училищами и дать ему как по наукам, так и по хозяйственному устройению прочное основание... Таким образом гимназия в скором времени поставлена будет на той степени совершенства, на которой я видеть ее усиленно желал бы».²¹⁴

Вступив в должность директора, И. С. Орлай оказался в затруднительном положении. Дело в том, что устав, разработанный в своей основе, все еще не был утвержден. Поэтому Орлай предпринимает ряд мер с целью придать своим распоряжениям законный характер. Руководствуясь проектом устава, он вносит в работу четкую организацию, заводит приципы контроля и ответственности за порученное дело. Управление гимназией он разделил на хозяйственную и учебную части, назначив секретарем по учебной части профессора П. И. Никольского, по хозяйственной части — профессора К. А. Мойсеева, а кассиром — профессора К. В. Шапалинского. Орлай предложил «для соблюдения полной ясности в делах, как по всем и по каждой порознь входящим и исходящим бумагам, так и по каждому предмету, даже по самомалейшим каким-либо замечаниям в ученой или хозяйственной части, составлять текущие журналы, подразделением их на параграфы, в котором бы каждый предмет особливо излагался, и подписывать их после его вообще

²¹⁴ Там же, оп. 78, ед. хр. 66, лл. 13—14.

всем . . . профессорам и учителям, составляющим с ним заседание».

2 февраля 1822 г. министр народного просвещения утвердил предложенный Орлаем порядок управления гимназией.²¹⁵ Несмотря на все старания нового директора, работу его тормозила система трехступенчатой отчетности. Гимназия была подчинена министру народного просвещения, попечителю учебного округа и почетному попечителю, что создавало дополнительные трудности при руководстве гимназией.

Наконец, 19 февраля 1825 г. устав и штат гимназии были утверждены и в половине апреля получены в Нежине. Однако, дело этим не завершилось. При переписке устава были допущены ошибки. Они касались правильного написания царских титулов и величины денежных сумм, отпущенных в бюджет гимназии.²¹⁶ Устав был возвращен в Государственный совет.²¹⁷

И. С. Орлай пришел в гимназию с вполне сложившимися педагогическими взглядами, в основе которых лежала его просветительская концепция. Одной из наиболее важных задач, которые Орлай стремился разрешить, было создание сильного педагогического коллектива образованных и преданных своему делу людей. Он с большой тщательностью относился к делу подбора учительских кадров. Встречался с людьми, изучал рекомендации, советовался, вступал в переписку. Внимательно просматривал материалы и дипломы кандидатов. Из журнала конференции гимназии от 30 июня 1822 г. известно, какие требования он предъявлял к ним: «желательно, чтобы все имеющие вступить на поприще **наставников гимназии высших наук** [имели]: 1. достоверные, за подписанием местных учебных начальств, под которыми они учились, сви-

²¹⁵ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 94, ед. хр. 19. «По представлению попечителя Харьковского учебного округа об утверждении распоряжения, учиненного директором Нежинской гимназии, относительно управления делами сей гимназии».

²¹⁶ И. А. Сребницкий. Очерки из истории лица князя Безбородко (1832—1875). Нежин, 1895, стр. 5.

²¹⁷ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 69, ед. хр. 32. «По представлению попечителя Харьковского учебного округа об исправлении некоторых ошибок, оказавшихся . . . в штате Гимназии высших наук кн. Безбородко», лл. 1—70.

детельства о пройденных ими с похвалою не только предуготовительных гимназических наук, но и академических; 2. чтобы они возведены были на университетское достоинство или кандидата или магистра или доктора; 3. чтобы те, кои хотят быть профессорами, известны были высшему начальству по долговременной их в учебных заведениях службе, способностью своею и усердием в наставлении юношества, при том имели бы столько других ученых познаний, чтобы в случае отлучки или болезни кого-либо из профессоров, могли на время занимать его место».²¹⁸

И. С. Орлай потребовал от всех преподавателей, работающих в гимназии, а также от тех, кто желал в нее поступить, составить автобиографии и сдать их в архив конференции. Он полагал, что этой мерой «... преградится дорога необразованным и откроется беспрепятственный ход талантам, да и самое училище всегда будет иметь людей способных и достойных».²¹⁹

К моменту приезда Орлая в гимназию в ней находилось семь учителей. Критическое положение с преподавателями сложилось в 7—9 классах. Некому было учить естествознание, военное дело. Политические дисциплины преподавались вместе с юридическими и находились в руках одного преподавателя. Поэтому новый директор много времени и сил уделяет поискам нужных ему людей, пользуясь каждой поездкой с целью инспекции по учебным заведениям Харьковского учебного округа. В общей сложности Орлаю удалось пригласить на работу в гимназию пятнадцать преподавателей,²²⁰ но здесь его подстерегали как успехи, так и разочарования. Не всегда было возможно подобрать людей на основании тех критериев, которые выдвигал Орлай.

Большой удачей Орлая можно считать приглашение в гимназию Н. Г. Белоусова, талантливое педагога и человека демократических убеждений. О педагогических способностях Белоусова и его большом авторитете в гимназии писал в своих воспоминаниях

²¹⁸ «Известия Историко-филологического института кн. Безбородко», стр. 164.

²¹⁹ «Известия Историко-филологического института кн. Безбородко», стр. 120.

²²⁰ Там же, стр. 165.

Н. Кукольник: «С необычайным искусством Николай Григорьевич изложил нам всю историю философии, а с тем вместе и естественного права, в несколько лекций, так что в голове каждого из нас установился прочно стройный систематический скелет науки наук, который каждый из нас мог уже облекать в тело по желанию, способностям и ученым средствам. Неменьшую пользу доставило нам в нравственном отношении и то, что Орлай назначил Белоусова нашим инспектором... Справедливость, честность, доступность, добрый совет, в приличных случаях необходимое одобрение — все это благодетельно действовало на кружок студентов».²²¹

Среди преподавательского коллектива гимназии находились талантливые педагоги и превосходные знатоки своего дела. Кроме Н. Г. Белоусова симпатиями и уважением пользовались К. В. Шапалинский, Н. Ф. Соловьев, С. М. Андрущенко, Ф. Й. Зингер, И. Я. Ландражин. П. Г. Редкин, выпускник гимназии и позднее известный педагог, к словам которого можно относиться со всей серьезностью, высоко ценил знания и способности преподавателя математики К. В. Шапалинского: «Безукоризненная честность, неизменная справедливость, скромная молчаливость, тихая серьезность, строгая умеренность и воздержание в жизни, отсутствие всякого эгоизма, всегдашняя готовность ко всякого рода самопожертвованиям для пользы ближнего — вот основные черты нравственного характера этого чистого человека, достойного во всех отношениях гораздо лучшей участи. Как профессор, он горячо любил и очень хорошо знал преподаваемые им предметы и излагал их с краткою, но ясною сжатостью, без всякого фразерства, но с увлечением, умея заохочивать к изучению тех из учеников, в которых таилась искра бескорыстной преданности истине, науке».²²² Эта характеристика, данная П. Г. Редкиным своему учителю, правдиво отражает личность Шапалинского, поскольку была дана человеком, глубоко разбирающимся в вопросах воспитания.

²²¹ «Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко», стр. 242.

²²² Там же, стр. 317.

К числу способных педагогов принадлежал учитель рисования Нежинской гимназии свободный художник-самородок К. С. Павлов, сумевший привить своим ученикам любовь к живописи.²²³

Но И. С. Орлаю не всегда везло в этом отношении: были ошибки и просчеты, была необходимость считаться с теми учителями, которые пришли еще до его назначения, но не отвечали представлениям нового директора. К числу таких преподавателей относились М. В. Билевич, Х. Н. Иеропес, П. И. Никольский, К. А. Мойсеев. Особенно удручающее впечатление производила личность учителя греческого языка Иеропеса, мракобеса и реакционера по своим убеждениям. Безвольный и беспринципный человек, он во всем подчинялся Билевичу, на дочери которого был женат. Нелучше выглядел профессор российской литературы Никольский, доносчик, ограниченная и недалекая личность. Профессор истории Мойсеев, сухой и молчаливый, принадлежал к педантам и формалистам.

К концу пребывания И. С. Орлая на посту директора, судя по отчету за 1826 г., в Гимназии высших наук имелось четверо старших профессоров, в том числе Билевич, Никольский, Шапалинский, Мойсеев, пятеро младших профессоров, среди них Андрущенко, Ландражин, Зингер, Иеропес, Соловьев и восемь учителей, работающих в младших классах, — Лопушевский, Самойленко, Персидский, Боаргард, Кулжинский, Павлов, Севрюгин и Урсо. Кстати И. Урсо преподавал военное дело. Орлай старался пригласить на преподавание этого предмета полковника Терлецкого, участника Отечественной войны 1812 г., но его попытка окончилась неудачей. Полковник, дав первоначально свое согласие, в дальнейшем отказался приехать в Нежин.²²⁴ К числу служащих гимназии относилось четверо воспитателей: Зельднер, Аман (который был одновременно некоторое время заведующим библиотекой), Мышковский и Ванновский. Гимназия имела своего врача — Фибинга. Заведующим хозяйственным

²²³ Д. Иофанов. Н. В. Гоголь. Детские и юношеские годы, стр. 218.

²²⁴ «Известия Историко-филологического института кн. Безбородко», стр. 165.

отделением был Тарновский, служащим канцелярии — Скороходов, наконец, законоучителем в гимназии служил Волынский.²²⁵

Как опытный педагог, И. С. Орлай придавал большое значение созданию в гимназии сплоченного преподавательского коллектива, работающего в атмосфере взаимного понимания и уважения, в атмосфере творческого обмена мнениями. На одном из заседаний конференции Орлай выступил с предложением, «чтобы каждый из присутствующих в заседаниях на счет управления гимназии объявлял свои мысли свободно и вольно, хотя бы случилось против какой-либо меры, предлагаемой самим директором, и чьи окажутся основательнейшими суждения, записывать в параграфах журнала».²²⁶ Эта возможность высказать свое мнение вслух создавала условия для плодотворной деятельности конференции гимназии и реализации ее решений в жизнь.

И. С. Орлай пользовался заслуженным уважением и авторитетом среди преподавателей и учеников гимназии. Он был «человек основательно и широко образованный, с истинным и сильным педагогическим призванием, явившийся к своей новой должности с настойчивым желанием лишь пользы вверенного ему учебного заведения и готовый принести в жертву этой пользе свое личное самолюбие и некоторые из преимуществ своей власти. Конференция гимназии была при нем действительно органом управления, где с полной свободой членами ее обсуждались разные учебно-воспитательные вопросы, и где признаваемый всеми авторитет директора, не насилуя ничьих мнений, давал лишь руководящее направление, беспрестанно вырабатываемое неослабным наблюдением и глубоким пониманием дела и согреваемое самым живым и сердечным к нему участием.»²²⁷

В центре внимания Орлая и преподавательского коллектива гимназии находились вопросы организации учебно-воспитательного процесса, в первую оче-

²²⁵ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 49, ед. хр. 578.

²²⁶ «Известия Историко-филологического института кн. Безбородко», стр. 125.

²²⁷ Е. Петухов. Гимназия высших наук князя Безбородко в Нежине, ЖМНПр, ч. СССІ, стр. 90.

редь вопросы, касающиеся содержания, уровня и методов преподавания. В программе гимназии отводилось существенное место изучению философии, особенно в ее старших классах. Благодаря заботам директора в гимназии в течение нескольких лет читался курс «естественного права». Много учебных часов отводилось на изучение литературы, русского и иностранных языков.

Видную роль в общественном воспитании учащихся играла русская литература. Значение литературы в общественно-политической жизни России того времени было особенно велико. Передовая русская литература отвечала на самые животрепещущие вопросы, поднимая знамя борьбы против крепостничества и абсолютизма. Большой известностью пользовались произведения А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова, К. Ф. Рылеева. Нежинская гимназия не стояла в стороне от общего увлечения литературой. «Школьная молодежь как в столицах, так и в провинции жадно следила за этим литературным движением, усиленно читала статьи и книги литературного содержания и старалась подражать; самостоятельные литературные опыты составлялись как в классах, под руководством наставников, так еще более вне класса, в товарищеской среде, в кружках, объединявших страстью к чтению и попытками собственного творчества. Наилучшим образом страсть эта находила свое выражение в рукописных школьных журналах, юные издатели и сотрудники которых не щадили ни времени, ни труда...»²²⁸

Студентам Нежинской гимназии не очень повезло с учителем русской литературы. П. И. Никольский признавал право на существование только за литературой допушкинского периода, превознося произведения А. П. Сумарокова и М. М. Хераскова и отдавая свое предпочтение русскому классицизму. Современную его времени литературу он не знал, не изучал и не ценил. На этой почве между профессором и его учениками, поголовно увлекающимися А. С. Пушкиным, В. А. Жуковским, К. Н. Батюшковым и другими поэтами, возникали большие недоразумения. Н. Ку-

²²⁸ Е. Петухов. Гимназия высших наук князя Безбородко в Нежине, (ЖМНПр, 1895, ч. СССІ) стр. 111.

кольник вспоминал, как под видом стихотворений собственного сочинения они давали на исправление П. И. Никольскому произведения А. С. Пушкина, И. И. Козлова и Н. М. Языкова. В один из таких конфликтов должен был вмешаться лично И. С. Орлай. Однажды на уроке русской литературы профессор Никольский дал своим ученикам задание сочинить стихотворение на вольную тему. Большая часть учеников переписала стихи из журналов, которые учитель никогда не читал. Н. В. Гоголь сдал П. И. Никольскому под видом стихотворения собственного сочинения «Демона» А. С. Пушкина. Разразился скандал, посыпались жалобы на учеников директору. И. С. Орлаю с трудом удалось ликвидировать конфликт.²²⁹

В гимназии любили и знали произведения А. С. Пушкина, не пропуская появления ни одной новинки. А. С. Данилевский в своих воспоминаниях рассказывает о том, как он вместе с Н. В. Гоголем и Н. Я. Прокоповичем «... читали «Онегина» Пушкина, который тогда выходил по главам. Гоголь уже тогда восхищался Пушкиным. Это была тогда еще контрабанда: для нашего профессора словесности Никольского даже Державин был новый человек».²³⁰

Немало учеников Нежинской гимназии писало стихи. К школьным годам относятся первые стихотворные опыты Н. В. Гоголя: эпиграмма на ученика седьмого класса Ф. Бороздина под названием «Спиридон», стихотворение «Непогода», баллада «Две рыбки», трагедия в стихах «Разбойники», поэма «Россия под игом татар», а также повесть «Братья Твердиславичи» и сатира «Нечто о Нежине, или дуракам закон не писан». По поводу вышеупомянутой эпиграммы между Гоголем и Орлаем произошел конфликт. Гоголь в связи с днем рождения своего товарища Ф. Бороздина нарисовал на него карикатуру и написал шуточные стихи, прозвав его «Расстригою-Спиридоном» за короткую стрижку, которую Бороздин носил. Это вызвало бурное веселье среди гимназистов, с которым не сла-

²²⁹ «Гимназические годы Гоголя». Биографический рассказ Н. Надеждина. Издание товарищества М. О. Вольф. С.-Петербург и Москва, 1833, стр. 43—50.

²³⁰ В. И. Шенрок. Материалы для биографии Гоголя, т. 1, стр. 102.

дил их воспитатель Зельднер. На помощь пришел директор. Как рассказывает Н. Надеждин, «Николаша порядком струсил: Иван Семенович, слывший у воспитанников под именем Юпитера-громовержца, был справедлив и строг, не любил потакать шалостям школьников, и Николаша побаивался за последствия своей шутки.

Иван Семенович заставил Гоголя рассказать в чем тут дело. — Какие скверные стихи! — промолвил он, покачав головой, и, обернувшись к Гоголю добавил: — Это уже не первая ваша проделка, Яновский, берегитесь, как бы вам не дошутиться до чего-нибудь серьезного . . .»²³¹

Стихи сочинял еще один ученик гимназии — Е. Гребенка, позднее посвятивший своим школьным годам такие произведения, как «Нежин-озеро», «Юность» и повести «Водевиль из частой жизни» и «Нежинский полковник Золоторенко». В гимназические годы сделал наброски к своей драме «Торквато Тассо» Н. Кукольник.

Некоторые из учеников, в особенности Н. Гоголь уже тогда обладали тонким художественным вкусом, воспринимая то лучшее, что давала русская литература. Предметом их насмешек становятся такие литературные опусы, как «Малороссийская деревня» И. Г. Кулжинского или «Ум и рок» П. И. Никольского. С большой чуткостью они реагировали на каждое проявление ложной патетики, искусственности и многословия.

Ученики гимназии издавали свои рукописные журналы. В 1826 г. выходило более десяти таких журналов, среди них «Метеор литературы», «Парнасский навоз», «Литературное эхо», «Литературный промежуток», «Северная заря». «Литературный промежуток» наполовину был написан Н. Прокоповичем.²³² Активное участие в издании «Метеора» и «Северной зари» (иногда фигурирующей под заголовком «Звезда») принимал Н. Гоголь. Некоторые авторы отмечают, что «Северная заря» была задумана как подражание альманаху «Полярная звезда», выпускаемому К. Ф. Рылеевым и

²³¹ Н. Надеждин. Гимназические годы Гоголя, стр. 27—33.

²³² ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 85, ед. хр. 49904, лл. 19—20.

А. Бестужевым.²³³ Из соображений цензуры гимназисты-нежинцы назвали свой журнал просто «Звездой». П. А. Кулиш писал: «Издатель брал иногда на себя труд читать вслух свои и чужие статьи. Все внимало и восхищалось. В «Звезде», между прочим, помещена была повесть Гоголя «Братья Твердиславичи» (подражание повестям, появлявшимся в тогдашних современных альманахах) и разные его стихотворения. Все это написано было так называемым «высоким» слогом, из-за которого бились все сотрудники редактора».²³⁴

Большую роль в жизни гимназии играл школьный театр. Его идея родилась в 1824 г., когда гимназию возглавлял Орлай. Спектакли проходили в актовом зале, где плотники сооружали сцену, устанавливали кулисы. Гимназисты сами готовили костюмы и рисовали декорации. На представления сходились множество людей. Гости приезжали из города и округи. На сцене показывали пьесы Д. И. Фонвизина, Я. Б. Княжина, В. А. Озерова, И. А. Крылова, а также западноевропейских писателей Мольера, Флориана, Коцебу.

Самое активное участие в школьных театральных делах принимал Н. Гоголь. Многие его сверстники прочили Гоголю блестящую актерскую карьеру. В спектаклях он играл превосходно, обладая ярко выраженным комическим талантом. Известно, например, что он выступал в роли Василисы в пьесе Крылова «Урок дочкам», в роли Простаковой в «Недоросле» Фонвизина, где Митрофанушкой был Н. Кукольник. К. Базили, вспоминая о постановке «Недоросля», писал: «ни одной актрисе не удавалась роль Простаковой так хорошо, как играл эту роль шестнадцатилетний Гоголь».²³⁵

Театральные представления вызвали большое беспокойство некоторых учителей. От них поспешили отмежеваться М. В. Билевич и П. И. Никольский. Спектакли казались им источником беспорядков в гимназии. М. В. Билевич подал конференции гимназии прошение в котором писал: «...таковые театральные пред-

²³³ С. Машинский. Гоголь и «дело о вольнодумстве», стр. 65—66.

²³⁴ П. А. Кулиш. Записки о жизни Н. В. Гоголя, т. 1, стр. 26.

²³⁵ В. И. Шенрок. Материалы для биографии Гоголя, т. 1, стр. 241.

ставления в учебных заведениях не могут быть допущены без особого дозволения высшего учебного начальства . . .», поэтому просил «. . . уволнить меня в том случае по сему предмету от всякой ответственности . . .»²³⁶

П. А. Никольский высказывал опасения по поводу репертуара, который «один только вред принести может». Опасаясь, что он может быть привлечен к ответственности как учитель российской словесности, Никольский предупреждал конференцию: «Пансионеры же гимназии, как это из ответов их на задаваемые в классах вопросы оказывается не столько, по-видимому, учением преподаваемых предметов занимаются, сколько выучиванием театральных ролей, которые они на открытом в гимназии театре уже шесть раз для приглашаемых из города зрителей представляли . . .»²³⁷

В учебной программе Нежинской гимназии важное место отводилось изучению языков. В гимназии, кроме русского языка как основного, преподавался французский, немецкий, латинский языки, а позднее были введены и уроки греческого языка. С целью глубокого освоения языков, учитывая специфику методов их изучения, конференция гимназии по инициативе И. С. Орлая рассматривает этот вопрос на заседаниях 8 ноября 1821 г. и 29 апреля 1822 г. Конференция приняла решение разделить всех учащихся в зависимости от их знаний на шесть отделений. «Такое разделение, — как отмечал, Орлай, — должно начаться идти и окончиться постепенно смотря по успехам учеников. Так например, поелику из месячных рапортов гг. профессоров видно, что в 3-м отделении некоторые хорошо знают синтаксис: то из таких составить разряд риториков, а когда они со временем окажут довольные успехи в риторике, тогда составить из них разряд пиитов и наконец эстетиков; что через два или через три года окончиться само собою, и в то время можно будет уже таковые 6-ть разрядов соединить с 6-ю классами двух первых трехлетий так, что в последнем трехлетии или в академическом курсе будут студенты упражняться практически в сочинениях на всех

²³⁶ «Гоголевский сборник», стр. 353—354.

²³⁷ Там же, стр. 355.

преподающихся в гимназии языках, проходя философские науки».²³⁸

Со всей возможной тщательностью И. С. Орлай подбирал педагогов и воспитателей, владеющих иностранными языками. Правда, выбор в этом отношении был ограниченным и не всегда удовлетворял всем требованиям, предъявляемым к знаниям и педагогическим способностям претендентов. Нередко директору приходилось прибегать к перемещениям внутри преподавательского коллектива в интересах дела. Орлай распорядился перевести в воспитатели учителя французского языка Амана, назначив на его место профессора французского языка Ландражина. По мнению директора, учитель Аман «... имеет знание французского языка только такое, какое практическим образом приобрел, как природный француз по одному навыку от своих родителей, и к объяснению литературы языка сего в классах по ученой методе и по правилам высшей словесности неспособен...» Аман был переведен в воспитатели с тем, что при исполнении своей должности должен находиться в постоянном общении с учениками, разговаривая с ними только по-французски. Орлай придерживался той точки зрения, что весь обслуживающий персонал гимназии обязан владеть одним из иностранных языков и, находясь в контактах с учениками, способствовать совершенствованию разговорного языка. Назначив вместо Амана Ландражина на должность учителя французского языка, Орлай мотивировал свое решение таким способом: гимназии необходим «... такой наставник, который бы ученым образом основательно знал литературу одного языка и службою своею по сведениям сего предмета в других учебных заведениях был бы многоизвестен: ибо для юношей, методическим образом обучающихся, знание французского равно как и всякого другого языка, приобретенное из одного механического обращения чрез разговоры как весьма недостаточно, так и не может быть, без основательного объяснения правил литературы совершенно успешным».²³⁹ Кандидатура профессора Ландражина отвечала всем критериям.

²³⁸ «Гоголевский сборник», стр. 325.

²³⁹ «Гоголевский сборник», стр. 327.

Получив образование в Париже, он успешно сдал экзамены по французскому языку и литературе в Виленском университете. Кроме того, Ландражин в совершенстве владел русским и латинским языками. Именно эту сторону имел в виду Орлай, когда подчеркивал: его «... основательное познание российского и латинского языков, из коих без первого никто не может быть полезным наставником в России, а без последнего не может хорошо разуметь основания французской словесности».²⁴⁰ Как указали последующие события, назначение профессора Ландражина оправдало возложенные на него надежды.

Не меньшее значение приписывал И. С. Орлай правильной постановке изучения латинского языка. Сам директор превосходно владел латинским языком и прекрасно знал литературу. Общеизвестно, как высоко ценили знания Орлая в области латинского языка его современники. И. Г. Кулжинский называл его «первым латинистом того времени в России». Кулжинский в 1825—1829 годах преподавал в Гимназии высших наук в Нежине латинский язык. Вот что он рассказывал об экзамене по латыни, который ему устроил директор: «Когда явился я к И. С. Орлаю и просил определить меня учителем латинского языка, он, после общего разговора со мною о том — о сем, оставил меня у себя обедать. — Вошедши с ним в столовую, мы уже застали семейство его за столом. Кроме супруги и детей Ивана Семеновича, сидело за столом (3) несколько гимназистов в синих мундирах с черными бархатными воротниками. Мне довелось место возле хозяина, против одного гимназиста, лет 18-ти, черно-волосого, с черными, едва пробившимися усиками. — Когда мы сели, хозяин сперва сказал обо мне несколько слов своей супруге, — при чем я как-то не совсем ловко поклонился, потом указывал на моего *vis-à-vis*, сказал мне: «рекомендую вам этого молодого студента; он учился в Полоцке, у иезуитов, а вот по изгнании иезуитов, приехал к нам оканчивать курс. Иезуиты учили их говорить по-латыни; не угодно ли вам проэкзаменовать за обедом, умеет ли он говорить по-латыни».

²⁴⁰ Там же, стр. 328.

Сколько было во мне крови, вся бросилась в мое лицо. Я понял, что это приготовлен экзамен мне, не моему vis-à-vis . . .

Благодаря месту моего воспитания, ежели я и ничего не знаю, то все-таки умел говорить по-латыни; тогда это не было редкостью. Вот приосанясь, я и начал говорить на бессмертном языке Квиринов, — сперва спросил что-то о Полоцке, о иезуитской коллегии, потом, не помню как, мы заговорили о Горации. Мой товарищ, Любич-Романович, бойко отвечал на все мои вопросы, и говорил свободно, чистым латинским языком. Искусство товарища и мне придало духу; я развязался, как говорится, и благо напали мы на любимого моего поэта, — вот и начали мы разбирать его по косточкам, читать наизусть оду за одою, с указанием красот. Надобно же было случиться так, что Гораций был любимым поэтом и у Орлая.

Не утерпел почтеннейший старик, начал перебивать нашу декламацию и сам декламировал строфы Тибурнского певца . . .»²⁴¹

Принятие на службу И. Г. Кулжинского, несмотря на его отличное знание латыни, не было удачей директора. Кулжинский оказался ограниченным и педантичным человеком и в общем довольно слабым педагогом. Более счастливой оказалась кандидатура С. М. Андрущенко, который начал в гимназии преподавать латинский язык и литературу с большим знанием дела, а, главное, с умением. В. К. Каминский, выпускник Нежинской гимназии, в своих воспоминаниях подчеркивал именно эту сторону педагогического таланта своего учителя, сумевшего студентов научить языку: «Семен Матвеевич преподавал в четырех высших отделениях или курсах латинскую словесность, начиная с синтаксиса и оканчивая переводом и разбором древних классиков. Преподавание его отличалось замечательной точностью и ясностью изложения, переводы — легкостью и приятностью, а разборы классиков, особенно Вергилия — вкусом и верностью взгляда, невольно увлекавшими слушателей и обличившими в нем глубокого знатока римских древностей. Его воспитанники, прослушав два курса, свободно

²⁴¹ «Москвитянин», 1854, №21.

переводили с русского на латинский и обратно и даже составляли целые сочинения на латинском языке».²⁴²

И. С. Орлай не только стремился подобрать для преподавания латыни талантливых педагогов, но и от учеников требовал серьезного отношения к делу. Родители учеников нередко обращались к нему с просьбой освободить их детей от уроков латинского языка.

В Гимназии высших наук князя Безбородко важное место в системе филологических знаний учащихся принадлежало греческому языку и литературе. Введение его в программу связано, прежде всего, с появлением в Нежине и других городах греческих переселенцев. В 1821 г. в Греции вспыхнуло национально-освободительное восстание против турецкого ига под руководством А. Ипсиланти. На юге России появились первые греческие беженцы, часть из которых осела в Одессе, Таганроге, Нежине. В Нежине греки поселились значительно раньше. Еще в 1656 г. они получили от Богдана Хмельницкого право беспошлинной торговли на Украине. Кроме того, нежинские греки имели и другие привилегии, например, право на самоуправление, на создание школ с родным языком обучения.²⁴³ Во время национально-освободительного движения Россия оказывала Греции дипломатическую, а затем и военную помощь. В соответствии с общественными настроениями сочувствия освободительной борьбе греческого народа в различные учебные заведения страны были приняты на государственное содержание дети из греческих семей. В Нежинскую гимназию приняли шестерых: это были Егор Варвати, Степан Гютен, Константин Базили, Егор Ксенис, Иван Папаригопуло и Иван Агало.²⁴⁴

Дети из греческих семей внесли новую свежую струю в жизнь гимназии. Н. Гоголь в одном из писем к родителям советовался, не следует ли ему взяться за изучение греческого языка. Он с большим интере-

²⁴² «Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко», стр. 230.

²⁴³ «Лицей князя Безбородко», СПб., 1859, отдел первый, стр. 7—8.

²⁴⁴ «Известия Историко-филологического института кн. Безбородко», стр. 240.

сом слушал рассказы К. Базили о разрушении Афин, «города вольности и великих дел», о революционных событиях, проникаясь сочувствием к восставшему народу.

Со всей серьезностью относился И. С. Орлай к вопросу подготовки учителей к занятиям. Несомненным условием успешной педагогической деятельности он считал знание преподаваемого предмета, правильный подбор учебного материала и глубоко продуманные методы обучения. В тех случаях, когда у директора возникали сомнения относительно отдельных учителей, он строго контролировал их деятельность. Со всей тщательностью Орлай просматривал программы и конспекты преподаваемых дисциплин. По предложению Орлая на заседании конференции 20 августа 1823 г. обсуждался план преподавания русского языка и литературы профессора Никольского. Орлай выступил со многими критическими замечаниями в адрес профессора, считая, что его план не отвечает «требованиям единообразия» в преподавании языков. Практически он составил этот план заново, имея в виду не только интересы логического и последовательного изучения школьниками родного языка, но иностранных языков в целом. Исходя из общего деления учеников на шесть отделений, или классов, Орлай поставил перед каждым из них совершенно конкретные задачи:

В первом классе ученики изучали «начала языка» (Principia) — чтение и правописание.

Во втором классе — грамматику, точнее словообразование (Etimologia), правописание (Orthografia) и ударение (Prosodia). Теоретическое изучение грамматических правил, по мнению Орлая, должно было закрепляться практическими упражнениями и диктантом.

В третьем классе ученики проходят словосочетание (Syntaxis). При этом правила нельзя было заучивать наизусть, а стараться их понять с тем, чтобы добиться «совершенства в чистописании и правописании».

В четвертом классе ученики занимались риторикой, то есть теорией красноречия, в пятом — поэзией, правилами стихосложения, в шестом — эстетикой.

В программу занятий по языкам и литературе были

включены лучшие произведения мировой и русской классики, в том числе сочинения Демосфена, Цицерона, Платона, Гомера, Горация, Вергилия, Овидия, Петрарки, Мильтона, Буало, Расина, Феофана Прокоповича, Татищева, Карамзина, Ломоносова, Державина, Жуковского и др.

На том же заседании конференции 20 августа 1823 года были обсуждены программы по истории и географии. Сделав целый ряд конкретных замечаний к планам, которые предоставил преподаватель географии Самуиленко, Орлай предложил «математическую географию» излагать учениками по следующему плану: рассказать о положении планеты Земля в солнечной системе, о ее движении вокруг оси и по отношению к Солнцу, о форме Земли, ее величине, земных кругах, оси, точках горизонта, знаках Зодиака. Он подчеркнул, что «... должен быть решен вопрос: движется ли Земля? или стоит неподвижно? должно показать, каким образом она совершает свое движение, привести удовлетворительные доказательства вращательного движения Земли около собственной оси и поступательного около Солнца, открыть какие зависимости явления от каждого из сих движений и наконец иметь в виду правило о сообщении истины другому, что ежели случатся противуположности, потемняющие доказываемую истину, излагать их и опровергать, так однако, чтобы истина через сие сделалась тем яснее и очевиднее».²⁴⁵

Эти замечания И. С. Орлая интересны тем, что, с одной стороны, отражают его материалистическое понимание природы, с другой стороны, требования правильного научного освещения этих вопросов, не считаясь с библейским учением о происхождении Земли. Известно, что в это время Голицын и Магницкий именно библейское учение стремились положить в основу учебного процесса. Они добивались коренной перестройки преподавания в духе «священного писания». Магницкий, подвергший в 1819 г. разгрому Казанский университет, в своей инструкции старался определить содержание каждого предмета в отдель-

²⁴⁵ «Гоголевский сборник», стр. 333.

ности: например, профессор физики «обязан во все продолжение курса своего указывать на премудрость Божию и органиченность чувств и орудий для познания непрестанно окружающих нас чудес», профессор естественной истории должен показать, что «обширное царство природы, как ни представляется оно премудро и в своем целом для нас непостижимо, есть только слабый отпечаток того высшего порядка, к которому после кратковременной жизни мы предопределены». ²⁴⁶

Обе существенно дополненные и исправленные программы по русскому языку и литературе, а также по географии, должны были послужить образцом для составления планов по другим предметам, «... примером для всех... профессоров в составлении конспектов». И. С. Орлай потребовал, чтобы остальные преподаватели гимназии предоставили ему «... на рассмотрение кроме такового содержания конспектов на всю науку вообще, еще и подробный на каждую часть науки, имеющей быть преподаваемой от какого-либо профессора, дабы из него можно было видеть..., нет ли чего излишнего для преподавания воспитанникам? и не опущено ли что нужное? и, дабы таким образом можно было предварительно излишество отклонить, а недостатки пополнить, а через сие будет предохранена память воспитанников от обременения излишним и сохранена их польза неупущением нужного и более существенного». ²⁴⁷

Таким образом, И. С. Орлай к учебно-педагогическому процессу подходил с чувством глубокой ответственности и с большим пониманием существа дела. Он стремился к тому, чтобы школьные предметы отражали достигнутый к тому времени уровень знаний в отдельных отраслях науки, в особенности, если речь шла о физике, математике, географии, естествознании и т. д. Медицинское образование Орлая, его всесторонние познания из области естествознания и постоянный интерес к вопросам их развития учили его воспринимать природу на основе подлинных законов

²⁴⁶ Проф. С. Б. Окунь. Очерки истории СССР. Конец XVIII-первая четверть XIX века. Ленинград, 1956, стр. 298.

²⁴⁷ «Гоголевский сборник», стр. 334.

ее эволюции без мистификации и чудес. И. С. Орлай настаивал на том, чтобы преподаватели задумывались над общей концепцией своего предмета, которая не должна всегда включать весь доступный материал, а только самое главное и существенное. Он призывал совершенствовать дидактические приемы, был против зубрежки, отстаивал принципы последовательности и логики изложения. Согласно убеждениям Орлая, понятия учащихся должны развиваться «постепенными поучительными разъяснениями».

И. С. Орлаю как директору гимназии приходилось решать множество различных вопросов текущего порядка, а также связанных с инспекционными проверками. В 1823 г. в Нежинскую гимназию приехал ее почетный попечитель А. Г. Кушелев-Безбородко. Проведя проверку знаний учеников, он отметил их успехи по математике, истории, литературе и языкам, поставив на вид директору отставание учеников на уроках закона божия. «... В классе закона божия желательно было бы, — отмечал Кушелев-Безбородко, — чтобы сие столько же наблюдалось (речь идет об успехах учеников — Т. Б.), на что и надеюсь вы обратите должное внимание».²⁴⁸ Кроме того, он высказал несколько замечаний, касающихся улучшения учебного процесса, в особенности по отношению к языкам. Остальные его указания затрагивали вопросы хозяйственного управления гимназией.

В 1824 г. А. Г. Кушелев-Безбородко предложил И. С. Орлаю новысить жалованье учителям французского и латинского языков вместе с переводом их из младших в старшие профессора. В этой связи между почетным попечителем и директором произошел довольно острый обмен точками зрения. Орлай энергично возражал против распоряжения Кушелева-Безбородко, мотивируя свой отказ следующими доводами: учителя французского языка, пользующиеся большим спросом в дворянских кругах, имеют возможность и без того хорошо зарабатывать, кроме того жалованье им уже повышалось. Значительно более сложное положение у учителей языка латинского. «На опыте знаю, — писал Орлай, — что латинский язык с одной сто-

²⁴⁸ «Гоголевский сборник», стр. 337.

роны, как мертвый, без хорошего наставника сам по себе непривлекателен, неупотребителен в общежитии, даже пренебрегаем в России, и потому совершенно бездоходен, а с другой стороны, в следствии сей бездоходности, еще с 1812 года сравнен в жалованье по всем гимназиям с жалованьем и преимуществами старших учителей. Будучи же сам по себе мертвым, дал однако происхождение некоторым ныне образовавшимся европейским языкам; заключает он в себе, кроме того, глубокие и для познания весьма важные, равно к преподаванию не менее трудные, древности, а по сему во всех европейских знатнейших учебных заведениях считается коренным ученым языком классическим».²⁴⁹ В итоге И. С. Орлай выступил против того, чтобы уровнять между собой кафедры высших наук и языковые кафедры. В виду особого значения латинского языка был согласен перевести младшего профессора латинского языка в старшие профессора. Предлагал повысить жалованье всем младшим профессорам без исключения. Воспользовавшись случаем, И. С. Орлай ставит перед попечителем вопрос о снижении платы за обучение в гимназии. Он подчеркивает, что плата очень высока и многие мелкопоместные дворяне не в состоянии ее вносить. Он пишет: «Всем известно, что в Малороссии богатых дворян немного, а посему полагать можно, что число вольноприходящих умножится впредь незначительно, а пансионеров будет мало; учением, содержанием и вообще порядком родители все весьма довольны, но на производимую ими плату жалуются по неимуществу своему».²⁵⁰

На заседаниях конференции Гимназии высших наук неоднократно обсуждались вопросы, связанные с поведением, занятиями и успеваемостью учеников. Под руководством директора была разработана целая система поощрительных мер. Журнал заседаний конференции от 28 октября 1822 г. содержит основные постановления, касающиеся организации между учениками соревнования по поведению и успеваемости. В каж-

²⁴⁹ «Известия Историко-филологического института кн. Безбородко», стр. 144.

²⁵⁰ Там же, стр. 190.

дом классе с этой целью заводились две тетради: книга почета (*librum honoris*), книга бесчестия (*librum dedecoris*), в которые вносились имена учеников в зависимости от их успехов и поступков. Ежемесячно учеников рассаживали в классе таким образом, что лучшие сидели на первых партах и были примером остальным. Из числа отличников выбирались ученики, так называемые репетиторы, в обязанность которых входила помощь отстающим при подготовке домашних заданий и повторении пройденного материала.²⁵¹

Преподавателей и учеников гимназии обслуживала школьная библиотека, в фондах которой находилось 4836 томов различных сочинений и 743 подшивки и тома периодических изданий.²⁵² В библиотеке особенно много было книг на французском языке. Особую заботу проявлял директор о пополнении рукописного фонда библиотеки, где среди других рукописей был зафиксирован подарок, лично преподнесенный Орлаем. Речь идет об оде Ф. Красина под названием «Скифский меч, или храбрость россиян в достопамятную Отечественную войну 1812-го года».²⁵³ Для пополнения фондов библиотеки Орлай использовал различные способы. Поскольку сумма, предназначенная для покупки книг, была мала²⁵⁴, и директор был вынужден расходовать ее очень экономно, он собрал на добровольных началах около 900 книг. Он передал школьной библиотеке и многие свои издания, а также книги, посланные в гимназию по его личной просьбе. Например, Н. П. Румянцев послал Орлаю изданную

²⁵¹ «Гоголевский сборник», стр. 331.

²⁵² ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 69, ед. хр. 52, л. 52.

²⁵³ «Описание рукописей библиотеки Историко-филологического института князя Безбородко в г. Нежине». М., 1900, ч. 1, стр. 98—99.

²⁵⁴ В этом отношении характерен следующий пример. На заседании конференции 29 августа 1822 г. был поставлен Орлаем на обсуждение вопрос о покупке коллекции литографированных портретов известных государственных деятелей России. У гимназии не нашлись необходимые средства, и покупка была отложена на будущее. Профессору истории в этой связи было предложено на своих уроках «сравнительным образом описывать юношеству и славнейших мужей из соотечественных современников и обращать внимание оного на сияющие гражданскими добродетелями их деяния». — «Гоголевский сборник», стр. 331.

на свои средства дорогостоящую публикацию «Путешествия в южный океан и Берингов пролив, предпринятого в 1815—1818 гг.»

Исходя из положений устава 1804 г. и общих традиций русской дидактики, И. С. Орлай выступал за реализацию наглядности в учебном процессе. С этой целью он создал в гимназии физический кабинет с 128 приборами и минералогический кабинет, насчитывающий 655 экспонатов.²⁵⁵

И. С. Орлай стоял во главе Гимназии высших наук князя Безбородко в Нежине в течение пяти лет. За это время в ней открылись новые классы. Гимназия получила свой законченный вид как школа с девятилетним сроком обучения. Значительно возросло количество учеников. Если в 1820 г. в гимназии находилось всего 17 учеников, то в 1826 г. в ее стенах обучалось 255 человек.²⁵⁶ Забота, принципиальность и гуманное отношение к учащимся со стороны И. С. Орлая вызывали глубокие симпатии к нему. Один из питомцев гимназии позднее вспоминал: «этот, по видимому, слабый, раздражительный, странный начальник умел снискать любовь к себе детей почти неограниченную. Никто в присутствии его никогда не забывался, но никто и не стеснялся его присутствием. Шалили напропалую, учились еще пуще и наблюдали только за тем, чтобы в шалости тля подлости не залезла. Такое направление получило характер рыцарский, в особенности с открытием 7-го класса. Тогда Иван Семенович останавливал молодежь, если больно шалила, словами: «неловко, господа! ведь вы уже офицеры». И юношество равнялось, укладывалось в благородные формы, лезло, рвалось быть образованным, даже ученым».²⁵⁷

Благодаря усилиям педагогического коллектива и лично И. С. Орлая гимназия добилась положительных результатов при оценке успеваемости учащихся. Согласно показателям за 1825 г. из 255 учеников хорошие отметки получили 155 учеников, посредствен-

²⁵⁵ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 69, ед. хр. 52, л. 56.

²⁵⁶ Там же, лл. 41 (об. ст.).

²⁵⁷ «Известия Историко-филологического института кн. Безбородко», стр. 91.

ные — 55, в числе отстающих оказалось всего 15 учеников.²⁵⁸

В июне 1826 г. состоялся первый торжественный выпуск 11 учеников гимназии, завершивших полный курс обучения и образования. П. Г. Редкин окончил гимназию с золотой медалью, В. И. Любич-Романович и П. А. Баранов — с серебряной.²⁵⁹ В 1828 г. вместе с девятью другими студентами гимназию окончил Н. В. Гоголь-Яновский. Многие из выпускников вступили на дорогу литературной деятельности и стали известными писателями. Н. В. Гоголь вошел в историю русской литературы как непревзойденный художник слова и основатель нового направления критического реализма. Е. П. Гребенка стал поэтом и писателем. На литературную стезю встали В. И. Любич-Романович, Н. В. Кукольник, Н. Я. Прокопович, Н. И. Билевич.

П. Г. Редкину было присвоено звание профессора на кафедре энциклопедии законоведения, в дальнейшем он стал ректором Петербургского университета. П. Г. Редкин прославился как известный педагог, который способствовал развитию русской педагогической мысли. Значительное влияние на его педагогические воззрения оказал И. Г. Песталоцци, которому поклонялся в свое время И. С. Орлай.

В. В. Тарновский вступил на путь государственной деятельности. Он работал в Черниговском и Полтавском комитетах и в редакционной комиссии по освобождению крестьян, являясь убежденным сторонником ликвидации крепостного права, правда, отстаивая реформистский способ решения крестьянского вопроса.

К. М. Базили посвятил свои силы дипломатической деятельности, одновременно выступив в роли автора некоторых исторических и географических исследований.

Нежинская гимназия дала общественной жизни России многих талантливых людей. Первое место среди них по праву принадлежит Н. В. Гоголю.

Нежинский период жизни Н. В. Гоголя был со всей тщательностью изучен исследователями конца XIX

²⁵⁸ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 49, ед. хр. 578, лл. 33—36.

²⁵⁹ Там же, 69, ед. хр. 52, л. 45.

и начала XX веков. Особенно большое внимание ему уделяли советские ученые и прежде всего профессора Д. Иофанов и С. Машинский. Интересно отметить, что профессор Д. Иофанов считал этот период очень важным с точки зрения формирования мировоззрения, общественных и литературных интересов Н. В. Гоголя. Он писал:

«Значение нежинской Гимназии высших наук в жизни и духовном формировании Гоголя так же велико, как значение Царскосельского лицея для Пушкина».²⁶⁰ И что особенно важно, профессор Д. Иофанов это влияние связывал с деятельностью в гимназии И. С. Орлая, с созданной им учебно-педагогической и общественной атмосферой. Он считал, что «дух» гимназии не может быть понят без анализа взглядов и практических мероприятий первых директоров и в особенности И. С. Орлая. Д. Иофанов подчеркивал:

«В условиях самодержавно-крепостнического сословного режима взгляды И. С. Орлая на народное образование были, безусловно, прогрессивными. Демократичность убеждений Орлая сказалась и в управлении им нежинской Гимназией высших наук».²⁶¹

Высоко оценивал вклад И. С. Орлая в развитие Нежинской гимназии профессор С. Машинский: «Это был человек широкой культуры: доктор медицины, магистр словесных наук и философии, автор многочисленных трудов по самым различным областям науки... Будучи директором Нежинской гимназии, Орлай пытался осуществить ряд важных мероприятий по организации учебного процесса. Современники отмечают прогрессивный характер его взглядов, прямоту и смелость, с какой он их отстаивал».²⁶²

Н. В. Гоголь был принят в гимназию 1 мая 1821 г. и провел в ней семь лет. И. С. Орлай хорошо знал его родителей — Василия Афанасьевича Гоголя и Марию Ивановну Гоголь, с которыми находился в дружеских отношениях и поддерживал переписку. И. С. Орлай купил небольшое имение на Полтавщине, по

²⁶⁰ Д. Иофанов. Н. В. Гоголь. Детские и юношеские годы, стр. 266.

²⁶¹ Д. Иофанов. Н. В. Гоголь. Детские и юношеские годы, стр. 271—272.

²⁶² С. Машинский. Гоголь и «дело о вольнодумстве», стр. 41.

соседству с помещьем Гоголей, с которыми он познакомился благодаря посредничеству Д. П. Трощинского.²⁶³ Орлай принимал активное участие в делах Н. Гоголя, следил за его успехами, часто с ним встречался, беседовал на различные темы и даже иногда его лечил. Он старался объективно информировать родителей Н. Гоголя о его успехах и недостатках. В одном из писем И. С. Орлай сообщал: «Милостивый государь, почтеннейший друг Василий Афанасьевич!... Я знаю, сколь много любите вы сына своего, а по сему считаю, во-первых, нужным уведомить вас, что он здоров и хорошо учится... Жаль, что ваш сын иногда ленится, но когда принимается за дело, то и с другими может поравняться, что и доказывают его отличные способности».²⁶⁴

Со своей стороны Н. В. Гоголь в письмах к матери и отцу часто вспоминал Орлая, рассказывая родителям о его делах и планах.²⁶⁵

Мнения некоторых авторов о перемене, наступившей у Н. В. Гоголя по отношению к Орлаю, которого он уважал и ценил в течение многих лет, по крайней мере, недостаточно обоснованы и не отражают действительного положения дел.²⁶⁶ Временное критическое отношение Гоголя к гимназии и ее директору было вызвано большим душевным напряжением последних месяцев перед окончанием школы, желанием как можно быстрее вырваться на свободу. Без сомнения, на настроения Гоголя этого времени оказало влияние начавшееся расследование по «делу о вольнодумстве», в процессе которого в гимназии возникла тягостная атмосфера недоверия и выступили на поверхность самые отвратительные человеческие качества — зависть и мстительность, подозрительность и под-

²⁶³ См. об этом справку В. В. Гиппиус в издании: Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений. Издательство АН СССР. Т. 10, 1940, стр. 390.

²⁶⁴ Д. Иофанов. Н. В. Гоголь. Детские и юношеские годы, стр. 273.

²⁶⁵ Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений. Т. 10, стр. 36—79.

²⁶⁶ В. И. Шенрок. Материалы для биографии Гоголя, т. 1, стр. 132—133.

лость, в чем наиболее преуспели Билевич, Иеропес, Волинский и Никольский.²⁶⁷

Годы жизни в Нежинской гимназии и постоянные контакты с ее директором не прошли для Н. В. Гоголя даром. Как отмечал профессор Д. Иофанов, в течение семи лет пока Гоголь находился в гимназии во главе ее «... стояли прогрессивные педагоги — профессора И. С. Орлай, К. В. Шапалинский, Н. Г. Белоусов. Это обстоятельство в значительной мере способствовало тому, что в гимназии господствовал прогрессивно-демократический дух, несмотря на происки отдельных реакционных преподавателей — М. В. Билевича, П. И. Никольского, протоиерея Волинского и других...

В этой благоприятной обстановке формировалось мировоззрение молодого Гоголя, складывались его общественно-политические и литературные интересы, были написаны первые его ученические произведения...

К моменту окончания нежинской Гимназии высших наук у девятнадцатилетнего Гоголя не только сформировались основные черты его прогрессивного мировоззрения, но и наметились некоторые особенности его будущего сатирического обличительного стиля, критического отношения к действительности, особенности его реализма и романтизма».²⁶⁸

Вместе с тем можно высказать предположение, что глубокий и постоянный интерес И. С. Орлая к исто-

²⁶⁷ Близким другом Н. В. Гоголя по гимназии был Г. И. Высоцкий. Будучи на два курса впереди от Гоголя, он окончил гимназию в 1826 г. и уехал в Петербург. В письме к Высоцкому из Нежина, датированным 26 июня 1827 г. Гоголь дает нелестную характеристику гимназии, в которой учился: «Никогда еще экзамен для меня не был так несносен, как теперь. Я совершенно весь истомлен, чуть движусь... Как чувствительно приближение выпуска, а с ним и благодетельной свободы!... Как тяжело быть зарыту вместе с созданными низкой неизвестности в безмолвие мертвое! Ты знаешь всех наших существователей, всех, населивших Нежин. Они задавили корою своей земности, ничтожного самодовольствия высокое назначение человека. И между этими существователями я должен пресмыкаться...» См.: П. А. Кулиш. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя. В двух томах. С.-Петербург, 1856, стр. 46.

²⁶⁸ Д. Иофанов. Н. В. Гоголь. Детские и юношеские годы, стр. 359—361.

рическокому прошлому так называемой Карпатской Руси и Украины оказал определенное влияние на Гоголя и его дальнейшее творчество.²⁶⁹

Гимназия высших наук в Нежине принадлежала к числу известных учебных заведений в России. Важную роль в ее развитии сыграл И. С. Орлай. Профессор С. Машинский отмечал: «Орлаю прежде всего Нежинская «гимназия высших наук» обязана своей репутацией серьезного учебного заведения. Он изгонял из наук, преподаваемых здесь, казенщину и схоластику, старался воспитать в профессорах и преподавателях живое, творческое отношение к своим обязанностям».²⁷⁰ Под его руководством значительно возрос авторитет гимназии, что нашло свое выражение в непрерывном росте числа учащихся. Для И. С. Орлая Нежинская гимназия означала целый этап в его жизни, несмотря на то, что он возглавлял ее всего пять лет. За этот короткий срок он многого добился, а, главное, сделал попытку реализовать некоторые из своих идей и замыслов. Не все удалось ему в равной мере. Возникли трудности, связанные с непониманием существа преобразований со стороны части преподавателей. И. С. Орлай решает покинуть Нежин и переезжает в Одессу. Тем не менее Нежинская гимназия оставила свой след в истории русской школы. Она воспитала плеяду замечательных деятелей в области культуры и просвещения. Многие из них сохранили о гимназии самые теплые воспоминания. На всю жизнь осталась у Н. В. Гоголя память о своем любимом учителе Н. Г. Белоусове. Именно его черты

²⁶⁹ Это предложение высказал украинский советский исследователь П. В. Линтур в работе «Влияние русской литературы на творчество закарпатских писателей» («Наукові записки Ужгородського державного університету», 1956, т. 20, стр. 140). На той же точке зрения стоят О. В. Хланта, К. И. Паранич и Ю. И. Фенинец, отмечая: «І. Орлай був другом сім'ї видатного російського письменника М. В. Гоголя, його вихователем. Вважають, що М. В. Гоголь саме від Орлая довідався про Карпатську Русь і вперше в російській літературі заговорив про неї». См.: «Історія міст і сіл УРСР. Закарпатська область», стр. 700.

По мнению известного чехословацкого историка литературы доцента С. В. Добоша, наиболее яркое выражение этот интерес Гоголя проявился в «Страшной мести» (главы 12, 14 и 15).

²⁷⁰ С. Машинский. Гоголь и «дело о вольнодумстве», стр. 42—43.

Н. В. Гоголь позднее воплотил в образе Тентетникова в первой главе второго тома «Мертвых душ».

В. И. Любич-Романович посвятил гимназии свои стихи:

Тебе, святилище наук,
Питомец вдохновенья юный,
В златые ударяя струны,
Свой первый посвящает звук!
Так солнца первыми лучами
Колосс Мемнонов озарен
Звучал — и звук его веками
Переходя из уст племен,
Давно погасших, в поколенья —
Казалось шлет благодаренья
Светилу, коим освещен
Был этот царь степей — Мемнон.²⁷¹

Нежинская гимназия не оказалась в стороне от общественно-исторических событий своего времени и самым решительным образом реагировала на усиление политического гнета николаевской реакции. В стенах гимназии произошло острое столкновение прогрессивных и демократических идеалов с рутинерством, консерватизмом, невежеством, получившее свое выражение в «деле о вольнодумстве».

3. И. С. Орлай и «дело о вольнодумстве».

В первой четверти XIX в. в России наблюдается подъем массового движения, направленного против самодержавно-крепостнических порядков. Крестьянские волнения в Полтавской губернии, на Дону и во многих других местах²⁷², борьба фабричных рабочих, восстания в военных поселениях и армии и прежде всего Чугуевское восстание и восстание солдат Семеновского полка создали почву для нарастания широко-

²⁷¹ Е. Петухов Гимназия высших наук князя Безбородко в Нежине, (ЖМНПр, СССР), стр. 125—126.

Мемнон — в греческой мифологии эфиопский король, могучий победитель Ахиллеса.

²⁷² В первой четверти XIX в. в России произошло 281 крестьянское выступление. См.: Проф. С. Б. Окунь. Очерки истории СССР. Конец XVIII — первая четверть XIX века, стр. 311.

го общественного протеста, нашедшего свое наиболее яркое воплощение в восстании декабристов. Недовольство и брожение затронуло передовых представителей дворянского сословия, которое в условиях нарастающего революционно-освободительного движения, выступило носителем лозунгов борьбы с царизмом. Настроения протеста находили различные формы своего проявления от тайных революционных кружков до открытой вооруженной борьбы. К их числу можно отнести и политические процессы против «вольнодумства». Более умеренная часть дворянского сословия включилась в деятельность масонских организаций.

Масонство²⁷³ представляло собой одну из форм общественной организации, первоначально свободной от опеки и контроля правительства. Неопределенность его платформы и идеалов позволила масонству распространиться в различных социальных слоях, начиная с кругов реакционно-настроенного дворянства и кончая представителями разночинской интеллигенции. Масонство в своем развитии в России прошло несколькими этапами. Первый период, относящийся к 1730—1770-ым годам, был связан с возникновением масонских организаций²⁷⁴, которые представляли собой определенное проявление оппозиционности части дворянства. Во второй период своего существования,

²⁷³ Название масон произошло от французского слова *franc maçon*, что в дословном переводе означает — вольный каменщик, позаимствовав ритуальные обряды, символику и утварь от средневековых цехов каменщиков-строителей, масоны стремились к созданию религиозного братского союза, объединяющего человечество. Возникнув в Англии в начале XVIII в, масонские организации распространились по многим странам Европы и Америки.

²⁷⁴ Достоверные данные указывают на то, что первая масонская ложа в России возникла в 1731 г. А. Н. Пыпин, известный исследователь масонства буржуазного толка, отмечал:

«Общий исторический смысл этого движения состоит в том, что оно было одним из первых проявлений общественной инициативы, или самодеятельности... Общество начало выходить из того патриархального периода, где оно совершенно подчинялось государству, где безраздельное господство последнего держалось средневековой патриархальностью понятий, общих и самой власти и всем классам нации» См.: «Русское масонство XVIII и первая четверть XIX в». П., 1916, стр. 5.

в 1773—1794 годах, масонские организации под влиянием идеологии просветителей и Крестьянской войны под руководством Е. Пугачева обнаружили свою двойственную сущность. С одной стороны, они выступили против философии и социологии просветителей, с другой стороны, встали в оппозицию к правительственной и общественной реакции. Третий период в истории масонства был связан с общественным движением, имевшим место в России в начале XIX в. Рационалистическая направленность раннего масонства с его деизмом, морализмом, негативным отношением к церковным обрядам и гуманностью постепенно сменилось тягой к ритуалистике, мистицизму и алхимии. Утопические идеалы перестройки общества на справедливых началах с помощью просвещения и нравственного самоочищения уступили место открытому примирению с реально существующей крепостнической действительностью. В своей основе масонство не создавало угрозу самодержавию, тем более что во главе его очень часто стояли люди, преданные престолу, воинствующие мистики и обскуранты.

И. С. Орлай принял участие в деятельности масонских организаций в начале XIX в.

Гонения, начатые против масонства Екатериной II, сменились временной его легализацией. Самодержавие стремилось подчинить своему контролю все формы общественной организации, опасаясь в особенности возникновения тайных обществ и кружков. В 1810 году было разрешено открывать масонские ложи при условии информировать правительственные органы об их составе и характере деятельности.²⁷⁵ К этому времени в разных городах России существовали такие ложи, как «Палестина», «Соединенные друзья», «Петр», «Елизавета», «К истине», «К добродетели», «Пламенеющая звезда», «Три добродетели», «Три коронованных меча», «Дубовая долина», «Ищущие манны» и др. В 1805 г. была основана масонская ложа «Пеликан», которая в скором времени распалась на три самостоятельные части. Заново объединенная под руководством директорской ложи «Владимир», она получила

²⁷⁵ А. Н. Пыпин. Русское масонство XVIII и первая четверть XIX в., стр 380—381.

в дальнейшем название «Александра». В 1809 г. в ложу «Александра» вступил И. С. Орлай. Всего в состав этой ложи входило 114 человек, среди них находились М. М. Сперанский, А. М. Кутузов, П. Д. Лодий, В. Г. Кукольник, А. И. Фесслер и др.²⁷⁶

Трудно со всей полнотой восстановить мотивы и характер деятельности И. С. Орлая в масонской организации. Но все же два архивных документа позволяют определенным образом приоткрыть его роль в масонском движении. Первый документ, в литературе неизвестный, относится к 18 марта 1812 г. и адресован С. С. Ланскому: «Высокопочтенный, брат, первый надзиратель, исправляющий должность великого мастера! Отдаленность жительства моего, бесперывные занятия и стесненные домашние обстоятельства уже давно лишают меня удовольствия заниматься братскими делами, и как сии обстоятельства не переменятся, и я не предвижу и впредь перемены в оных, то принужденным нахожусь закрыть... (далее следует масонский знак Орлая — Т. Б.). Прошу почтеннейше принять уверение о той братской любви, с которою я имею честь пребывать к Вам высокопочтенный и ко всему братству. Ваш высокопочтенный брат, покорнейший брат и слуга Иван Орлай».²⁷⁷

Второй документ представляет собой официальную расписку о непринадлежности к тайным организациям, которую требовали правительственные учреждения от всех служащих, в том числе и от И. С. Орлая. На расписке была поставлена дата — 28 июня 1826 г. «Я, нижеподписавшийся, объявляю, что короткое время принадлежал в 1810 году в С.-Петербурге к ложе масонов, именовавшейся (сколько могу помнить) «Александра», в которую я вступил было единственно из любопытства, но в том же году, декабря месяца, по учинении присяги на вечное подданство России я скоро отстал от нее... Цель при вступлении в вышеозначенную ложу мне сделалась известной только та, которая мне тогда объявлена была, то есть упражнение в добродетели, человеколюбии, благотворительность неиму-

²⁷⁶ А. Н. Пыпин. Русское масонство XVIII и первая четверть XIX в., стр. 396.

²⁷⁷ Отдел рукописей Государственной ордена Ленина библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ф. 147, ед. хр. 1965—1966.

щим раздачею денег, и вообще исполнение христианских и гражданских добродетелей». ²⁷⁸

Анализ фактографической стороны дела показывает, что И. С. Орлай, будучи последовательным сторонником просветительской идеологии, считал нужным присоединиться к деятельности масонов, сторонников мирных способов разрешения конфликта между богатством и бедностью на принципах всеобщего братства, религии, гуманности и филантропии. Вместе с тем следует отметить, что не только Орлай, но и другие видные представители просвещения в России, например, Н. И. Новиков, стремились использовать масонские общества для расширения общественной деятельности на поле просвещения. Наконец, не следует упускать из виду и то обстоятельство, что земляки Орлая, переселившиеся на постоянное жительство в Россию из Австрии, были членами масонских лож. Среди них можно назвать имена В. Г. Кукольника, П. Д. Лодия, Ф. Добши, А. И. Фесслера. Особенно активное участие в масонском движении принимал А. И. Фесслер, стремясь стать во главе его и внедрить собственную систему, названную «берлинской». Он составил для М. М. Сперанского проект объединения всех масонских лож в Петербурге. ²⁷⁹ Орлай был хорошо знаком с Фесслером и поддерживал с ним связи.

С масонскими обществами поддерживали отношения П. И. Пестель, С. И. Муравьев-Апостол, М. С. Лунин, Н. И. Тургенев, В. К. Кюхельбекер, К. Ф. Рылеев, М. Ф. Орлов, Ф. Н. Глинка и другие. Одна пятая часть членов тайных организаций декабристов состояла в масонских обществах или имела с ними контакты. ²⁸⁰

Связи раннего декабризма с масонскими организациями советские исследователи объясняют различными причинами. Среди многих факторов, повлиявших на установление этих контактов, называются такие, как общность интересов к тайной организации и к засекречиванию подлинных целей своей деятельности.

²⁷⁸ «Гоголевский сборник», стр. 348. Этот документ был опубликован также Д. Иофановым в книге «Н. В. Гоголь. Детские и юношеские годы», стр. 135.

²⁷⁹ А. Н. Пыпин. Русское масонство XVIII и первая четверть XIX в., стр. 390—395.

²⁸⁰ В. И. Семевский. Декабристы-масоны. — «Минувшие годы», 1908, №5—6, стр. 379.

Кроме того, высказывалось мнение, что это могла быть и попытка склонить на свою сторону некоторых масонов. В данной связи обращает на себя внимание одно обстоятельство. С. С. Ланской, с которым Орлай был связан по масонской линии, принадлежал не только к видным масонам, но и был членом декабристского «Союза благоденствия», из которого впоследствии выступил.

В письме к С. С. Ланскому Орлай свою пассивность в ложе объясняет, между прочим, большой перегруженностью в работе. Известно, что во время Отечественной войны 1812 г он служил в Генеральном сухопутном госпитале, переполненном ранеными. Вместе с обязанностями ученого секретаря Медико-хирургической академии, заботами о большой семье и материальными затруднениями у него оставалось немного времени для занятий на поле масонской благотворительности. И тем не менее Орлай в течение определенного времени не порывал своих отношений с масонами и, пока это от него зависело, пытался их скрыть. Его расписка о непринадлежности к ложам относится к 1826 г., несмотря на то, что распоряжение об их закрытии царское правительство опубликовало в 1822 году. Вероятно, атмосфера подозрительности и террора, опасения оказаться в числе преследуемых вынудили его некоторое время умалчивать о своей причастности к масонскому движению. В дальнейшем он сохранил симпатии и удерживал отношения с бывшими участниками масонских организаций.

Напуганное подъемом революционного движения на Западе и волной крестьянских выступлений на своей территории, правительство Александра I поспешило запретить деятельность всех тайных организаций, в том числе масонских обществ.

В рескрипте министру внутренних дел В. П. Кочубею от 1 августа 1822 г. было подчеркнуто: «Беспорядки и соблазны, возникшие в других государствах от существования разных тайных обществ, из коих оные под наименованием лож масонских, первоначально цель благотворения имевших, другие занимаясь сокровенно предметами политическими впоследствии обратились ко вреду спокойствия государства, и принудили в некоторых сии тайные общества запретить».

Обращая всегда бдительное внимание, дабы твердая преграда была полагаема всему, что ко вреду государства послужить может и в особенности в такое время, когда к несчастью от умствований ныне существующих, проистекает столь печальное в других краях последствие . . .»²⁸¹

В рескрипте говорилось о запрещении всех тайных обществ и о необходимости потребовать от каждого, находящегося на государственной службе, под угрозой немедленного увольнения расписки о непринадлежности к тайным организациям, какой бы характер они не имели. На этом основании Министерство духовных дел и народного просвещения вместе с остальными министерствами разработали образцы расписок с учетом, что они будут храниться в соответствующих министерствах и на их основании будут составлены списки членов тайных обществ.²⁸²

Однако царский рескрипт не мог создать барьер на пути критики передовыми представителями дворянского сословия самодержавных порядков. Никто не привел никаких данных о своей принадлежности к запрещенным законом организациям. Одновременно число тайных кружков, обществ, союзов продолжало расти, а самые передовые из них Северное и Южное общества декабристов приступили к подготовке планов вооруженного восстания. Восстание декабристов на Сенатской площади и восстание Черниговского полка на Украине было жестоко подавлено. За свое открытое выступление против царизма и крепостничества декабристы заплатили катаргой и ссылкой, а пятеро из них — смертью. Расправой над декабристами началось тридцатилетнее правление Николая I. Под сильным воздействием событий 14 декабря еще во время, когда Верховный уголовный суд по делу декабристов продолжал свою деятельность, правительство Николая I приступило к разработке мероприятий, целью которых было помешать дальнейшему расширению революционных замыслов и настроений. Речь шла об усовершенствовании полицейского аппарата государства, создании Второго и Третьего отделений

²⁸¹ ЦГИАЛ, ф. 735, оп. 1, ед. хр. 36, л. 4.

²⁸² Там же, л. 3.

собственной его величества канцелярии, о введении нового цензурного устава и новых мероприятиях в области образования.

В 1826 г. было создано Третье отделение, которое занималось вопросами цензуры и статистики, осуществляло тайный надзор за политически неблагонадежными лицами и отвечало за места тюремного заключения. Начальником этого главного органа полицейского сыска стал А. Х. Бенкендорф, один из последовательных проводников реакционной внутренней политики Николая I. Почти одновременно с Третьим отделением возник корпус жандармов. Государство разделили на пять жандармских округов во главе с генералами. Глава Третьего отделения совмещал свою должность с должностью шефа жандармов.

Ярким проявлением усиления полицейского произвола явилось утверждение нового цензурного устава 1826 г. Он был составлен в рекордно короткий срок. 230 его параграфов строго регламентировали и контролировали всю литературно-публицистическую и научную продукцию страны.

14 мая 1826 г. был создан Комитет устройства учебных заведений, взявший под контроль дело народного образования. В результате появился новый устав для низших и средних учебных заведений от 8 декабря 1828 г. Воспользовавшись образным выражением советского профессора С. Б. Окуня, знатока истории России второй четверти XIX в., можно подвести итоги реакционному курсу самодержавия этого времени: «Цензурный комитет «наступал» на мысль, жандармы — на горло, а III отделение и на мысль и на горло одновременно».²⁸³

После расправы над декабристами царское правительство издало новое распоряжение — рескрипт от 21 апреля 1826 г., который потребовал от всех служащих и неслужащих дворян, а также от чиновников, вышедших в отставку, новые обязательства. В специальном отношении министр внутренних дел потребовал от служащих Министерства народного просвещения расписки. В отношении уточнялось: «При требовании

²⁸³ С. Б. Окунь. Очерки истории СССР. Вторая четверть XIX в. Ленинград, 1957, стр. 103.

сих обязательств объявить всем, что не только члены тайных обществ, принятые в оные в учрежденных ложах, думах, управх и проч. по обязательствам через клятву или честное слово и посещавшие общества, или знавшие о них, но и все без изъятия те, кои сделались соучастниками оных тайных обществ без всяких форм, клятв и обязательств, через разговоры при встрече вне ложи, дум, управ, обязаны объяснить о том, при даче подписок чистосердечно со всей откровенностью, и что сокрытие того, после сего означенного мною снисхождения, подвергнет их строжайшему наказанию, как государственных преступников».²⁸⁴

Угроза попасть в число обвиняемых в религиозном или политическом вольномыслии принудила И. С. Орлая 28 июня 1826 г. выдать расписку и сообщить о своей принадлежности к масонской ложе «Александра». В ней он органичился лишь общей констатацией факта участия, не распространяясь о характере своей деятельности и связях, как это требовал указ Николая I. Орлай стремился подчеркнуть свою непричастность к масонским организациям, хотя некоторые источники указывают, что он принадлежал к основателям петербургского фармасонства.²⁸⁵

К симптомам нарастающего общественного подъема относились знаменитые «дела о вольнодумстве», имевшие место в ряде высших учебных заведений России. В 1816 г. возникло «дело о вольнодумстве» в стенах Харьковского университета, которое оказалось связанным с лекциями профессора И. Е. Шада и его ученика А. И. Дудровича. В 1819 г. — в Казанском университете. Из университета уволили в виду их «неблагонадежности» одиннадцать профессоров. Казанский университет стараниями Магницкого был объявлен рассадником вольнодумства, подлежащим «публичному уничтожению». В 1821 г. начался процесс против профессоров Петербургского университета К. Ф. Германа, Э. Раупаха, А. И. Галича, К. И. Арсеньева, М. Г. Плисова, а также против М. А. Балудянского и П. Д. Лодия, привлеченных к расследованию и названных

²⁸⁴ ЦГИАЛ, ф. 735, оп. 1, ед. хр. 36, лл. 11—12.

²⁸⁵ Tardy Lajos. Dr. Orlay János, стр. 54.

«бунтовщиками, возмутителями, зажигателями, государственными изменниками».²⁸⁶ В 1823 г. вспыхнули волнения в Виленском университете.

Основным моментом для обвинения группы преподавателей в свободомыслии и рационализме послужило недовольство правительственных кругов постановкой преподавания в высших учебных заведениях доктрины «естественного права».

Теория естественного права получила распространение в XVII-начале XIX веков. Под ее знаменем буржуазия вела борьбу против феодализма. Эта теория исходила из положения о существовании независимо от государства права и таких норм, которые отвечали бы природе, «естеству» человека и справедливости. Человек обладает правами, данными природой: правом на жизнь, на свободу, на собственность, на сопротивление угнетению и т. д. Все они находятся выше тех прав, что были созданы людьми в процессе их общественной деятельности. Противоречие естественных законов и законов государства должно быть преодолено в пользу создания отношений, отвечающих природе человека. Такими отношениями в понимании идеологов теории естественного права могли быть только капиталистические отношения.²⁸⁷

В зависимости от конкретных исторических условий теория естественного права истолковывалась различным способом. В России ее использовали как для обоснования абсолютизма (Ю. Крижанич, Ф. Прокопович), так и для защиты буржуазных и демократических идей (Я. П. Козельский, А. Н. Радищев, А. Н. Куницын, декабристы).

Теория естественного права как самостоятельная дисциплина в высших учебных заведениях России вводится в начале XIX в. Впервые на русской почве по-

²⁸⁶ «Дело о Санкт-Петербургском университете в 1821 году». — См.: «Чтения императорского Общества истории и древностей российских», 1866., Кн. 3, стр. 61—164.

²⁸⁷ Вопросы буржуазной теории естественного права были разработаны в сочинениях Г. Гроция, Д. Мильтона, Д. Локка, Ф. М. Вольтера, Ш. Монтескье, П. Гольбаха, Ж. Ж. Руссо, Г. Мабли и др. Основываясь на идее рационализма, эти теории в зависимости от политических концепций их мыслителей приобретали различную интерпретацию.

ложения о «естественном состоянии», «естественном праве», «общественном договоре» были развиты в лекционных курсах профессоров В. Г. Кукольника, П. Д. Лодия и М. А. Балудянского.

По инициативе И. С. Орлая преподавание теории естественного права было включено в программу старших классов Гимназии высших наук в Нежине. Это решение нашло свое отражение в журнале конференции, где было записано, что преподавание естественного права в гимназии началось «по определению конференции и по предложению бывшего директора Орлая».²⁸⁸

В августе 1823 г., когда начались учебные занятия, лекции по естественному праву стал читать старший профессор политических наук М. В. Билевич. Он пользовался в качестве учебного пособия книгой Ф. А. Цейлера «Естественное частное право».²⁸⁹

12 декабря 1823 г. Орлай по предложению Билевича обратился к попечителю Харьковского учебного округа с просьбой разъяснить, произведения какого автора можно считать за официальное руководство для преподавания естественного права. Орлай хорошо осознавал трудности, связанные с введением естественного права в программу гимназии. Он читал инструкцию Главного правления училищ, в которой говорилось: «... допускать в преподавании только те книги о нравственной философии и умозрительном законодательстве, которые не отделяют нравственности от веры; книги же, учащие мнимой добродетели без всякого указания на единственный ее источник, а равно и теории о естественном праве, о первобытном состоянии, в котором человек уподоблялся животным, должны быть отвергнуты».²⁹⁰

²⁸⁸ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 69, ед. хр. 54, лл. 1—2.

²⁸⁹ Лекции по естественному праву в то время читались на основании выше утвержденных официальных учебников. Это были сочинения австрийского правоведа профессора Венского университета Карла Антонина Мартини «De lege naturali positiones» (Вена, двумя изданиями в 1767 и 1772 годах и его ученика Франца Алоиза Цейлера »Das natürliche Privatrecht« (Вена, 1802 г.). Сочинение Цейлера было в 1809 г. переведено на русский язык профессором П. Д. Лодием.

²⁹⁰ «Журнал департамента народного просвещения», 1821, №2, стр. 187—206.

Не прошли мимо его внимания и такие события, как запрещение книги И. Е. Шада »Institutiones juris naturae«, сочинений А. П. Куницына «Право естественное», Ф. И. Янковича «Книга о должностях гражданина и человека», А. С. Лубкина «Начертание метафизики», П. Д. Лодия «Логические наставления к познанию и различию истинного от ложного», И. И. Давыдова «Опыт руководства к истории философии». Кроме того, события в Казанском и Петербургском университетах, а также нашумевшее в 1821—1823 годах дело профессора Казанского университета Г. И. Солнцева, обвиненного в преподавании естественного права на «разрушительных началах»²⁹¹, заставляли Орлая быть предусмотрительным и осторожным.

Борьба с преподаванием в университетах и некоторых гимназиях теории естественного права была начата попечителем Казанского учебного округа реакционером и мракобесом Магницким. В своем представлении от 27 августа 1820 г. он «просил разрешения на отмену разрушительной науки права естественно-го».²⁹²

В 1823 г. вспыхнули волнения в Виленском университете, осложнившие и без того тяжелые условия преподавания естественного права. Комиссия, которая велла расследование, установила существование восьми тайных обществ как в стенах университета, так и за его пределами, в учебных заведениях Виленского округа — в Свислочской и Белостокской гимназиях, а также в Несвижском полку и местечке Крожи.²⁹² Под влиянием этих событий Магницкий вновь активизирует свою деятельность и составляет новую записку от 14 июня 1823 г., в которой излагает меры с целью, «как поставить предел преподаванию наук философских, политических и исторических в вредном смысле, без потрясения, без огласки, . . . без шума бесполезного».²⁹⁴

С целью обуздания «учения философского» Магницкий предлагал осуществить ряд мер временного и по-

²⁹¹ ЦГИАЛ, ф. 735, оп. 10, ед. хр. 16, л. 2.

²⁹² Там же.

²⁹³ «Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР», стр. 423.

²⁹⁴ ЦГИАЛ, ф. 735, оп. 10, ед. хр. 16, лл. 55—62.

стоянно действующего характера. Среди них обращает на себя внимание требование об увольнении со службы всех «вольнодумствующих» преподавателей. Он предлагал доставить в министерство конспекты лекций всех политических дисциплин с указанием использованной литературы. При министерстве просвещения должен быть создан специальный комитет, следящий «за духом публичного воспитания».

События, разыгравшиеся в Виленском университете, послужили поводом к пересмотру учебных планов гимназий. 14 августа 1824 г. преподавание теории естественного права было запрещено. В постановлении отмечалось: «право естественное и науки политические исключить из числа предметов, преподаваемых в гимназиях, а вместо того умножить число уроков для преподавания языков латинского, греческого и русского».²⁹⁵ Дошло к сокращению часов по риторике и поэзии. Учителя не имели право задавать ученикам темы сочинений по собственному выбору, а университетское правление было обязано составить общие для всех списки тем. Еще раньше из учебных планов были исключены такие дисциплины, как начальный курс философии и изящных наук, начальные основания политической экономии и наук, имеющих отношение к торговле и технологии.²⁹⁶

В этой сложной обстановке политической реакции и заведения репрессивных мер И. С. Орлай обращается с официальным запросом к Е. В. Карнееву. В ответ он получает выписку из журнала ученого комитета Харьковского университета от 14 июня 1824 г., которая предписывала курс естественного права преподавать по книге К. А. Мартини «Положение о законе естественном».²⁹⁷ Тем дело и окончилось. Орлай положил, как говорится, выписку под сукно, а в библиотеке гимназии не нашлось ни одного экземпляра этого сочинения.²⁹⁸

²⁹⁵ «Записки, издаваемые от департамента народного просвещения», 1825., Кн. 1, стр. 23—24.

²⁹⁶ «Циркулярное предложение о предметах преподавания в гимназиях, уездных и приходских училищах». — См.: «Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения». Т. 1, стр. 385—389.

²⁹⁷ ЦГИАЛ, ф. 734, оп. 1, ед. хр. 283, л. 2.

²⁹⁸ Там же, ф. 733, оп. ед. хр. 54, л. 17.

26 августа 1824 г. в Харьковский учебный округ был получен циркуляр, касающийся организации учебной части. Для усиления контроля над студентами в университетах и гимназиях вдвое увеличивалось количество смотрителей и вводилась должность главного инспектора. Вступили в силу новые правила надзора за студентами: «правила сии налагают на имеющих надзор, обязанность сохранять и утверждать в молодых людях страх божий . . .»²⁹⁹ В распоряжение городских полицейских органов должны были быть сданы списки студентов с точным указанием адресов. Заводилась форменная одежда, что облегчало наблюдение за студентами. Без письменного разрешения воспитателей они не могли посещать театр, совершать прогулки по городу и т. д. Правила особо подчеркивали, чтобы студенты «ни в какие тайные связи и общества не входили» и чтобы «книг противных христианской вере и существующим ситемам правительства . . . не читали и у себя не имели».³⁰⁰

Несмотря на введение строгих правил контроля над студентами, в обстановке усиливающихся репрессий И. С. Орлай начал мужественную борьбу за право преподавания в Нежинской гимназии теории естественного права.

27 сентября 1824 г. в связи с официальными распоряжениями чтение курса естественного права в гимназии было временно приостановлено. В ноябре месяце того же года Орлай обратился к попечителю Харьковского учебного округа с просьбой разрешить дальнейшее преподавание курса естественного права в виду того, что Нежинская гимназия находится на особом положении и занимает промежуточное место между обычными гимназиями и университетом. Запрещение этого предмета в губернских гимназиях по данной причине не может касаться Гимназии высших наук. Материалы поступили на рассмотрение министра народного просвещения. В них было отмечено, что директор Гимназии высших наук И. С. Орлай «вследствие объявленного ему предписания . . . по случаю происшедших беспорядков в Виленском универ-

²⁹⁹ Там же, ед. хр. 30, лл. 3—4.

³⁰⁰ Там же.

ситете... велел приостановить преподавание политических наук и естественного права. Но как по симу уставу гимназии, науки сии назначены к преподаванию в оной, при том же Гимназия высших наук князя Безбородко состоит на особенных правах и постановлениях, нежели губернские гимназии и занимает непосредственное место после российских университетов, а между тем из упомянутого предписания не видно, чтобы сии науки исключены были из числа предметов в университетах, да и неизвестно, какие именно учебные предметы входят в круг наук политических, то директор и испрашивает разрешения, следует ли в Гимназии высших наук князя Безбородко исключить из числа учебных предметов естественное право и политические науки и какие предметы должно разуметь под именем политических наук». ³⁰¹

В обстановке нарастающего общественного протеста против существующих порядков И. С. Орлай добился возобновления преподавания естественного права в гимназии в августе 1825 г. ³⁰² К этому времени относится начало конфликта, ставшего основой «дела о вольнодумстве» в Нежинской гимназии. События, связанные с этим делом, имели место в гимназии в течение 1821—1827 годов. Расследование их относится к более позднему времени, к 1827—1830 годам. Таким образом, материалы «дела о вольнодумстве» накапливались продолжительное время и относились к периоду как кануна восстания декабристов, так и времени после расправы над ним, что особенно важно с точки зрения анализа форм общественного протеста в условиях установившегося жестокого политического террора.

Разгром движения декабристов вызвал временную политическую апатию, коснувшуюся различных общественных слоев, однако голоса протеста не умолкли. Советский исследователь истории общественно-политической мысли в России И. А. Федосов полагает, что общественное движение против самодержавия и крепостничества приняло новые, правда, более скромные формы, но не прекратилось. К формам об-

³⁰¹ ЦГИАЛ, ф. 734, оп. 1, ед. хр. 359, л. 1.

³⁰² ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 69, ед. хр. 54, л. 1.

ществленного протеста относились распространение нелегальных революционных произведений и прокламаций, пропаганда прогрессивных идей с трибуны университетских кафедр, возникновение тайных антиправительственных кружков просветительской ориентации. К числу подобных кружков, деятельность которых развернулась после подавления восстания декабристов, относится кружок под названием «Литературные собрания, или вечера», возникший в 1825—1826 годах в городе Новочеркасске. Его членами были преимущественно военные, среди них несколько врачей — Бушман, Ланг, Билев, Савченков, Рученков, Божковский.³⁰³ В эти годы в Новочеркасске по делам службы часто бывал И. С. Орлай. В конце 1825 г. он приезжал туда для инспекции Новочеркасской гимназии Войска донского.³⁰⁴

Центральные университеты страны, оказавшиеся под строгим полицейским надзором, уступили свое место в общественной борьбе на некоторое время провинциальным учебным заведениям. В учебных заведениях типа Нежинской гимназии создавались благоприятные условия для возникновения прогрессивных идей. Нежинская гимназия становится местом событий общественного звучания.

«Дело о вольнодумстве», которое в ней возникло, было тесно связано с преподаванием в гимназии теории естественного права. Первоначально лекции по естественному праву читал старший профессор политических наук М. В. Билевич. В 1825—1826 годах эти лекции вместе с римским гражданским правом, согласно распоряжению директора, были переданы младшему профессору политических наук Н. Г. Белоусову. М. В. Билевич продолжал вести часы по российскому гражданскому и уголовному праву. Возник конфликт личного порядка, переросший в события, которые разделили преподавателей гимназии на два противоположных лагеря.

С профессором Белоусовым, человеком прогрессив-

³⁰³ И. А. Федосов. Революционные кружки в России конца 20-х начала 30-ых годов XIX в. — См.: «Исторические записки». Издательство Академии наук СССР. 1957, т. 59, стр. 219—221.

³⁰⁴ ЦГИАЛ, ф. 734, оп. 1, ед. хр. 516, лл. 543—586.

ных взглядов и ясно выраженного педагогического таланта, Орлай связывал планы дальнейшего развития гимназии. С большим упорством добивался он перевода Белоусова из Киевской гимназии в Нежин. В качестве посредника он воспользовался услугами старшего преподавателя и инспектора К. А. Мойсеева, некогда бывшего коллегой Белоусова. По поручению Орлая Мойсеев послал в Киев профессору Белоусову приглашение переехать к ним в гимназию.³⁰⁵ Вслед за тем Орлай обратился к Белоусову лично, предлагая ему место младшего профессора политических наук и обещая «... употребить все зависящее от меня, чтобы вам доставить другие выгоды».³⁰⁶ Одновременно Орлай послал попечителю Харьковского учебного округа ходатайство о переводе Белоусова в Нежин, мотивируя это тем, что гимназия испытывает, по-прежнему, недостаток в зрелых педагогах. Поскольку Нежинская гимназия играет важную роль в подготовке образованных кадров для государственной службы, необходимо еще более «усилить, усовершенствовать преподавание наук».³⁰⁷ 14 августа Н. Г. Белоусов, получив новое назначение, принял должность преподавателя и школьного инспектора.³⁰⁸ Очень скоро взгляды и дея-

³⁰⁵ К. А. Мойсеев послал Н. Г. Белоусову в связи с его предполагаемым переездом в Нежин четыре письма: 15, 22, 29 ноября и 25 декабря 1823 г. В одном из них, уговаривая Белоусова как можно быстрее подать прошение, писал: «Подавайте, подавайте, я и Орлай ждем одного непременно, никогда раскаиваться в этом не будете... Все, что вы уже здесь прочитали, все это сообразно и сходно с мыслями Орлая, который дал мне поручение писать Вам вместо себя. Три дня, как я об этом говорил с ним ежедневно. Подавайте, ожидаем...» В другом своем письме Мойсеев с нетерпением спрашивал: «...сегодня же меня будет спрашивать Орлай, что я от вас имею? Что я ему скажу? Правда, я найду, что сказать и вымышленное сделаю действительным...» — См.: ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 69, ед. хр. 54, лл. 231 (об. ст.) — 232.

³⁰⁶ Там же, л. 219 (об. ст.).

³⁰⁷ Там же, оп. 94, ед. хр. 38, л. 1 (об. ст.).

³⁰⁸ В рапорте от 2 июля 1827 г. Н. Г. Белоусов писал: «... бывший директор Орлай многократными убеждениями принудил меня принять на себя должность инспектора... Я долго отказывался, ибо видел сколько труда, беспокойств и неприятностей должно было переносить при столь развращенном состоянии пансиона, в каком он тогда находился. Но когда сей почтенный своими заслугами в нашем отечестве муж, начал меня

тельность Н. Г. Белоусова в гимназии возбудили к нему интерес и симпатии части преподавателей и учеников. По мере роста его авторитета все более усиливалось отрицательное отношение к нему со стороны М. В. Билевича. Профессор Билевич был земляком Орлая и, вероятно, это обстоятельство заставляло директора сносить непомерно большие его амбиции и неприятные черты характера, тем более, что Билевич как преподаватель не отличался ни широкой эрудиции, ни глубиной знаний.³⁰⁹ Получив высшее образование в Австрии, М. В. Билевич приехал в Россию где-то около 1806 г. и поступил учителем философии и латинского языка в Новгородсеверскую гимназию. Летом 1821 г. благодаря усилиям И. С. Орлая он переехал в Нежин, получив место профессора немецкой словесности, что вполне отвечало его возможностям.³¹⁰ Однако М. В. Билевич претендовал на лучшее положение, добиваясь кафедры политических наук. Но для этого нужен был диплом одного из российских университетов. М. В. Билевич сдал экзамены за этико-

почти со слезами убеждать, представляя и гибель юношества, и обманутую надежду родителей, и пагубу, угрожающую целому заведению, присовокупляя, что на меня только он единственно полагает надежду, что я все могу исправить: тогда я уже решился принять на себя тяжкое бремя...» — См.: ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 94, ед. хр. 38, л. 188 (об. ст.).

³⁰⁹ В официальных документах Билевич указывал, что родился в Австрии, на Буковине, в селении Мамаестив. Его брат служил учителем в Сучаве. Вся семья, якобы, принадлежала к венгерскому дворянству. — См.: ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 94, ед. хр. 11, л. 3.

Архивные материалы содержат аттестаты и свидетельства Билевича об окончании различных учебных заведений, которые очень выразительно свидетельствуют о посредственном характере его знаний. Свидетельство об окончании им Пресбургской (Братиславской) академии содержит следующие оценки: по физике — из общего числа 100 учеников он стоял «после 20 превосходных между 51», по сельскому хозяйству — «после 22 превосходных между 59» и т. д. Поэтому Орлай в различных деловых бумагах никогда не вспоминает о его эрудиции и знаниях, а только отмечает его неплохие организаторские способности. — См.: ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 94, ед. хр. 11, л. 3. Как полную противоположность Билевичу, Орлай особо выделял «отличные познания» Белоусова, который окончил полный курс Харьковского университета с отметками по всем предметам только на хорошо и отлично. — См.: ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 94, ед. хр. 38, лл. 2—3.

³¹⁰ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 94, ед. хр. 11.

политический факультет Харьковского университета. В виду того, что политические науки начали читать в старших классах гимназии, а учить было некому, М. В. Билевич был утвержден в январе 1824 г. в звании профессора политических наук.³¹¹ Новый профессор не пользовался авторитетом среди учеников, его опасались и не любили. Неудовлетворенные амбиции и тщеславие в связи с передачей курса естественного права Н. Г. Белоусову еще более обострили отношения в коллективе. Столкновение между Билевичем и Белоусовым привело к поляризации сил и вызвало разделение преподавателей на две непримиримые группировки. Около Н. Г. Белоусова, которого поддерживал И. С. Орлай, сплотилась демократически настроенная часть преподавателей в лице К. В. Шапалинского, И. Я. Ландражина, Ф. И. Зингера, С. М. Андрущенко, Н. Ф. Соловьева. Профессор Билевич объединил наиболее реакционную группу учителей, таких как П. И. Никольский, Х. Н. Иеропес, К. А. Мойсеев, став рупором их интриг.

Воспользовавшись отъездом И. С. Орлая в отпуск в Москву летом 1826 г., М. В. Билевич, временно исполняющий обязанности директора, начал борьбу. Он вызвал на допрос учеников и стал от них требовать конспекты лекций, которые читал по естественному праву профессор Белоусов. За Белоусовым была установлена слежка, ему было предписано служебным путем предоставить на рассмотрение конференции свои лекции и подавать ежемесячные отчеты о пройденном учебном материале. Все с большей завистью следя за растущим влиянием Белоусова, Билевич решил организовать серию столкновений. Поводом к одному из них послужила деятельность школьного театра и ссора Билевича с Гоголем. Известно, что «главным врагом Гоголя был проф. Билевич, частью по отношениям своим к проф. Белоусову, который был расположен к Гоголю, а частью по личным мотивам. Но и Билевич не мог выискать у Гоголя других поступков и только преследовал его постоянными обвинениями в «дерзости», которую, при желании, можно усмотреть в чем угодно: если не в действиях, то в сло-

³¹¹ Там же, ед. хр. 25, лл. 13—17.

вах, если не в словах, то в тоне или мимике. Об этой дерзости Гоголя Билевич делает отметки и месячных ведомостях и подает отдельные рапорты, из которых особенно знаменит рапорт от 2 октября 1827 г. . . . , вызвавший расследование на конференции . . . Но и в этом случае . . . ожесточение Билевича против Гоголя дошло до крайней степени . . . »³¹²

Вслед за этим конфликтом последовали новые. Повод к ним дали экзамены по государственному хозяйству в июне 1826 г. и по естественному праву в июне следующего года. Вот что произошло на экзамене по государственному хозяйству, согласно показаниям Билевича:

«В прошлом 1826 году в июне месяце на публичном экзамене учеников из государственного хозяйства при бывшем директоре Орлае и при многих других чиновниках и учениках сей гимназии, младший профессор Белоусов нанес мне тяжкую обиду тем, что на сем экзамене, делая ученикам разные вопросы по таким системам, какие вовсе не должны были входить в предмет преподавания науки государственного хозяйства, сказал при всех чиновниках и учениках, тогда присутствовавших, следующие слова: «. . . я вижу ни ученики, ни профессор ничего не знают».³¹³ При этом самолюбие Билевича более всего затронуло то, что Орлай, не взяв его под свою защиту, 24 июля, через месяц после экзаменов, уехал в Москву, так и не дав ход делу.

Новый конфликт между Билевичем и Белоусовым произошел через год на экзамене по естественному праву. Недовольный ответами учеников, Белоусов, взяв тетрадь у гимназиста Бородина, начал комментировать записи лекций Билевича и «. . . изъяснять оные к обиде моей в превратном смысле, называя оные глупыми и бестолковыми, как то сие сказал он о праве на честь и о разделении прав на права и обязанности к богу, к самому себе и к другим людям, утверждая по всей системе, что права на честь, а так-

³¹² «Гоголевский сборник», стр. 310—311.

³¹³ Д. Иофанов. Н. В. Гоголь. Детские и юношеские годы, стр. 402.

же и права в отношении к богу, мы не можем иметь никакого, каковое действие его, Белоусова, хотя и было для меня весьма обидно и для юношества соблазнительно . . .»³¹⁴

В результате из-под пера Билевича выходит несколько доносов на профессора Белоусова: так называемые рапорты от 29 января, 7 мая, 18 июля, 2 октября и 9 декабря 1827 г.³¹⁵ Донос от 7 мая 1827 г положил начало «делу*о вольнодумстве». В нем впервые был поставлен вопрос о «вольнодумстве» учащихся. На уроке в 8 классе при повторении пройденного материала М. В. Билевичу не понравились ответы учеников, «. . . заметил я у них при ответах и чинимых ими мне запросах некоторые заблуждения, обнаружившие их вольнодумство, которое основывали они на правилах преподаваемого им естественного права . . .»³¹⁶

Подозрение в антиправительственных настроениях коснулось учеников Н. Гоголя, Н. Кукольника, В. Любич-Романовича, И. Кобеяцкого, П. Баранова, А. Данилевского, П. Мартоса. Но обвинение прежде всего затронуло не учеников, а их учителей, в первую очередь Н. Г. Белоусова. Ему поставили в вину пропаганду идей о несправедливости общества, основанного на деспотизме, с помощью лекций по естественному праву. Н. Г. Белоусов, как показали факты, в процессе подготовки к занятиям не считался с существованием официально предписанных пособий и излагал свои мысли свободно и открыто. По свидетельству Билевича, профессор Белоусов читал лекции «. . . с самого начала и в первом курсе по собственным своим запискам, в которых заключаются многие заблуждения для неопытного юношества весьма вредные . . .»³¹⁷

Во время следствия Н. Г. Белоусову был задан вопрос, почему он не читал свои лекции по пособию К. А. Мартини. Анализ полученного ответа вскрывает очень любопытные факты. Дело в том, что, оказывается, сочинение К. А. Мартини не соответствовало его представлениям о преподаваемом предмете. «Не так удобно нахожу его для преподавания . . .», — от-

³¹⁴ Там же, стр. 403—404.

³¹⁵ Там же, стр. 402—405.

³¹⁶ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 69, ед. хр. 60 (д), л. 4 (об. ст.).

³¹⁷ Там же, ед. хр 54 л. 4.

мечал Н. Г. Белоусов. Он обратился с просьбой к И. С. Орлаю разрешить ему пользоваться книжкой Т. Шмальца: я «...просил позволить преподавать естественное право по тому автору, по которому преподавалось оно в Киевской гимназии, т. е. по Шмальцу». Орлай книгу просмотрел и дал свое согласие.³¹⁸ Речь шла о сочинении профессора Берлинского университета Теодора Шмальца «Право естественное». Под этим заглавием на русский язык было переведено, но в сокращенной форме его обширное произведение «Руководство по философии права». Перевод был осуществлен с латинского языка Петром³ Сергеевым и в 1820 г. опубликован в Петербурге. Перевод посвящался ректору Петербургского университета профессору политических наук и доктору прав М. А. Балудянскому. В материалах допроса сохранились документы, в которых Белоусов старался доказать, что книжка Т. Шмальца представляет собой официальное пособие, заслуживающее внимание. При этом ссылался на имя и авторитет М. А. Балудянского, которому книга была посвящена. Однако положение профессора Балудянского с точки зрения властей не было безупречным. Он оказался замешанным в «дело о вольнодумстве» в Петербургском университете и позднее его имя было внесено в список людей, причастных к движению декабристов. Все это вместе взятое не могло помочь Белоусову, хотя он в своем рапорте от 16 декабря 1827 года писал: «Небольшое творение автора, взятого мною за руководство под названием *Jus naturae*, переведено в С.-Петербурге ныне публичным ординарным профессором одного из российских университетов и посвящено тому, коего заслуги по учебной части в России для нас [драго] ценны, коего сведения употреблены были при воспитании... монарха нашего, удивля[я] мудростью и правосудием весь образован-

³¹⁸ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 69, ед. хр. 54, л. 17.

Важно отметить, что у первых исследователей «дела о вольнодумстве» сложилось впечатление, что профессор Белоусов старался скрыть имя автора, по сочинению которого он составил свой курс. Этой точки зрения придерживались С. Машинский и Д. Иофанов. С. Машинский писал о «таинственном авторе», имя которого ему все же удалось установить. Д. Иофанов о Шмальце не знал.

ный мир, и сей перевод, как говорит общее мнение между учеными, предпринят по поручению того, кому оный посвящен. Следовательно я имел надежного автора . . .»³¹⁹

Ситуацию осложняло то, что профессор Шмальц не принадлежал к ортодоксальному направлению в области теории естественного права. С. Машинский отмечал, что «добросовестно изучая основные просветительские идеи в области естественного права, автор этой книги при всей умеренности своих политических взглядов нередко вступал в явное противоречие с официальными догмами феодально-крепостнической идеологии. Белоусов же в своих лекциях еще более усиливал эту сторону книжки Шмальца и, таким образом, некоторые ее формулировки приобретали более отчетливое политическое звучание».³²⁰

Н. Г. Белоусов в тех местах, где ему источником служила книга Т. Шмальца, исходя из общепринятых формулировок, старался заострить их политическое звучание. Например, уже самой постановкой вопроса о неприкосновенности личности («ненарушимость лица») и ее правах бросал вызов феодально-крепостническим порядкам в России, где царизм только что со всей жестокостью расправился с участниками движения декабристов, поправ все человеческие права.

Вместе с тем разбор лекций профессора Белоусова по естественному праву не следует ограничивать анализом их содержания с точки зрения влияния Т. Шмальца. В своей основе он опирался на широкий круг первоисточников и на новейшую литературу по вопросам естественного права. Хотя его взгляды не оформились в самостоятельную и оригинальную концепцию, Н. Г. Белоусову все же удалось развить некоторые положения независимо от официальных догм. Н. Г. Белоусов высказал по тем временам крамольную мысль, что «никто в государстве не должен самовластием управляться», выступил против войны как средства разрешать споры «силою опружия» и т. д.

³¹⁹ Д. Иофанов, Н. В. Гоголь. Детские и юношеские годы, стр. 385. Ни Д. Иофанов, ни С. Машинский не обратили внимание на тот факт, что имя Шмальца Н. Г. Белоусов все же назвал. Это случилось на допросе 15 августа 1830 г.

³²⁰ С. Машинский. Гоголь и «дело о вольнодумстве», стр. 136.

В 1816 г. вышел из печати конспект лекций московского профессора Льва Цветаева «Первые начала права естественного», составленный на основе пособий, одним из которых было также сочинение Т. Шмальца. Сопоставляя оба курса лекций, обнаруживается, диаметрально противоположное отношение к одному и тому же источнику. Умеренно-прогрессивная концепция Т. Шмальца была дополнена и обогащена, ее сильные стороны были особенно акцентированы Н. Г. Белоусовым. Наоборот Л. Цветаев выхолостил и отбросил самые положительные моменты этой концепции.

В этом отношении показателен разбор лекций Н. Г. Белоусова, точнее некоторых их положений, сделанный протоиереем Павлом Волынским 20 июля 1827 года.

Положения Н. Г. Белоусова:

Комментарии П. Волынского:

§ 3

«Предмет права есть то, чем человек посредством сего права исключительно располагать может».

«Такое положение для неопытных умов юношеских небезопасно».

§4

«... Предмет врожденных прав может быть только в самом человеке».

§7

«Человек имеет право на свое лицо, то есть он имеет право быть так, как природа образовала его душу и тело и потому достоинство разумной природы в чувственном мире составляет ненарушимость лица».

«... Отрицать здесь можно всякое повиновение закону...»

§20

«Некоторые писатели, не сделав себе точного понятия о первоначальном праве, иногда почтили оным то, что не только первоначального, но даже и простого права составить не может, таким образом, в числе первоначальных прав поставляли право на справедливость слов другого, на доброе имя и прочее».

§25

«Все врожденные права находятся для всех людей в безусловном равенстве».

§48

«Всякий обидчик имеет юридические обязанности к вознаграждению».

«И обиженный сам определяет меру вознаграждения».

§49

«Кто отказывается от вознаграждения, тот теряет свою неприкосновенность, составляющую, как выше сказано, достоинство разумной природы в чувственном мире».³²¹

... Сие прямо противно [священному] писанию и учению церкви ...»

«... Слишком вольное положение ...»

«... Всякое право должно проистекать из нравственного божеского закона ...»

«... Сие последнее ... ведет к неблагomyслию ...»

³²¹ «Разбор лекций проф. Н. Г. Белоусова протоиереем Павлом Волынским — См.: Д. Иофанов. Н. В. Гоголь. Детские и юношеские годы, стр. 365—369.

Э. Б. Адеркас,³²² который прибыл в Нежин для расследования дела, и Д. Е. Ясновский пришли к заключению, что профессор Белоусов не ограничился теоретическим изложением главных положений естественного права. Допросы учеников подтвердили подозрение, что свои выводы он конкретизировал на условия России, открыто излагая свои политические убеждения. Он доказывал необходимость насильственного низвержения государственной власти. Многие ученики гимназии, среди них Н. Григоров, В. Марков, Я. Бороздин, И. Сушко, А. Божко, Егор и Николай Котляревские, Н. Гоголь хорошо знали его взгляды. Н. Котляревский, например, подтвердил, что Н. Г. Белоусов «... при лекции естественного права, говоря о верховной власти, обратился к ученикам и спросил: «Если представитель народа — государь подл и во зло употребляет вверенную ему от народа власть, то что с ним должно сделать?» И когда ученики молчали, то профессор сказал, что можно такого государя низвергнуть, убить».³²³

В заключении по «делу о вольнодумстве», которое вышло из-под пера вновь назначенного директора Нежинской гимназии Д. Е. Ясновского, вся вина за распространение «вольнолюбивых» настроений возлагалась на профессора Н. Г. Белоусова.

«Из всего дела и прилагаемых к оному бумаг явствует: 1-е, что профессор Белоусов, для того учебного курса, в котором учение его, по предмету права естественного, подвергалось сомнению, а потом и разысканию, вовсе не подал конспекта, также не предоставлял он в надлежащее время исполняющему должность директора профессору Билевичу (с 1 августа по 28 октября 1826 года) установленных месячных ведомостей о успехах и поведении пансионеров, несмотря на требование исправляющего должность директора профессора Билевича.

2-е, что профессор Белоусов читал естественное

³²² Э. Б. Адеркас был членом Главного правления училищ. 5 февраля 1830 г. он получил от министра народного просвещения К. А. Ливена задание расследовать «беспорядки» в Нежинской гимназии.

³²³ Д. Иофанов. Н. В. Гоголь. Детские и юношеские годы, стр. 407.

право не по книге Демартини, назначенной для гимназии главным учебным начальством, но по своим запискам, а из какого автора оные извлечены не объявил.

3-е, что пагубные мнения, содержащиеся в ученических тетрадях о праве естественном, составлены из его собственных слов, или классных лекций.

4-е, подчиненные профессору Белоусову пансионеры научены говорить явную неправду.

5-е, что профессор Белоусов в рапортах своих, в конференцию поданных, непристойными выражениями оскорблял заслуженных мужей: бывшего законоучителя протоиерея Волынского и профессора Билевича.

Посему директор Ясновский и заключет, что профессора Белоусова поступки и действия противны законам его должности и что исправляющий должность директора профессор Шапалинский, как видно из дела, отступал оному от законного порядка и не исполнял своих обязанностей. Ландражин и Зингер действовали с ним в полном согласии».³²⁴

Непосредственным результатом преподавания естественного права явилось расширение среди учащихся свободолобивых идей и запрещенной литературы. Надзиратель Н. Н. Масленников в секретном донесении сообщал о том, «... что во время директорства покойного Орлая некоторые пансионцы говорили, что в России будет перемена хуже французской революции, и что те же пансионцы пели нелепые песни».³²⁵ Поскольку эти показания относились к ноябрю 1825 году, то есть речь шла о событиях в гимназии этого времени, можно считать, что они в определенной степени отразили демократические настроения накануне восстания декабристов.

В материалах обследования Гимназии высших наук находится много интересных документов, подтверждающих эти настроения. Среди них обращают на себя внимание следующие документы: «Дело о расследова-

³²⁴ Д. Иофанов. Н. В. Гоголь. Детские и юношеские годы, стр. 418.

³²⁵ ЦГИАЛ, ф. 735, оп. 1, ед. хр. 311, л. 8; ф. 733, оп. 66 д. хр. 59.

нии распространения среди учеников вольнолюбивых стихотворений, в том числе А. С. Пушкина и К. Ф. Рылеева и слухов о близкой революции», «Дело по обвинению профессора И. Я. Ландражина в распространении среди учеников книг Вольтера, Гельвеция, Монтескье и др.», «Дело о расследовании слухов о критических высказываниях Ф. Й. Зингера о «мощах» и другие. Из донесения № 69 «О нелепых разговорах и песнях воспитанников и о найденных у них неприличных сочинениях» известно, что ученики Г. Высоцкий, В. Любич-Романович, И. Кобеляцкий и П. Баранов обменивались мнениями о том, что «... у нас скоро будет перемена хуже, чем во Франции, и что все полетит кверху дном». В то же самое время Н. Прокопович, А. Данилевский и П. Мартос распевали песню следующего содержания: «О боже, коль ты еси, всех царей с грязью меси, Мишу, Машу, Колю, Сашу на кол посади».³²⁶ В песне шла речь о представителях царствующего дома императоре Александре I и его братьях Михаиле и Николае. Песня представляла собой один из вариантов пародии, написанной Н. Е. Жуковским на царский гимн.³²⁷ Случившееся дошло до директора гимназии И. С. Орлая, который приказал наказать учеников «черным столом». На очной ставке Н. Н. Масленникова и К. А. Мойсеева выяснилось, что карцером на два часа был наказан Кобеляцкий, а Высоцкий — «черным столом» на один день. Но Э. Б. Адеркас и этому не поверил, не доверяя Орлаю и, не без оснований, считая, что осуществление наказания вообще не состоялось, что оно было недостаточно строгим и что сам эпизод беспрецедентного характера был директором скрыт.

Большой интерес гимназисты проявляли к передо-

³²⁶ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 66, ед. хр. 52, л. 103.

³²⁷ А. И. Герцен и Н. П. Огарев в сборнике «Свободные русские песни», вышедшем в 1863 г., опубликовали несколько видоизмененный вариант этой пародии.

Боже! коль благ еси,
Всех царей в грязь меси,
Кинь под престол!
Сашеньку, Машеньку
Мишеньку, Костеньку
И Николашеньку
Ж..... на кол.

вой русской и зарубежной литературе. «Профессора в своих ведомостях об успехах учеников, — писал И. А. Сребницкий, — часто отмечают чтение учениками на лекциях посторонних книг; проф. Никольский даже в одном из своих отчетов называет конфискованные у учеников книги . . . ; чины инспекции гимназической также не раз жалуются на то, что ученики пользуются книгами, иногда даже запрещенными, со стороны, и поэтому по поводу гимназического начальство делало распоряжение о строжайшем надзоре за учениками в этом отношении. Но какие были те «посторонние книги», чтение которых запрещалось ученикам — архив не дает нам указаний. Время от времени из министерства присылалось начальству гимназии секретное предписание, чтобы к ученикам не проникала та или другая запрещенная книга. В таких случаях начальством обыкновенно производился внезапный обыск у учеников, но в результате являлось донесение, что запрещенных книг у учеников не оказалось».³²⁸

Так думал И. А. Сребницкий. На самом деле в архивных материалах сохранился список этих книг, или один из списков, по которому можно хотя бы частично составить представление о литературе, пользующейся в гимназии популярностью. Имеется в виду реестр книг и рукописей, которые обнаружил у учеников профессор Белоусов и который долго и тщательно скрывал. О его существовании узнали случайно в связи с передачей дел новому директору. Обширный список состоял из 39 названий ученических сочинений, 19 рукописей, 6 журналов и некоторых сочинений, запрещенных царской цензурой. Обращает на себя внимание тот факт, что в список вошли произведения А. С. Пушкина «Разбойники», «Кавказский пленник» и «Бахчисарайский фонтан». У ученика Е. Гребенки была найдена копия пушкинской оды «Вольность», известной в рукописных списках под названием «Ода на свободу». Е. Гребенка дал ее переписать Скороходову, уверяя, что случайно обнаружил ее между страницами присланного родителями словаря.

В список было включено «Горе от ума» А. С. Грибоедова и стихотворения К. Ф. Рыльева. Среди ры-

³²⁸ «Гоголевский сборник», стр. 311—312.

леевских произведений особой популярностью пользовалась «Исповедь Наливайки» из неоконченной поэмы «Наливайко», посвященной историческому прошлому Украины и борьбе украинского народа против польского гнета. В «Исповеди Наливайки» содержится открытый призыв к борьбе против самодержавия.

Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа, —
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?³²⁹

Ученики гимназии были знакомы и с другим неоконченным произведением К. Ф. Рылеева, его романтической поэмой байроновского духа «Войнаровский». Поэма начиналась посвящением декабристу А. А. Бестужеву. Написанная на сюжет из украинской истории, она тесно соприкасалась с актуальными вопросами современности и призывала к борьбе с царским деспотизмом. Обращаясь к А. А. Бестужеву как к самому принципиальному судье его творчества, К. Ф. Рылеев писал:

Как Аполлонов строгий сын,
Ты не увидишь в них искусства,
Зато найдешь живые чувства,
Я не Поэт, а Гражданин.³³⁰

Поклонником поэтического творчества К. Ф. Рылеева оказался ученик Нежинской гимназии Андрей Божко. Из материалов архива черниговского и киевского губернаторов, содержащего документы о распространении стихов К. Ф. Рылеева студентом Харьковского университета Петром Балабуха, видно, что А. Божко поддерживал с ним контакты, хотя на следствии все отрицал.³³¹

«Дело о вольнодумстве» в Нежинской гимназии касалось формирования у части преподавателей и находящихся под их влиянием учеников передовых демократических убеждений. В условиях жестокой полити-

³²⁹ К. Рылеев. Стихотворения. Библиотека поэта. Малая серия. Второе издание. №57, стр. 247.

³³⁰ К. Рылеев. Стихотворения, стр. 176.

³³¹ С. Машинский. Гоголь и «дело о вольнодумстве», стр. 173.

ческой реакции в стенах гимназии не угас интерес к самым актуальным вопросам современности, к правам и обязанностям человека. Рассадником идей, заставляющих мыслить, сопоставлять, анализировать, стали лекции профессора Белоусова по естественному праву. Они занесли в душу учеников зерна сомнения о справедливости существующих порядков, они воспитывали в духе критического отношения к действительности. Не без содействия лучших преподавателей гимназии в руки учеников попадали вольнолюбивые стихи Пушкина и Рылеева, произведения Грибоедова с их неприкрытой антиправительственной и антикрепостнической направленностью. Осталось неизвестным, какие произведения Вольтера, Монтескье, Гельвеция привлекли внимание учителей и учеников гимназии, однако сам интерес к выдающимся представителям французского Просвещения XVIII в. с их проповедью ненависти к абсолютистско-феодальному режиму и церкви, с их верой в могучую силу просветительных идей говорит о многом.

Исследователи, занимавшиеся изучением событий в Гимназии высших наук, пытались установить их подлинные причины, интерпретируя «дело о вольнодумстве» с классовых позиций. Буржуазные ученые, такие как Н. А. Лавровский, И. А. Сребницкий, Е. Петухов, В. И. Шенрок, В. И. Савва, стремились смягчить политическую остроту дела, а иногда вообще отрицали его существование. Якобы никакого «дела о вольнодумстве» не было, произошла лишь ссора между двумя группами преподавателей на почве служебных недоразумений. События, получившие такой резонанс, по их мнению, в дальнейшем были преувеличены. И. В. Савва, например, отмечал: «дело о вольнодумстве профессоров Гимназии высших наук не представляет... достаточных данных для суждения, насколько были верны все обвинения, к каждому из профессоров предъявленные. Можно думать, что дело это было сильно раздуто».³³²

Н. А. Лавровский подчеркивал, что «дело о вольнодумстве» в Нежинской гимназии было «совершенно

³³² «Сборник Харьковского историко-филологического общества». Т. XVIII, Харьков, 1908, стр. 18.

однородно с известными историями в С.-Петербургском и Харьковском университетах», но вслед за тем добавляет, что все же в определенной степени было вымышленным: «Дело началось . . . с легких обвинений Белоусова в небрежном отношении к обязанностям инспектора, породившем бесчинства и распущенность пансионеров; но когда эти обвинения, без важных последствий для обвиняемого, истожились, а страсти воспламенялись, обвинители обратились к более благородному и горючему материалу — к обвинению в вольнодумстве . . .»³³³ Для Н. А. Лавровского события в гимназии были всего навсего «пресловутой историей о вольнодумстве».³³⁴

Таким образом, события подлинного политического звучания выдавались буржуазными исследователями за «беспорядки» и «смуту», приводились в качестве примера «распущенности», «порочности», «отсутствия разумного руководства и надлежащего нравственного влияния».³³⁵

Анализируя причины, которые привели к возникновению дела о вольнодумстве в Нежинской гимназии, большая часть вышеупомянутых ученых склонялась

³³³ «Известия Историко-филологического института кн. Безбородко», стр. 196.

³³⁴ Н. А. Лавровский и его оценка событий в этом отношении были особенно характерны. Он писал, развивая свою точку зрения: «Интриги, враждебные отношения между преподавателями, вследствие личных столкновений, разделение на партийные явления обычное в высших учебных заведениях провинциальных городов, объясняемое прежде всего однообразием и ограниченностью круга деятельности, сосредоточением интересов в этом тесном круге без достаточно сильного отвлечения их в сторону. От скопления интересов в тесном пространстве легко сообщается личный характер делу общего характера, причем так же легко возбуждаются страсти, приводящие часто к положениям, неожиданным для самих действующих лиц. В Нежине, как малом городе, явление это еще понятнее. И должно отдать полную справедливость такту Орлая, его умению обобщать интересы и направить их к пользе заведения: в его почти пятилетнее управление гимназией это оказывается почти незаметным. Оно выдвигается на первый план вслед за его увольнением, и когда явился новый директор, Ясновский, страсти были уже воспламенены до того, что их нельзя было потушить обычными домашними средствами». — См.: «Известия Историко-филологического института кн. Безбородко», стр. 195

³³⁵ В. И. Шенрок. Материалы для биографии Гоголя, т. 1, стр. 132 (сноска).

к тому, что главным источником всех недоразумений являлись вольноприходящие ученики.³³⁶ Несвязанные дисциплиной и регламентом интернатских порядков, они поддерживали контакты со многими людьми вне стен гимназии. Правда, В. И. Шенрок считал, что главная причина заключалась не в них, а «в недостаточном умении Орлая вести дело».³³⁷ Такой же точки зрения придерживался И. А. Сребницкий: «Увлеченный распорядительной, бумажной, так сказать, деятельностью Орлая и его личными симпатичными чертами, как они рисуются в изображении некоторых его учеников, особенно Кукольника, Н. А. Лавровский не обратил внимания на факты, относящиеся еще ко времени Орлая и показывающие, что та распущенность нежинских гимназистов, которая так обнаружилась вслед за уходом Орлая из Нежина, несомненно существовала и в его время».³³⁸ Из всего сказанного видно, что для буржуазных исследователей являлось характерным свести существо «дела о волнодумстве» к вопросам нарушения школьной дисциплины и служебным распрям, обвиняя во всем И. С. Орлая.

Материалы следствия, собранные Э. Б. Адеркасом, содержат подробную характеристику социального состава учащихся Нежинской гимназии. Что касается категории вольноприходящих учеников, то количественный ее рост был связан с мероприятиями, проведенными И. С. Орлаем. В начальный период существования гимназии, когда во главе ее стоял В. Г. Кукольник, состав учащихся формировался только за счет дворянского сословия. И. С. Орлай открыл двери гимназии для детей из различных социальных слоев общества. Он проявлял постоянную заботу об увеличении этого контингента учащихся. В 1821 г., когда Орлай принял должность директора, в гимназии находилось 57 школьников, в том числе 44 с интернатским содержанием и 13, не имеющих права на интернат. К концу его деятельности в 1826 г. из общего числа 255 учащихся 67 составляли пансионеры, а 188 —

³³⁶ О вольноприходящих учениках см. стр. 96.

³³⁷ В. И. Шенрок. Материалы для биографии Гоголя, т. 1, стр. 133 (сноска).

³³⁸ «Гоголевский сборник», стр. 307.

вольноприходящие.³³⁹ Анализ приведенных данных неоспоримо свидетельствует о том, что во время, когда директором Нежинской гимназии был Орлай, с одной стороны, наблюдается рост вольноприходящих учеников, с другой же стороны, происходит изменение соотношения обеих категорий учащихся в пользу вольноприходящих. Вместе с тем наблюдается хотя и незначительное, но расширение социального состава самих вольноприходящих учеников. Большинство их, как правило, составляли дети купцов, мещан, казаков, но также и разночинцев. В 1822—1826 годах в гимназии находился 31 ученик разночинского происхождения.³⁴⁰ Однако, не было бы правильным видеть в существовании вольноприходящих учеников единственный источник вольнолюбивых настроений учащихся. Без сомнения, эта категория способствовала ликвидации привилегированного характера гимназии и внесла свежую струю в среду оторванных от жизни воспитанников. И все же она действовала не сама по себе, а была следствием целой системы мероприятий, осуществленных в гимназии в самый короткий срок. В этом отношении более других к истине приблизился Е. Петухов, который связывал возникновение «дела о вольнодумстве» с системой Орлая и его взглядами. Е. Петухов по данному поводу писал: «... немедленно по оставлении Орлаем гимназии среди гимназических пансионеров стали обнаруживаться признаки брожения с нехорошим оттенком; напрасно оба инспектора сваливают вину один на другого: тут корни дела лежат глубже — прежде всего в самой системе Орлая, умевшего руководить делом лично и не передавшего этого умения гимназической корпорации. Главным источником всякого рода соблазнов для пансионеров, число которых было сравнительно невелико, являлся многочисленный контингент вольноприходящих учеников, живших на квартирах без достаточного при-

³³⁹ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 69, ед. хр. 60 (G), лл. 3—4.

³⁴⁰ Там же. Процесс начавшегося расширения состава учащихся за счет разночинцев продолжался и после ухода Орлая из гимназии. В 1830 г. в гимназии училось 16 детей из разночинских семей и даже двое из числа вольноотпущенных крепостных.

смотра как со стороны родителей и родственников, так и гимназического начальства».³⁴¹

Истоки «дела о вольнодумстве» в Нежинской гимназии восходят в своей основе к просветительской концепции И. С. Орлая и ее реализации в системе учебно-воспитательной работы. Орлай был главным гарантом новых порядков, вводимых в гимназии. Как личность незаурядная, он пользовался большим авторитетом среди преподавателей и учащихся. Объективным следствием его деятельности явилось усиление позиций прогрессивно настроенных преподавателей и их влияния на учеников. К личности Орлая, как к общему знаменателю, сводились истоки «дела о вольнодумстве». Он становится заочно одним из главных обвиняемых участников событий. Документы неопровержимо подтверждают этот вывод.

Этой же точки зрения придерживается советский исследователь С. Машинский. Говоря об Орлае, он отмечал: «В материалах следствия по «делу о вольнодумстве» его имя часто упоминается в ряду основных виновников «беспорядков» в гимназии . . .

Смерть Орлая помешала Николаю I расправиться с ним так же, как это было сделано с целой группой преподавателей гимназии».³⁴²

6 января 1830 г. начальник шестого отделения пятого округа корпуса жандармов майор Матушевич, местом службы которого был Чернигов, обратился с рапортом к шефу жандармов Бенкендорфу о событиях в Нежинской гимназии. Кроме того, в III отделение поступил анонимный донос, как позднее обнаружилось, от Михаила Билевича. Эти сигналы насторожили Бенкендорфа, который послал все имеющиеся в его распоряжении документы министру народного просвещения К. А. Ливену. Он хорошо усвоил указ Николая I: «каждый раз, при возобновлении новых случаев неповиновения, особенно тщательно разбираться в связях преступников с живыми и мертвыми».³⁴³ В случае с Нежинской гимназией это распоряжение

³⁴¹ Е. Петухов. Гимназия высших наук князя Безбородко в Нежине. (ЖМНП, ССС), стр. 100.

³⁴² С. Машинский. Гоголь и «дело о вольнодумстве», стр. 44—45.

³⁴³ С. Машинский. Гоголь и «дело о вольнодумстве», стр. 10.

было выполнено со всей точностью, так как в деле фигурировало имя покойного ее директора И. С. Орлая.

После разгрома движения декабристов сигналы о «неблагополучии» в Гимназии высших наук вызвали обоснованное беспокойство министра. К. А. Ливен решил послать для расследования дела «надежного человека». Им оказался Э. Б. Адеркас.

24 февраля 1830 г. вместе с чиновником министерства Деллем он прибыл в Нежин. В обязанности Адеркаса входило обстоятельное расследование дела, о результатах которого он должен был срочно информировать министра народного просвещения. Наделенный чрезвычайными правами, установив секретное наблюдение за профессорами и учащимися, Адеркас в течение трех месяцев собрал огромный материал. «Дело о ревизии» состояло из 272 листов, а вместе с обширными приложениями к нему, расположенными по азбуке, составило свыше 1600 страниц. В него входили протоколы заседаний конференции, ведомости, конспекты лекций, записки учеников, деловая и личная корреспонденция, показания, снятые во время допросов и т. д.³⁴⁴

Красной нитью через все архивные документы проходит мысль, что главным виновником «беспорядков» в гимназии был И. С. Орлай. Несмотря на то, что во время процесса Орлая уже не было в живых³⁴⁵, его имя переходит из документа в документ, из одного показания в другое. На его распоряжения, советы, покровительство ссылались многие. В первом же своем донесении Ливену от 14 сентября 1830 г. Адеркас отмечал:

«Хотя утешительно то, что происходившие в гимназии беспорядки, которые надлежало исследовать, от-

³⁴⁴ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 69, ед. хр. 52. Материалы собраны под названием «Дело о ревизии членом Главного правления училищ Э. Б. Адеркасом Нежинской гимназии высших наук, в связи с сигналом III отделения с[обственной] е[го] и[мператорского] в[еличества] канцелярии о вольнодумстве учащихся и «вредном» преподавании естественного права, об отстранении профессоров Н. Г. Белоусова, Ф. Й. Зингера, И. Я. Ландражина, К. В. Шапалинского от преподавания за «вредное влияние на юношество», об установлении за ними надзора полиции . . .»

³⁴⁵ И. С. Орлай умер 17 февраля 1829 года.

носятся не к настоящему, а к давно минувшему времени, от 2-х до 6-ти лет тому назад, но с другой стороны сие самое служит большим затруднением к ясному открытию истины в деле. Необходимость следить сцепление обстоятельств ведет почти к самому происхождению гимназии, в котором только можно усмотреть их начало». И далее указывал, что ответственность за это дело несут первые директора гимназии В. Г. Кукольник и И. С. Орлай, а после них К. В. Шапалинский:³⁴⁶ «...уже при самом ее начале вкрадывались беспорядки, в особенности через более или менее несовершенные и цели противные качества самих директоров...» Логика рассуждения Адеркаса несколько противоречива. Он старается возложить вину на Орлая, но Орлай опирался в своей деятельности на группу прогрессивно настроенных преподавателей, которые остались в гимназии и после его ухода.

Адеркас сосредоточил все свое внимание на личности Орлая и дал ему следующую характеристику:

«Орлай; он страдал также ипохондрией, и будучи человеком непостоянным, властолюбивым, страстно преданным масонским обществам, вероятно в религиозном и политическом отношении вольнодумцем... (подчеркнуто — Т. Б.)³⁴⁷.

Наконец, в самом докладе Ливена императору отмечалось: «...все исследованные им (Адеркасом — Т. Б.) беспорядки происходили с 1821-го по 1827-й год, в бытность директором гимназии Орлая...»³⁴⁸

Документы воссоздают яркую картину «замышлявшегося в ту пору ниспровержения всеобщего порядка».³⁴⁹ Главным виновником событий, вызвавших такое беспокойство правительственных органов, по общему мнению, оказался И. С. Орлай. Против Орлая было выдвинуто обвинение, что он принял на службу всех тех учителей, которые способствовали распространению «вредного влияния на юношество». Адеркас подчеркивал, что Орлай «...вверился совершенно людям

³⁴⁶ После отъезда И. С. Орлая в сентябре 1826 г. в Одессу временно исполняющим обязанности директора был назначен К. В. Шапалинский.

³⁴⁷ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 69, ед. хр. 52, лл. 6, 17 (об. ст.).

³⁴⁸ Там же, л. 162 (об. ст.).

³⁴⁹ Там же, л. 104 (об. ст.).

такого же образа мыслей, которых частью уже застал в гимназии, частью сам после определил». ³⁵⁰ Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Орлай, вероятно, поддерживал тесные контакты с преподавателями Киевской гимназии и был ее неоднократным гостем. Бывшие учителя этой гимназии С. Андрущенко и И. Ландражин, а также Н. Г. Белоусов переехали в Нежин по его личному ходатайству. Н. Соловьев, окончивший Петербургский университет, и Ф. Зингер, получивший образование в Австрии, были приняты в Нежинскую гимназию по инициативе Орлая. ³⁵¹ Документы рассказывают о тесных связях, соединяющих Орлая с Шапалинским, который находился у него «в большой милости». ³⁵²

В анонимной записке, посланной министру народного просвещения, была дана очень выразительная характеристика соратников Орлая:

«Белоусов, Николай Григорьевич, — преподает естественное право . . ., как искаженное, а следовательно вредное для нравственности студентов».

«Шапалинский, Казимир Варфаламеевич, профессор математики . . ., «сей владеет умами и, так сказать, всеми повелевает, находящимися с ним в приязни» (собственное о нем выражение директора), посеивает противу правительства в студентах ложное мнение — хитр и скрытен».

«Ландражин, Иван Яковлевич, преподает французскую словесность, . . . сей также вселяет вольнодумство и противу правительства невыгодное мнение».

«Зингер, Фридрих Йосифович, профессор немецкой словесности, еще более Ландражина слушает и соглашается с вредными мнениями Шапалинского . . .» ³⁵³

Все эти люди, получивше такую с точки зрения официальной невыгодную характеристику, были единомышленниками Орлая, с которыми он был связан чувствами глубокой симпатии. Вместе с тем автор анонима поспешил дать не менее отрицательную характеристику и самому директору гимназии: «. . . О р-

³⁵⁰ Там же, л. 18 (об. ст.).

³⁵¹ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 69, ед. хр. 60 (G), л. 8—9; ед. хр. 29, лл. 1—12.

³⁵² Там же, оп. 69, ед. хр. 52, л. 111 (об. ст.).

³⁵³ Там же, лл. 1—23.

лая покойный император весьма не жаловал, и как должно полагать за склонность к тайным обществам — он состоял в киевской ложе масонов и имел сношения с людьми, обличенными в злых умыслах противу правительства» (подчеркнуто — Т. Б.)³⁵⁴.

Ближайшим соратником Орлая был К. В. Шапалинский, сменивший его на посту директора и взявший на себя всю ответственность после отъезда Орлая в Одессу. Продолжал линию, начатую старым директором, он оказался в числе «виновников беспорядков и распрей в гимназии».³⁵⁵ К. В. Шапалинский открыто симпатизировал демократически настроенной части преподавателей и оказывал им всевозможную поддержку. На своих уроках по математике и физике способствовал формированию у учеников элементов материалистических убеждений, ведя борьбу против идеализма и религии. В качестве примера можно привести эпизод, описанный профессором Никольским в его «Историческом обзоре беспорядков», имевших место в Гимназии высших наук. Во время экзамена ученика 7-го класса К. Базили в июне 1827 г. по всеобщей истории шла речь о «гонениях и мучениях, претерпенных за христианскую веру святыми мучениками в первые века христианства». К. Базили рассказывал, что на святых, обложенных удобовозгорающимися со смолою веществами, огнем возженными, пламенное воспаление ни малого действия не производило и они остались невредимыми». Выслушав ответ ученика, профессор Шапалинский сделал ему замечание такого рода: «И вы этому верите? Разве вы не слушали физики мною преподаваемой, коей началом или законам это совершенно противно?»

В том же духе воспитывал учащихся профессор немецкого языка и литературы Ф. Й. Зинегр. По признанию А. Котляревского, он «часто лекции заменял рассуждениями политическими». Известно, что во время уроков, посвященных переводам из сочинений немецкого философа И. Канта, Зингер доказывал ученикам, что «мощи — суть глупость», а когда Котля-

³⁵⁴ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 69, ед. хр. 52, лл. 1—23.

³⁵⁵ Там же, л. 267; оп. 85, ед. хр. 49911, л. 18 (об. ст.).

Ученики Колышкевич, Змиев, Риттер рассказывали, что профессор Ландражин «раздает разные книги для чтения ученикам, а именно сочинения Вольтера, Гельвеция, Монтескье...»³⁵⁹ Но он не только одалживал собственные книги, а разрешал школьникам пользоваться своим абонементом в библиотеке гимназии. Существуют свидетельства, которые упоминают о том, что Ландражин разучивал с учениками во время прогулок «Марсельезу».³⁶⁰ Профессор Ландражин принадлежал к свободомыслящему крылу преподавателей Нежинской гимназии и, как показывают документы, был связан с польским освободительным движением. Конкретно он поддерживал контакты с одним из представителей польского освободительного движения В. Гордоном, который в свою очередь оказался связанным с А. Мицкевичем. Обвиненный в антиправительственной деятельности, В. Гордон бежал за границу.³⁶¹ И. Я. Ландражин, человек передовых политических взглядов, оказал большое влияние на пансионеров и волноприходящих учеников гимназии.

По мере того, как следствие накапливало все новые и новые материалы, возникло подозрение о существовании в Гимназии высших наук в Нежине тайного общества. Профессор Никольский высказал предположение, что в ее стенах действовала тайная революционная организация. В одном из доносов он отмечал, что между профессорами «есть какая-нибудь тайная связь или общество. Ибо они особенно с 1825 г., чрез прочие вышеозначенные годы высказывали одинаковый дух мыслей своих, всегда друг друга отстаивали».³⁶² Поводом для подозрений послужило письмо Н. Кукольника к Н. Прокоповичу, посланное 29 июля 1825 г. из Киева и перехваченное инспектором гимназии Мойсеевым. Письмо было подписано загадочным сокращением Р. Б. Ш., которое инспектор расшифровал как «Работник Братства Шапалинского».³⁶³ Предположение о существовании общества могло казаться вполне реальным, поскольку многие из преподавате-

³⁵⁹ С. Машинский. Гоголь и «дело о вольнодумстве», стр. 162.

³⁶⁰ Там же, стр. 163.

³⁶¹ Там же, стр. 173—175.

³⁶² ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 85, ед. хр. 49911, л. 19.

³⁶³ Там же, оп. 69, ед. хр. 52, л. 117.

лей поддерживали связи с различными масонскими организациями и не прервали их даже после запрещения деятельности масонов. Адеркас в донесениях, адресованных Ливену, восстановил членство в ложах И. С. Орлая, К. В. Шапалинского, И. Я. Ландражина, Ф. Й. Зингера.³⁶⁴ Он отметил, что Ландражин и Шапалинский являлись активными членами киевского масонского общества «Соединенных славян», а Зингер — членом ревельской ложи «Изис».³⁶⁵ Все это вместе взятое привело Адеркаса к заключению, что вышеупомянутые преподаватели «составляют по крайней мере некоторую тайную связь» и что Шапалинский «по общему мнению состоял... как масон в тесной связи с директором Орлаем...»³⁶⁶

По «делу о вольнодумстве» к ответственности была привлечена группа преподавателей Гимназии высших наук, среди них Н. Г. Белоусов, К. Ф. Шапалинский, И. Я. Ландражин, Ф. Й. Зингер, С. М. Андрущенко, Н. Ф. Соловьев. Их обвинили в распространении среди учащихся «слухов о близкой революции», сочинений А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова, К. Ф. Рылеева, а также произведений Вольтера, Гельвеция, Монтескье, Руссо и др.

Им приписали разложение преподавательского коллектива, создание атмосферы недоверия и подрыв авторитета некоторых профессоров. В одном из донесений подчеркивалось: «... в согласии с профессорами Шапалинским, Белоусовым, Ландражиным и Зингером были благомыслящие чиновники притесняемы и устрасаемы до того, что не осмеливались оказывать им ни малейшего противодействия».³⁶⁷

Особенно много замечаний было высказано в адрес И. С. Орлая, в деятельности которого усматривали корень всех зол и беспорядков. Его обвинили не только в открытом покровительстве группе прогрессивно настроенных учителей гимназии, но и в сочувствии ученикам, совершившим поступки, выходящие за границы школьных порядков. Во время, когда Орлай за-

³⁶⁴ Там же, лл. 114—122.

³⁶⁵ А. Н. Пыпин. Русское масонство в XVIII и первая четверть XIX века, стр. 414—417.

³⁶⁶ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 69, ед. хр. 52, лл. 117, 122.

³⁶⁷ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 69, ед. хр. 52, лл. 117, 122.

нимал пост директора, ослаб инспекционный дозор над учащимися и в здание гимназии имели доступ многие посторонние лица. В одном из донесений по этому поводу говорилось: Орлай «допускал даже воспитанников гимназии участвовать в карточных играх, и ежели наставники в месячных ведомостях об успехах и поведении учеников отмечали дурно какого-либо из покровительствуемых, то он собственноручно уничтожал такие отметки... Надзирателям пансиона было приказано доносить обо всем случившемся непосредственно ему мимо инспектора, чрез что сей последний лишен был возможности узнавать о беспорядках по пансиону, за которые ему бы следовало отвечать».³⁶⁸

В другом донесении высказано предположение такого рода:

«Откуда такие пагубные мысли заимствованы и принесены в гимназию точно неизвестно; но судя по слухам должно думать, что замышлявшие в ту пору ниспровержение всеобщего порядка успели сообщить подобные мысли и сочинения воспитанникам сей гимназии, при отлучках сих последних на каникулы и на праздники в дома своих родственников, при частых посещениях пансионеров в их рекреационных залах посторонними лицами, под предлогом родства и при обхождении воспитанников с жившим в том же доме гимназии семейством директора Орлая, к которому весьма собирались люди различного звания» (подчеркнуто — Т. Б.)³⁶⁹

Наконец, еще в одном донесении, подписанном Мойсеевым, отмечалось, что он «... неоднократно подавал рапорты директору Орлаю и в конференцию, по коим и делали слабые взыскания с учеников или оставляли их вовсе без внимания... Сверх того семейство Орлая, разделяя свои забавы с учениками, брало их при всяком случае не только к себе в дом, но и в город; — через это пансионеры состоя с оным в некоторой связи находили в нем своих покровителей».³⁷⁰

Позиции и авторитет прогрессивно мыслящей груп-

³⁶⁸ Там же.

³⁶⁹ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 69, ед. хр. 52, л. 104 (об. ст.).

³⁷⁰ Там же, л. 111 (об. ст.).

пы преподавателей во главе с И. С. Орлаем, политическая атмосфера, ими созданная, оказали большое влияние на жизнь гимназии, что вызвало ненависть реакционной части преподавателей, руководимых М. В. Билевичем. Возник конфликт незаурядного общественного звучания, который поставил Нежинскую гимназию в ряды таких учебных заведений, в стенах которых в условиях реакции рождались передовые идеи. Царизм жестоко расправился с заподозренными в «вольнодумстве» преподавателями гимназии. К. В. Шапалинский, Н. Г. Белоусов, С. М. Ландражин и Ф. Й. Зингер были уволены со службы без права работать в учебном ведомстве. К. В. Шапалинский и И. Я. Ландражин оказались в ссылке: первый в Вологодской губернии, второй — в Вятской губернии. Жестокая кара грозила И. С. Орлаю, от которой его избавила смерть. «Дело о вольнодумстве» завершилось не только тяжелыми последствиями для его отдельных участников, но и для самой Гимназии высших наук. Расследование, длившееся три года, окончилось ликвидацией гимназии. На ее месте в 1832 г. был создан физико-математический лицей.

В заключение следует подчеркнуть, что было бы неверно преувеличивать степень революционных настроений, охвативших часть преподавателей и учеников. Материалы дела подтверждают, что «... прогрессивные идеи начали в описываемое время проникать в глубь России, захватывая все более широкие круги передовой интеллигенции. Конечно, в условиях маленького провинциального городка эти идеи не могли получить широкого распространения, их резонанс был невелик, но тем не менее они свидетельствуют о живучести передовых идей, порождавшихся самой эпохой, ее глубокими социальными противоречиями».³⁷¹

4. Педагогическая деятельность И. С. Орлая в Ришельевском лицее.

Последние годы жизни И. С. Орлая были связаны с Ришельевским лицеем в Одессе. 1 августа 1826 г.

³⁷¹ «Исторические записки», т. 59, стр. 218.

он был уволен с должности директора Гимназии высших наук князя Безбородко в Нежине и указом Правительствующего сената от 4 сентября 1826 г. назначен директором Ришельевского лицея. История этого перевода довольно запутана. Трудно восстановить побудительные причины, заставившие И. С. Орлая оставить созданную с таким трудом и любовью гимназию и переехать на новое место.

Впервые свое желание перейти на службу в другое учреждение Орлай высказал 21 октября 1821 г., спустя год с небольшим с момента его появления в Нежине, в письме к попечителю Харьковского учебного округа Е. В. Карнееву. Вскоре состоялась их личная встреча в Харькове, во время которой Орлай добился поддержки своего ходатайства. Карнеев высказался в пользу кандидатуры Орлая на должность директора в лицее, отметив такие его качества как «дарования, способности, ученость и опытность в делах службы...» Анализируя документы, относящиеся к этому делу, можно восстановить одну из причин. «При всем том, — писал Орлай в прошении, — низменное положение города Нежина, особливо гимназии, окруженной гниющими болотами, подействовало на изменение моего здоровья до такой степени, что я едва могу продолжать действия мои по должности... Одесский климат и морская вода послужили бы, может быть, к поправлению моего здоровья; сколько я ласкаю себя надеждою, дела лицея восприняли бы новый оборот...»³⁷²

В письме к графу А. Г. Кушелеву-Безбородко от 26 января 1823 г. Орлай высказал и некоторые другие свои соображения по поводу ухода из гимназии. Среди них хозяйственные затруднения, с которыми он не мог справиться, обусловленные недостаточно развитыми торговыми контактами самого города.

После встречи с почетным попечителем гимназии А. Г. Кушелевым-Безбородко, который прибыл в Нежин с целью ревизии гимназии, Орлай, видимо, не без его влияния, изменил свое первоначальное решение, тем более что проверка дала положительные результаты. Кушелев-Безбородко отметил «... совершенную ее

³⁷² ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 78, ед. хр. 66, л. 2.

(гимназии — Т. Б.) исправность и рачение в управлении . . .» Поэтому уже в феврале 1823 г. Орлай дал свое окончательное согласие остаться на месте до тех пор, пока ему позволит здоровье. Выразив сожаление по поводу несостоявшегося отъезда, он заметил: «. . . я признаюсь чистосердечно, что мне жаль скоро оставить вверенную мне еще юную гимназию . . .», которая «. . . в непродолжительном времени должна достигнуть высшей степени совершенства . . .»³⁷³

Таким образом, общее ухудшение состояния здоровья, вызванное неподходящими климатическими условиями, сложности хозяйственного управления гимназией, в котором он разбирался менее всего, заставили Орлая искать новое место службы. Однако, подлинной причиной, заставившей Орлая изменить свое решение, было известие, полученное из Петербурга о том, что министр народного просвещения поддерживает старого директора лицея и не склонен назначать нового. Кроме того, у А. Н. Голицына были и другие кандидатуры, в продвижении которых он был лично заинтересован.³⁷⁴ Планы Орлая не имели шансов на свое осуществление. Во избежание лишних столкновений Орлай отказался от своих намерений до более подходящего момента.

Вторую попытку получить место директора в Ришельевском лицее Орлай предпринял в августе 1824 года.³⁷⁵ В прошении к министру народного просвещения он писал: «. . . низменное положение города Нежина, при непрерывных моих душевных и телесных напряжениях столь вредное имеет влияние на расстроенное мое здоровье, что мне необходимо переменить климат и жить в теплых приморских местах . . . И как я узнал, что в приморском городе Одессе, в Ришельевском лицее имеется вакантное место директора: то невзирая на то, что дела Ришельевского лицея находятся в неблагоприятных и слишком затруднительных обстоятельствах, я желал бы занять оную вакансию, надеясь поправить и свое здоровье, и расстроен-

³⁷³ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 78, ед. хр. 66, лл. 5—6.

³⁷⁴ Там же, л. 9.

³⁷⁵ Там же. Дело «О премещении директора Гимназии высших наук князя Безбородко Орлая директором же в Ришельевский лицей», лл. 11а—49.

ное состояние лица». Орлай возобновил свое прошение, получив на этот раз согласие и поддержку Кушелева-Безбородко.³⁷⁶

Обстоятельства начали благоприятствовать Орлаю. Прежний директор Ришельевского лицея Гейнлет был уволен, кандидатура Болоховского, управляющего Балтийской провиантской комиссией не получила поддержки министра, а Шаховский, назначенный на пост директора, умер, не успев приступить к исполнению обязанностей. Воспользовавшись ситуацией, Орлай не только добился нового назначения, но даже выдвинул свои условия. Самое главное из них касалось управления лицея. Он предложил в основу деятельности лицея положить устав Гимназии высших наук, так как его устав, утвержденный в 1817 г., окончательно устарел. Устав Нежинской гимназии более отвечал представлениям нового директора, который не хотел признать старую практику управления лицейскими делами, где директор занимал второстепенное положение. До прихода Орлая вся полнота власти в лицее принадлежала правлению. Правление состояло из четырех человек, избираемых на общем собрании из числа родителей, дети которых пользовались интернатом, сроком на два года. Во главе его стоял одесский градоначальник. В компетенцию правления входило назначение директора, имеющего право совещательного голоса, подбор преподавателей, инспекторов и воспитателей. Правление контролировало учебно-воспитательную работу и хозяйственные дела. Члены правления имели право присутствовать на экзаменах.

И. С. Орлай, получив новое назначение, со всей энергией принялся добиваться для себя широких пол-

³⁷⁶ 18 августа 1825 г. Кушелев-Безбородко в письме к министру народного просвещения А. С. Шишкову сообщал: «Заслуги... Орлая в ныне занимаемой им уже четыре года должности директора Гимназии высших наук князя Безбородко, труды его и рачение по службе, не токмо не дают мне право делать какое-либо препятствие к перемещению его в Ришельевский лицей, если он сего желает и здоровье его требует южнейшего климата, то даже поставляют мне в обязанность... просить... ему награждение повышением чина». — См.: ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 78, ед. хр. 66, лл. 16—17.

номочий и полной независимости от правления. Первоначально в должности он был утвержден на общих основаниях, но с оговоркой, что он может подать свои соображения об изменении устава лицея. Министр народного просвещения в распоряжении попечителю Харьковского учебного округа подчеркивал, что по вступлении на должность директора Орлай, «... вникнув подробно во все части управления сим заведением, сделал мне свое представление о всех переменах в уставе лицея, какие найдет за нужное».³⁷⁷

В результате второе прошение Орлая получило положительное решение и его требования были приняты во внимание. Однако мотивировку перехода Орлая на новое место службы следует уточнить. Суть заключалась не только в плохом состоянии его здоровья, подорванного заботами и трудом. Не вызывает сомнения тот факт, что он отдал Нежинской гимназии много сил и вложил в нее большие надежды, и тем не менее Орлай стремился уехать из Нежина. И. Г. Кулжинский, его коллега по гимназии, вспоминал: «директор с утра до ночи бился, как рыба об лед, и редко в ком находил сочувствие или пособие... И. С. Орлай чрезвычайно тяготился своим положением в Нежине».³⁷⁸

В Одессе И. С. Орлая ожидала далеко нелегкая работа. Дела Ришельевского лицея находились в запутанном состоянии. Для приведения их в порядок 1 августа 1826 г. была создана специальная комиссия, членом которой с правом совещательного голоса стал Орлай.³⁷⁹ Несколько раньше министр народного просвещения написал в своей докладной записке: «... о возникших с давнего времени в Ришельевском лицее беспорядках и запутанностях, к чему поводом были частью некоторые статьи самого устава лицея, частью начальствующие сим заведением, равно и несогласия между собою чиновников оного».³⁸⁰ Итак, гимназию в Нежине с большим трудом налаженным учебно-воспитательным процессом, когда административно-хозяй-

³⁷⁷ Там же, лл. 46—48.

³⁷⁸ «Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко», стр. 271.

³⁷⁹ ЦГИАЛ, ф. 1349, оп. 4, ед. хр. 96.

³⁸⁰ Там же, ф. 733, оп. 78, ед. хр. 66, лл. 27—29.

ственные трудности были позади, Орлай сменил на совершенно неустроенное учебное заведение в Одессе. Не добился Орлай и каких-то особых материальных выгод, а этот момент для его многочисленного семейства был немаловажен. Жалование его осталось прежним.³⁸¹ Несомненно свою роль здесь сыграли соображения личного порядка: забота о здоровье, стремление лучшим способом устроить своих детей на учебу и службу, для реализации которых существовали в большом приморском городе большие перспективы. Правда, могли играть роль и другие факторы. Известно, что демократические начинания, введенные Орлаем в Нежинской гимназии, встретили недовольство со стороны реакционной части преподавателей. Конфликт назревал постепенно и разразился после

³⁸¹ В справке, помещенной в бумагах, относящихся к переводу Орлая в Одессу, сказано, что жалованье его равнялось сумме в 5 тыс. руб. и состояло из директорского жалованья в размере 3 тыс. руб., вознаграждения за службу при императорском дворе доктором в 1 тыс. руб. и пенсии в 1 тыс. руб. — См.: ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 78, ед. хр. 66, лл. 27—29 и 31.

Учитывая тяжелое материальное положение его семьи, Я. В. Виллие писал в 1826 г., обращаясь в вышестоящие инстанции с просьбой выделить Орлаю из государственной казны участок земли в размере 3 тыс. десятин в южных краях России «... по уважению именитых заслуг, оказанных им России во всех местах, где служил он 35 лет непрерывно и в том числе 22 года при мне... Мало есть людей, которые бы подобно ему, заслуживали провести остаток дней своих в некотором довольстве, тем паче, что он отец многочисленного семейства и человек недостаточный». Пожалование аренды или участка земли, — далее отмечал Виллие, — «... спасет сего честнейшего и достойнейшего человека от предстоящей ему в преклонных летах бедности...» — См.: ЦГИАЛ, ф. 78, ед. хр. 66, лл. 49—54.

Из «Дела о пожаловании ... Орлаю участка земли до 3 тыс. десятин в Бессарабии» вытекает, что министр финансов предоставил ему возможность выбрать земли в одной из великороссийских губерний в виду того, что раздел земель в частное владение в Бессарабии был приостановлен в связи с переселением в эти места 20 тыс. государственных крестьян из центральных губерний России. Однако Орлай настаивал на своем, стремясь получить земли «в Бессарабии, на реке Прут, или Днестре, или Херсонской губернии, в Тираспольском уезде». Дело завершилось тем, что он получил земли «в вечное и потомственное владение» в одной из великороссийских губерний. — См.: ЦГИАЛ, ф. 735, оп. 1, ед. хр. 191, лл. 1—34; ф. 1349, оп. 4 ед. хр. 96.

отъезда Орлая в Одессу. Все это осложняло его дальнейшее пребывание в гимназии и заставляло его искать выход.

В октябре 1825 г., во время, когда Орлай по делам службы, находился в Таганроге, Я. В. Виллие снова предпринял попытку уговорить его возвратиться в Петербург.³⁸² В конце октября того же года Орлай получает письмо от А. А. Писарева, попечителя Московского учебного округа с предложением перейти на работу в Московский университет. Мне бы хотелось, — писал Писарев, — «... побеседовать с Вами о Московском университете, и зная Ваше мнение не пожелали бы Вы переселиться из Нежина в Москву и умножить славу Московского университета».³⁸³ Из всех вариантов Орлай выбрал новым местом службы Одессу.

Одесса в 20-30-ых годах XIX в. представляла собой довольно крупный административный и торговый центр в южной части России, насчитывающий 60 тысяч жителей.³⁸⁴ Город, значительно удаленный от университетских центров государства, был заинтересован в создании такого учебного заведения, которое бы могло служить потребностям и запросам его населения, особенно его состоятельной части. Поэтому в 1817 г. на основе слияния так называемого Благородного воспитательного института и Коммерческой гимназии возник Ришельевский лицей как сословно-дворянское учебное заведение.³⁸⁵ Первоначально он состоял из пяти классов с двухлетним сроком обучения в каждом и двух дополнительных училищ: правоведения и поли-

³⁸² Отдел рукописей Государственной ордена Ленина библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ф. 226, к. 5, ед. хр. 43, лл. 950—951.

³⁸³ Отдел рукописей Государственной ордена Ленина библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ф. 226, картон 2, ед. хр. 2, л. 14.

³⁸⁴ «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Эфрона, СПб., т. XLII, стр. 726—727.

³⁸⁵ Ришельевский лицей занял помещение Коммерческой гимназии. Это было двухэтажное каменное здание, перестроенное в 1819—1820 годах А. Шостаком по проекту воспитанника Парижской королевской академии Шаалы. В первом его этаже размещались классные комнаты, во втором находилась квартира директора и некоторых учителей. — См.: И. Михневич. Исторический обзор сорокалетия Ришельевского лицея, 1817 по 1857 год. Одесса, 1857, стр. 9—11.

тической экономии с коммерческими науками. При лицее существовало начальное училище и педагогический институт. В 1818 г. в Ришельевском лицее начались учебные занятия.

Первым директором лицея стал аббат Николь, француз по национальности. С его приходом в лицее установилась строгая дисциплина. Школьники, принадлежащие к состоятельным слоям общества, были отделены от бедняков и сосредоточены в специальных классах. Со временем, когда лицей возглавлял Николь, связано усиление французского влияния на учеников. Много позднее это позволило Н. Н. Мурзакевичу³⁸⁶ заметить: «Все его помыслы стремились к тому, чтобы в сердцах и умах будущих деятелей России внедрить глубокое уважение и сочувствие к Франции. О варварской России предоставлялось думать, что угодно».³⁸⁷

В дальнейшем лицее повезло еще меньше. Директора-француза сменили немцы, слабо разбиравшиеся в школьных проблемах и не владевшие русским языком. Не обошлось и без денежных растрат лицейских сумм. В конце концов дела лицея пришли в полное расстройство. В 1823 г. управление лицеем взял в свои руки граф И. О. Витте, подвергший его всесторонней проверке. Он освободил от должности директора Гейнлета как несправившегося со своими обязанностями и начал подыскивать нового кандидата на освободившееся место, «... который мог бы сие совершенно расстроенное учебное заведение привести в порядок...»³⁸⁸

Существенный поворот в порядках лицея настал с приходом И. С. Орлая.

«Вникнувши в преподавание наук Орлай нашел его далеко несоответствующим высокому званию лицея, — отмечал Н. Н. Мурзакевич, — и потому озаботился поставить преподавание на возможно высшую ступень..., в чем до некоторой степени успел».³⁸⁹

³⁸⁶ Н. Н. Мурзакевич (1806—1883), профессор российской истории и статистики. С 1853 по 1857 годы был директором Ришельевского лицея, заведовал одесской библиотекой и музеем. Он написал «Автобиографию», часть которой посвящена лицее.

³⁸⁷ Н. Н. Мурзакевич. Автобиография. СПб., 1889, стр. 73.

³⁸⁸ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 78, ед. хр. 66, лл. 27—29.

³⁸⁹ Н. Н. Мурзакевич. Автобиография, стр. 79—80.

И. С. Орлай приступил к работе с большой энергией, занявшись переустройством организационной структуры и учебного процесса. Первой его заботой было добиться единоначалия, поскольку сосредоточение полноты власти помогало успешной реализации планов преобразования лицея. Эти планы сложились не без влияния опыта, подчерпнутого при организации Нежинской гимназии. Как видно из деловых бумаг на имя министра народного просвещения, Орлай предлагал осуществить переустройство лицея, руководствуясь основными положениями устава Гимназии высших наук князя Безбородко. Министр оказал ему поддержку, отметив, что «... для приведения же в надлежащее устройство сего заведения необходимо нужно предоставить директору одного более власти», одновременно разрешив «руководствоваться в управлении оным правилами, по которым управляется Гимназия высших наук князя Безбородко».³⁹⁰

Вступив в должность 1 августа, Орлай уже в ноябре, по предложению И. О. Витте, возглавил правление.³⁹¹

Исследователь истории Ришельевского лицея И. Михневич писал, что первым директором, который «получил право председательства как по учебной, так и по хозяйственной части» был Орлай.³⁹² То же самое отмечал Н. Н. Мурзакевич: «И уже в 1826 году проснувшееся министерство народного просвещения... назначает директором, некогда обучавшегося в австрийских школах, известного придворного лейб-медика И. С. Орлая, до того бывшего директором Нежинского лицея. Ему первому дали право самостоятельного директора».³⁹³ В лицее была введена должность ученого секретаря, который отвечал за дела по учебной части. Первым в этой должности был утвержден И. И. Дудрович, на смену ему пришел И. А. Андриевский. Из числа преподавателей лицея начали выбирать членов правления.

Следующей не менее важной задачей, требующей

³⁹⁰ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 78, ед. хр. 66, лл. 27—29.

³⁹¹ Там же, ф. 1349, оп. 4, ед. хр. 96.

³⁹² И. Михневич. Исторический обзор сорокалетия Ришельевского лицея, стр. 31.

³⁹³ Н. Н. Мурзакевич. Автобиография, стр. 78.

безотлагательного решения, являлась реорганизация учебно-организационной структуры лицея. Стремясь завести «однообразие с прочими учебными заведениями России», Орлай разделил всех учащихся на одиннадцать классов: он создал три класса начального училища, четыре гимназических класса и четыре лицейских класса с двумя отделениями — философским и юридическим. Школьники переводились из класса в класс ежегодно после сдачи экзаменов. В июле дети расходились на каникулы. Учебный год начинался 1 августа. Новый академический курс вводился с 1 января 1828 г. и продолжался до 1 июля 1829 года, практически полтора года с тем, что в дальнейшем курсы станут годичными.³⁹⁴

Большое внимание новый директор уделял содержанию учебно-педагогического процесса. Он заботился, чтобы учебные программы составлялись на основе преемственности, учащиеся накапливали знания постепенно и в своем развитии эволюционизировали от понятий простых к более сложным. В распоряжении от 7 июля 1828 г. Орлай подчеркивал: «признано полезным принять в руководство с начала нового учебного курса, то есть с августа месяца расписание учебных часов, основанное на строгой постепенности преподавания наук и языков».³⁹⁵ В качестве примера можно привести расписание предметов в лицейских классах. На философском отделении внимание студентов было сосредоточено на профилирующие дисциплины, прежде всего на логику, этику, философию и историю (древнюю, среднюю и новую). На юридическо-политическом отделении — на правовые дисциплины, такие как естественное, публичное и народное право, римское право, российское гражданское и уголовное право, право областей, присоединенных к России, история российского законодательства, практическое судопроизводство, статистика и политические науки.

Помимо основных предметов, положенных по программе, Орлай уделял большое значение изучению языков, используя опыт Нежинской гимназии. В сис-

³⁹⁴ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 49, ед. хр. 679, лл. 33—35а.

³⁹⁵ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 49, ед. хр. 679, л. 34.

теме филологического образования доминирующее положение принадлежало русскому языку и литературе. Обязательным считали изучение греческого языка и литературы. Кроме того, ученики имели возможность выбрать для изучения один из трех иностранных языков: немецкий, французский или итальянский. С целью добиться глубокого освоения языка, учитывая способности и знания каждого ученика в отдельности, было разрешено распределить всех учащихся на шесть отделений независимо от того, в каком классе они находились. В первом, так называемом «начальном» отделении школьники изучали основы языка, чтение и чистописание. Во втором «этимологическом» — занимались словообразованием, в третьем «синтаксическом» — словосочетанием, в четвертом «риторическом» знакомились с оригинальными произведениями в прозе, в пятом «пиитическом» — с поэзией. Наконец, в шестом «эстетическом» отделении разбирали вопросы истории и теории искусства.

К числу важнейших мер, осуществленных И. С. Орлаем, принадлежит борьба против сословной дифференциации учащихся. Еще в первые годы существования лицея благодаря стараниям его директоров из числа иностранцев сложилась система параллельных классов: дети состоятельных родителей были сгруппированы в отдельные классы, в которые запрещался доступ их сверстникам из бедных семей. Эту традицию Орлай ликвидировал, смешав параллельные классы.

Вместе с тем новый директор с последовательностью проводил линию, которая обеспечивала количественный рост вольноприходящих учеников. Вследствие чего нарушалась сословная замкнутость лицея и рождались контакты, связывающие его с внешним миром.

В архивах сохранились две ведомости о состоянии Ришельевского лицея, составленные и подписанные Орлаем: первая представляет собой отчет за время с 31 декабря 1825 г. по 1 ноября 1826 г., вторая за время с 1 января по 20 декабря 1828 г.³⁹⁶ Отчеты позволяют сделать выводы о общем количестве преподавателей, учеников, о соотношении между учениками, пользующимися интернатом и теми, что жили на

³⁹⁶ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 49, ед. хр. 578.

частных квартирах, то есть между пансионерами и вольноприходящими.

В 1826 г. в Ришельевском лицее насчитывался 251 человек. При этом большинство учеников находилось в классах начального училища. В 1828 г. их было 249, в том числе 66 пансионеров и 183 вольноприходящих.³⁹⁷ Из общего количества вольноприходящих учеников основная масса — 108 человек посещали первые три класса начального училища, 64 ученика — четыре класса гимназии и только 11 учеников — первые два лицейских класса.³⁹⁸ Количество вольноприходящих учеников в классах лицея снизилось на минимум, в чем нашел свое выразительное проявление социальный фактор. Основная часть вольноприходящих принадлежала к семьям, которые по материальной стороне не только не могли обеспечить своим детям дорогостоящее содержание в интернате, но даже были не в состоянии дать им полное лицейское образование, ограничиваясь или начальным училищем, или, в лучшем случае, несколькими классами гимназии. Подтверждением может служить тот факт, что сам директор не мог позволить на собственные средства поместить в интернат своего 13-летнего сына Андрея Орлая. За содержание воспитанников уплачивалась солидная сумма в размере 1200 руб. ежегодно. Поэтому количество учеников, родители которых могли заплатить полную сумму за обучение и интернат, было невелико, всего 10 человек. Помимо того в лицее находилось 29 учеников, получающих государственную стипендию и 23 ученика, содержание которых оплачивал Педагогический институт.³⁹⁹

³⁹⁷ И. Михневич в своем «Историческом обзоре сорокалетия Ришельевского лицея» приводит статистические данные, которые отражают соотношение между двумя категориями учеников: пансионерами и вольноприходящими. Если в 1818 г., когда лицей только что открылся, в нем было 110 пансионеров и 107 вольноприходящих, то в последующие годы соотношение между ними менялось следующим образом: в 1826 г. — 74 и 189, в 1827 г. — 70 и 136, в 1828 г. — 65 и 216, в 1829 г. — 65 и 206 (стр. 101). Эти данные отражают тенденцию к постепенному сокращению числа пансионеров и увеличению числа вольноприходящих.

³⁹⁸ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 49, ед. хр. 679, лл. 33—35а.

³⁹⁹ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 49, ед. хр. 679, лл. 33—35а.

И С. Орлай приложил много усилий, чтобы по мере возможности нивелировать социальную дифференцию состава учащихся. Правда, кроме формального соединения параллельных классов, большего достичь не смог. На даже эти скромные его действия шли вразрез с ярковыраженной сословной политикой дворянства в области просвещения.

9 января 1828 г. в Ришельевском лицее состоялся четвертый по счету и первый в присутствии И. С. Орлая выпуск учеников. На торжественном собрании присутствовали преподаватели, родители и родственники абитуриентов. С приветственными речами и обзором жизни и деятельности лицея за истекшие два года выступили профессора Н. Д. Курляндцев и А. А. Пиллер. Семнадцать учеников получили аттестаты. Отличникам были вручены награды.⁴⁰⁰ Шестеро учеников окончило дополнительное училище правоведения и политэкономии.⁴⁰¹ Среди выпускников лицея находился Николай Хрусталеv, который в дальнейшем посвятил себя литературной деятельности. Самой большой известностью пользовался его перевод книги «Обязанности человека» итальянца Сильвио Пеликко, симпатизирующего карбонариям.

Много сил и энергии отдал И. С. Орлай делу формирования педагогического коллектива, который бы смог объединить людей преданных своему делу. На этом пути возникали трудности и препятствия. Ситуацию осложняло то обстоятельство, что ощущался острый недостаток полноценных педагогических кадров. Согласно архивным данным за 1826 г. в Ришельевском лицее служило 36 преподавателей, воспитателей и административных работников. Особенно катастрофальная ситуация возникла в начальном училище, где на 134 ученика приходилось два преподавателя.⁴⁰² По материалам отчета за 1828 г. количество служащих в лицее сократилось до 30⁴⁰³, что еще более ухудшило положение с учительскими кадрами. Орлай прилагал усилия, чтобы найти выход из создавшегося положе-

⁴⁰⁰ Там же.

⁴⁰¹ И. Михневич. Историческое обозрение сорокалетия Ришельевского лицея, стр. 103.

⁴⁰² ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 49, ед. хр. 578, лл. 41—42.

⁴⁰³ Там же, ед. хр. 679, лл. 33—35а.

ния, подыскивая нужных людей. В борьбе с низкопоклонством перед иностранной культурой, носителями которого были французские и немецкие учителя насаждаемые в предшествующее время, новый директор отдавал предпочтение людям славянского происхождения. Начиная с 1817 г., в лицее прочно обосновался И. И. Дудрович, «карпатороссиянин из духовного звания», получивший образование в Харьковском университете. В лицее он преподавал русский и латинский язык и литературу, а позднее философию.⁴⁰⁴ В 1818 г. в лицей пришел В. Ф. Пахман, «сын австрийского чиновника», который в свое время посещал университет в Праге. В Ришельевском лицее он вел уроки по арифметике, бухгалтерии, латинскому языку и музыке.⁴⁰⁵ В 1822 г. в лицей был принят П. А. Симонович, «родом сербин из Венгрии», окончивший Пештский и Венский университеты. П. А. Симонович преподавал коммерцию и латынь.⁴⁰⁶ Примерно в то же время начал свою служебную карьеру М. М. Лепка, «родом славянин моравский», выпускник Венского университета. В лицее он преподавал арифметику, латинский и французский языки, всеобщую географию и историю, а с 1827 г. — естественное право.⁴⁰⁷ Воспитателем в лицее служил «галичанин» Н. И. Плещинский.⁴⁰⁸ Кроме того, в лицее вели занятия профессора П. В. Архангельский, Н. Д. Курляндцев и И. А. Андриевский, все трое выпускники Московского университета, адъюнкты А. Г. Тройницкий и Д. Ф. Жуков, принятые на службу не без ходатайства Орлая. Именно этим последним преподавателям директор поручил основные предметы: И. А. Андриевскому — русскую литературу и язык, П. В. Архангельскому — право и политическую экономию, Н. Д. Курляндцеву — физику и математику. Позднее Н. Х. Мурзакевич писал: «Ретивый славянофил Орлай, родом карпаторусс . . . , на очищавшиеся места начал помещать все, что могло казаться славянином; так удержались Дудрович с Симоновичем; при-

⁴⁰⁴ Там же, ф. 1349, оп. 4, 1828, ед. хр. 96, лл. 37—39.

⁴⁰⁵ Там же, лл. 46—47.

⁴⁰⁶ Там же, лл. 30—33.

⁴⁰⁷ Там же, лл. 34—36.

⁴⁰⁸ ЦГИАЛ, ф. 1349, оп. 4, 1828, ед. хр. 96, лл. 59—60.

бавился профессор Л е п к а, чех, впоследствии преподававший римское право . . .»⁴⁰⁹

В лицее всегда был недостаток учителей, преподающих латынь и иностранные языки и стремящихся внушить ученикам преклонение перед антикой или французской и немецкой культурой. Орлай, реформируя учебно-воспитательный процесс, высоко поднял значение изучения русского языка, литературы, истории и географии. Вместе с тем в своем стремлении привлечь в лицей как можно больше русских учителей или учителей славянского происхождения, он иногда не замечал того, что некоторые из них не выполняют свои обязанности и заняты собственными, далеко небескорыстными делами. Такие как Симонович, Богданович, Новицкий оказались замешенными в махинации денежного характера. И тем не менее благодаря усилиям Орлая, его большому педагогическому опыту, знаниям до тонкости дел в Ришельевском лицее был налажен учебно-воспитательный процесс и решены многие важные вопросы. В период с 1826 по 1829 годы Ришельевский лицей преодолел кризисную ситуацию и вступил в полосу своего дальнейшего развития. Своей самоотверженной деятельностью И. С. Орлай способствовал тому, что позднее на основании Ришельевского лицея смог возникнуть Новороссийский университет.

И. С. Орлай вместе со своими предшественниками и теми, кто вступили на поле деятельности в области просвещения позднее, такими как В. Н. Каразин, И. П. Котляревский, Г. Ф. Квитко-Овсяненко, П. П. Гулак-Артемовский, Е. П. Гребенка, Т. Г. Шевченко, содействовал развитию школьного дела на Украине. Своей педагогической деятельностью и передовыми педагогическими убеждениями он самоотверженно служил развитию просвещения и культуры России.

⁴⁰⁹ Н. Н. Мурзакевич. Автобиография, стр. 79.

ЗАСЛУГИ И. С. ОРЛАЯ В РАЗВИТИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ

И. С. Орлай не принадлежал к числу профессиональных историков, однако на протяжении всего своего жизненного пути проявлял постоянный и глубокий интерес к истории.

Впервые в ученых кругах имя И. С. Орлая стало известным в 1804 г., когда «Северный вестник» опубликовал его статью «История о карпатороссах, или о переселении россиян в Карпатские горы и о приключениях с ними случившихся».⁴¹⁰ В 1809 г. И. С. Орлай вступил в члены Общества истории и древностей российских, утвердив свое положение на историческом поприще.⁴¹¹

Общество истории и древностей российских возникло в 1804 г. при Московском университете по инициативе министра народного просвещения П. В. Завадовского и попечителя Московского университета М. Н. Муравьева. Первым его председателем был избран профессор Х. А. Чеботарев. Устав, утвержденный в 1811 г., следующим образом сформулировал основные задачи общества: разыскивание и собирание древних рукописей, монет, медалей и других предметов, имеющих отношение к историческому прошлому России, критический разбор и издание летописей. Общество имело свои периодические издания: сборник «Труды и летописи Общества истории и древностей российских», выходивший в период с 1815 по 1837 годы, и журнал «Русские достопамятности», первая книга ко-

⁴¹⁰ «Северный вестник», 1804, ч. I, стр. 158—172, 261—273; ч. III, стр. 265—294.

⁴¹¹ ЦГИАЛ, ф. 1349, оп. 4, 1828, ед. хр. 96.

того увидела свет в 1815 г.⁴¹² Издательская деятельность общества носила ясно выраженный тенденциозный характер. К печати готовились только те документы, которые отвечали интересам самодержавия и способствовали его упрочению. Устав строго устанавливал количество членов, общее число которых не могло превышать 30, и условия приема. В зависимости от степени участия в деятельности общества его члены получали звание благотворителей, соревнователей или корреспондентов. Звание соревнователя присваивалось тем членам, которые посылают «какие-либо важные сведения, открытия, рассуждения до предметов упражнения общества касающихся».⁴¹³ Став первоначально внештатным членом общества в звании соревнователя, Орлай вместе с другими 17 кандидатами был принят в действительные члены в 1823 г. Он получил диплом общества и в ответном письме на имя его председателя А. А. Писарева подчеркивал: «По мере сил моих и поскольку позволяет нынешняя должность моя, я буду для пользы оного жертвовать трудами моими и ничего не пропущу, что только может соответствовать его благородной цели . . .»⁴¹⁴

Общество истории и древностей российских представляло собой официальное учреждение и «. . . было всегда замкнутым по составу и консервативным по характеру деятельности».⁴¹⁵ С этих позиций следует оценивать в нем деятельность И. С. Орлая.

В течение многих лет И. С. Орлай поддерживал с Обществом истории и древностей российских богатые и разносторонние связи, не прерывая их до конца своей жизни. Особенно интенсивный характер носила его переписка с председателем общества П. П. Беке-

⁴¹² В дальнейшем общество издавало «Русский исторический сборник» (1837—1844), «Чтения в Обществе истории и древностей российских» (1846—1848, 1858—1877) и «Вестник Общества истории и древностей российских» (1848—1857).

⁴¹³ Устав Общества истории и древностей российских был опубликован в «Трудах и летописях Общества истории и древностей российских», 1815, т. I, стр. I—XXIV.

⁴¹⁴ Отдел рукописей Государственной ордена Ленина библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ф. 203, к. II, ед. хр. 11, л. 133.

⁴¹⁵ «Очерки истории исторической науки в СССР». Под редакцией М. Н. Тихомирова и др. Издательство Академии наук СССР. Москва, 1955, стр. 573.

товым, а в дальнейшем с А. А. Писаревым, сменившим его на этом посту в 1823 г. В последующие два года Орлай и Писарев осуществляли живой обмен корреспонденциями, информируя друг друга как о делах общества, так и о личных служебных интересах и планах. В одном из писем Писарев извещал Орлая о своем назначении на должность попечителя Московского учебного округа и, обращаясь к нему, просил: «... по-прежнему меня не забывать и по-прежнему не оставлять сношения со мною по части ученой, столь Вам известной, а мне столь приятной».⁴¹⁶

В ответном письме от 1 октября 1823 г. Орлай поздравил Писарева, высказав пожелание «оживотворить древний вертоград наук из особенной любви, которую к ним иметь изволите».⁴¹⁷ Пользуясь влиятельным знакомством, Орлай устраивает в Московский университет двух своих молодых земляков — Ивана Молнара и Юрия Венелина и просит принять под покровительство студента этого же университета Александра Кутаксоича, своего бывшего клиента.⁴¹⁸

Некоторые из своих писем Орлай направлял непосредственно в адрес общества. Они носили чисто деловой характер и касались непосредственно вопросов, которые общество занимали. И. С. Орлай принимал самое активное участие в его деятельности, снабжая общество и публичную библиотеку рукописями, редкими книгами, картами и отчасти собственными сочинениями. Со своей стороны общество высылало ему некоторые свои издания. В качестве посредников этого живого обмена выступали военный врач С. П. Иванов и А. П. Оболенский.

Глубокий интерес Орлая к памятникам русской и славянской старины отразил общую тенденцию развития русской историографии в начале XIX в. Большой размах приобретает дело собирания и публикации исторических документов. В этой связи перед историками со всей остротой встали вопросы разработки общих правил публикации исторических источников

⁴¹⁶ Отдел рукописей Государственной ордена Ленина библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ф. 226, к. 2, ед. хр. 5.

⁴¹⁷ Там же, к. 5, ед. хр. 43, л. 652.

⁴¹⁸ Там же, лл. 950—951.

и одновременно вспомогательных дисциплин, таких как палеография, дипломатика, сфрагистика, нумизматика.

Горячими поборниками и организаторами поисков древних рукописей, их научной обработки и публикации выступили Н. П. Румянцев⁴¹⁹, П. М. Строев и К. Ф. Калайдович. По инициативе Н. П. Румянцева в 1811 году была создана Комиссия печатания государственных грамот и договоров. Благодаря его усилиям увидели свет такие издания как «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым» в 1818 году, «Памятники российской словесности XII в.» в 1821 г., «Белорусский архив древних грамот» в 1824 году. Самым крупным изданием того времени было «Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел» (ч. 1—5, М., 1813—1894). Ученые обнаружили такие замечательные памятники как «Изборник» Святослава, относящийся к 1073 г. и многие другие. Возникла необходимость в организации специальной археографической экспедиции. Ее задачи и план изложил П. М. Строев в своем выступлении «О средствах удобнейших к открытию памятников отечественной истории и об успешнейшем способе обрабатывать оные» на заседании Общества истории и древностей российских 14 июня 1823 г.⁴²⁰

Активное участие в поисках древних рукописей принимает И. С. Орлай. Правда, его усилия невозможно сравнивать с огромным значением деятельности П. М. Строева и К. Ф. Калайдовича, которые составили «первые ученые описания источников по тогдашним требованиям библиографии».⁴²¹ Он был рядовым участни-

⁴¹⁹ Н. П. Румянцев (1754—1826), крупный государственный деятель России. Собрал огромную рукописную, этнографическую и нумизматическую коллекцию и ценнейшую библиотеку, которые положили основания Румянцевскому музею в Москве. С целью собирания материалов по древней русской истории объединил вокруг себя группу историков и этнографов.

⁴²⁰ «Труды и летописи Общества истории и древностей российских», М., 1828, ч. IV, кн. I, стр. 277—301.

Первая археографическая экспедиция была осуществлена в 1829—1832 годах, ее участники объехали 12 губерний, осмотрели 200 книгохранилищ и собрали 3 тыс. документов.

⁴²¹ «Очерки истории исторической науки в СССР», т. I, стр. 553.

ком этого важного дела, присоединившись к нему по инициативе Н. П. Румянцева. В тесных контактах с Н. П. Румянцевым Орлай находился в 1817—1820 годах, когда по его совету поселился в Гомеле. В то же самое время, с 1817 по 1822 годы и позднее с некоторыми перерывами в Гомеле жил Н. П. Румянецв. В дальнейшем, в первой половине 20- годов они поддерживали между собой переписку.⁴²² Орлай выполнял некоторые его просьбы и поручения. Так, например, он принял в гимназию сына управляющего имением Румянцева некоего Орландера, шведа по национальности. В письме к Орлаю от 20 февраля 1822 г. Румянецв писал, что Орландер «... чрезвычайно желает поместить сына своего для обучения наукам предпочтительно всякому иному заведению в тот институт, который учрежден в Нежине графом Безбородкой и коим вы, милостивый государь, ... управляете с таким успехом».⁴²³

Н. П. Румянецв очень внимательно изучал и собирал памятники древней истории России, объездил многие города, в их поисках осмотрел многие библиотеки, следил за раскопками в Новгороде, Могилеве, Гомеле, Чернигове. Посетив Киев, он с горечью писал А. Ф. Малиновскому:

«В Киеве сердце сокрушалось, видя, какое там господствует нерадение к древностям нашим, никто ими не занят, и всякий почти убегает об них разговора, боясь обозначить не токмо беспечность; но даже то, что мало историю древних наших времен знают».⁴²⁴

Под влиянием Н. П. Румянцева и по его поручению в поиски старых книг и рукописей включился Ор-

⁴²² Письма Н. П. Румянцева к Орлаю от 20 февраля и 6 марта 1825 г. опубликовал Е. В. Петухов в приложении к историческому очерку «Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине. 1820—1832», 1895. Вместе с тем о поручении Румянцева, данном Орлаю, свидетельствует неопубликованное письмо нежинского архимандрита к Орлаю от января 1822 г. — См.: Рукописное отделение Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, ф. 226, папка 12, ед. хр. 40.

⁴²³ «Известия Историко-филологического института кн. Безбородко», стр. 133.

⁴²⁴ «Переписка государственного канцлера Н. П. Румянцева». — «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1882, книга первая, стр. 191—192.

лай. Он обратился с просьбой к архимандриту нежинского монастыря Благовещения составить опись рукописей, имеющихся в библиотеке монастыря, особо заинтересовавшись судьбой Кормчей книги.⁴²⁵ Большое внимание к печатным и рукописным Кормчим книгам проявлял также Румянцев.⁴²⁶ В ответном письме нежинского архимандрита говорилось: в монастыре «...имеются сочинения собственно рукою писанные основателем обители на латинском языке... Стефаном Яворским книг до 15, но таковые книги записанными состоят купно с церковными вещами монастырской ризницы, чтутся за драгоценнейший залог от основателя обители. Содержание сих книг богословское, философское, риторическое». Относительно старинной Кормчей книги в письме сообщалось, что она находится в монастыре. Однако это была печатная Кормчая книга, вышедшая в Лейпциге в 1810 г., в основу которой, вероятно, легла Кормчая в XIV титулах, переведенная в Болгарии в XI в. И. С. Орлая интересовали старинные редакции номоканона патриарха Фотия, который получил распространение на Руси в Сербской редакции. Он с большой энергией взялся за дело. Руководствуясь поручением Румянцева, он обратился к неженскому греку Кондуру с просьбой продать золотую греческую медаль. Румянцев в этой связи писал: «Пожалуйте, разведайте, нет ли в Нежине и у других купцов-греков золотых, серебряных или медных медалей, а особливо из тех, кои часто открываются в Ольвиополе и Керчи, или же татарских древних монет, а лучше сказать арабских. И ежели те, кои имеют таковые медали, согласятся ко мне их сюда чрез вас доставить, я очень вам благодарен буду за таковую их ко мне пересылку. Нет ли также у кого-либо в Нежине продажных древних русских рукописей на славянском языке, писанных на пергаменте».⁴²⁷

⁴²⁵ Кормчими книгами назывались у восточных и южных славян сборники апостольских, соборных и епископских посланий, а также законов светской власти. На их основании можно было воспроизвести картину социально-экономических, общественно-политических и культурных отношений у славян.

⁴²⁶ «Чтения в Обществе истории и древностей российских» 1882, книга первая, стр. 132—137, 202, 293.

⁴²⁷ «Известия Историко-филологического института кн. Безбородко», стр. 134.

Кондур запросил за медаль высокую цену, и Орлаю пришлось сделать с нее слепок, который он выслал Румянцеву.

Помимо заданий Н. П. Румянцева, которые он выполнял со всем старанием, Орлай собирал книги и рукописи для Общества истории и древностей российских. В течение 1813—1815 годов он посылает обществу копию рукописи, обнаруженной им в Перемышле, «... что на червонной Руси, касающейся до жителей малой России, сиречь белой, червонной и черной Руси, стонавших некое время под игом польским...»⁴²⁸ а также исторические и топографические известия о России и городе Вологде, собранные в 1777 г.⁴²⁹ Он подарил обществу десять книг на латинском и немецком языках, изданных в период с 1590 по 1789 годы, и одну диссертацию на латинском языке о законах силезких славян.⁴³⁰ В сопроводительном письме к П. П. Бекетову от 1 августа 1815 г. он просил извинения за то, что «болезнь моя, продолжающаяся уже два года, не позволила мне сообщить обществу по званию соревнователя некоторые мои замечания исторические, а посему дабы хотя по возможности и несколько соответствовать сему званию, я почел должным служить обществу еще некоторыми историческими сочинениями». ⁴³¹ Спустя несколько лет Орлаю удалось опубликовать в «Трудах и записках Общества истории и древностей российских» свою статью под названием «О юго-западной России». ⁴³²

В 1823 г. Орлай разыскал у частного владельца, по видимому во время своего путешествия по Украине, древнюю рукопись «Утверждение от великого госуда-

⁴²⁸ Отдел рукописей Государственной ордена Ленина библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ф. 203, к. 1, ед. хр. 5, л. 23.

⁴²⁹ Там же, л. 65.

⁴³⁰ Там же, л. 48. В письме от 18 мая 1813 г. Орлай отмечал: «Законы славян содержат в себе много изящного; ибо даже самые германцы заимствовали из них полезное, как сие из бытописаний явствует. Болко был славянский воевода и частный законодатель в Силезии, а по сему присланную мне из града Болеслава (Бунцлау), что в Силезии, диссертацию, касающуюся законов тамошних славян, прошу принять благосклонно».

⁴³¹ Там же, л. 65.

⁴³² «Труды и записки Общества истории и древностей российских». М., 1826, кн. 1, ч. III, стр. 220—228.

ря, царя всероссийского Алексея Михайловича обох сторон Днепра гетману Богдану Хмельницкому и всему войску запорожскому и народу малороссийскому». Эта рукопись вместе с предисловием к греческой грамматике, изданной во Львове, была им отослана в Москву в распоряжение общества.

Особенно плодотворным для И. С. Орлая был 1824 год. 29 февраля 1824 г. состоялось седьмое заседание Общества истории и древностей российских, на котором было прочитано его письмо, «... в коем помещены любопытные сведения о наших однородцах карпатороссах, говорящих киевским русским наречием». Вместе с письмом в общество поступили рукописи, книги, статьи, касающиеся истории Карпатской Руси и России. Среди них находилась копия проекта князя Сапеги об уничтожении греко-российского исповедания на польском языке и ее перевод, хроника Густынского монастыря, составленная в 1670 г., Замечания о Малороссии с 25 цветными рисунками, изображающими представителей различных социальных групп общества, три статьи о запорожских казаках с замечаниями Д. Н. Бантыш-Каменского.⁴³³

На одиннадцатом заседании Общества истории и древностей российских рассматривались новые материалы, полученные от Орлая и касающиеся истории Украины: рукопись А. И. Ригельмана «Летописное повествование о Малой России, ее народе и козаках вообще»,⁴³⁴ а также восемь грамот украинских гетманов.⁴³⁵ Библиотека общества пополнилась сочинением А. С. Кайсарова «Опыт славянской мифологии», вышедшим в 1804 г. в Геттингене⁴³⁶, указами о сборе лечебных трав и сдаче их в Аптекарский магазин.

⁴³³ Д. Н. Бантыш-Каменский (1788—1850), русский и украинский дворянский историк, собрал многочисленные материалы по истории Украины, которые легли в основу его четырехтомной «Истории Малой России» (М. 1822).

⁴³⁴ А. И. Ригельман (1720—1789), русский военный инженер и историк дворянско-патриотической ориентации, автор нескольких работ по истории казачества.

⁴³⁵ И. С. Свенцицкий. Обзор сношений Карпатской Руси с Россией в 1-ую пол. XIX в., стр. 37 (примечание).

⁴³⁶ А. С. Кайсаров (1782—1813), русский историк-славист, профессор Дерптского университета.

В 1825 г. в библиотеку общества поступает от Орлая латинское сочинение и две книги на чешском языке.⁴³⁷ Последняя записка книг относится к 1826 г., среди которых находились «История о листрийском ферарском соборе», «Трактат или путь из Цариграда до Иерусалима и до иных святых мест», «Поучения митрополита Фотия» и «Краткое описание православного монастыря на горе Чернек, близ Мукачева, основанного русским воеводою Федором Кариотовичем».⁴³⁸ Вслед за тем связи с обществом прерываются в виду переезда Орлая в Одессу.

Общество истории и древностей российских высоко ценило сотрудничество с Орлаем, неоднократно выражало ему свою благодарность в письменной форме, а также через «Московский вестник».⁴³⁹ Общество регулярно посылало ему свои публикации, в том числе «Записки и труды Общества истории и древностей российских» и «Русские достопамятности».

В 1828 г. незадолго до своей смерти Орлай вступил в члены Общества любителей российской словесности⁴⁴⁰, которое только что возобновило свою деятельность. Общество возникло в 1805 г. Однако во время, когда Казанский учебный округ возглавлял реакционер и мракобес Магницкий (1819—1826), почти перестало функционировать. Орлай активного участия в его деятельности принять не смог.

Многолетние связи Орлая с Обществом истории и древностей российских при Московском университете способствовали установлению личных контактов с видными представителями научного мира того времени, такими как Н. П. Румянцев, Н. М. Карамзин, П. И. Кеппен, З. Я. Доленга-Ходаковский. Известно, что интерес к творчеству Орлая проявлял Н. М. Карамзин.⁴⁴¹ В одном из писем к А. И. Тургеневу он просил:

⁴³⁷ Отдел рукописей Государственной ордена Ленина библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ф. 226, картон 5, ед. хр. 43, лл. 950—951.

⁴³⁸ Там же, картон 2, ед. хр. 11, л. 389.

⁴³⁹ Там же, картон 1, ед. хр. 5, лл. 46—47.

⁴⁴⁰ ЦГИАЛ, ф. 1349, оп. 4, ед. хр. 96.

⁴⁴¹ Н. М. Карамзин (1766—1826), русский дворянский писатель, публицист и историк, автор двенадцатитомной «Истории госу-

«Скажите от меня приветливое слово г. Орлаю. Желаю узнать его лично, как достойного человека».⁴⁴² В дальнейшем между ними установились деловые отношения. Орлай посылал известному русскому историку книги о Карпатской Руси. Н. М. Карамзин, в свою очередь, использовал «Историю о карпато-россах, или о переселении россиян в Карпатские горы и о приключениях с ними случившихся» в первом томе «Истории государства Российского».

Орлай поддерживал связи с П. И. Кеппеном.⁴⁴³ Он послал ему статью И. Бережанина «Вообще о различии славянских наречий, собственно же о мало и карпато или угорских», которую получил лично от автора во время своего пребывания в Вене. Полемизируя с П. И. Кеппеном, Орлай считал, что он якобы неправильно установил этническую принадлежность населения Карпатской Руси, относя его к украинцам. По мнению Орлая, как будет видно дальше, карпатороссы принадлежали к русскому народу.

Интерес И. С. Орлая к истории и памятникам старины навели его на мысль совершить путешествие, которому, между прочим, благоприятствовали обстоятельства житейского характера. Дело в том, что в мае 1817 г. он был освобожден от всех обязанностей в Медико-хирургической академии и получил отпуск по состоянию здоровья. Вместе со своим многочисленным семейством он покидает Петербург и поселяется в Гомеле. Весной и летом 1819 г. Орлай совершает путешествие по южным областям России, а затем на Кавказ. В ноябре 1819 г. он возвратился в Гомель. В феврале 1820 г., отправив дочерей в Петербург учиться, Орлай едет в Москву. В письме к З. Я. Доленга-Ходаковскому он следующим образом мотивирует свое решение: «... практика плоха, одиночество скучно, разве

дарства Российского (выходила в течение 1816—1829 годов). «История» Карамзина основана на богатой источниковедческой базе, вводя в оборот множество исторических документов. Работа была написана на реакционно-охранительных принципах в духе защиты самодержавия.

⁴⁴² Письма М. Н. Карамзина к А. Н. Тургеневу (1806—1826). — «Русская старина», 1899, т. ХСVII, январь, стр. 221.

⁴⁴³ П. И. Кеппен (1793—1864), русский ученый, сделавший много для развития статистики, библиографии, этнографии и археологии.

по-еврейски учиться? Итак несмотря на ласки, учтивости и многие благодеяния государственного канцлера, я нахожу себя принужденным оставить Гомель и переселиться в Москву, куда все московские приятели меня приглашают и обещают разные выгоды».⁴⁴⁴

И. С. Орлай много путешествовал, объездив обширные пространства северо-запада, запада и юга России. В литературе очень немного известно об этих поездках. Существуют свидетельства, что он якобы побывал на Кольском полуострове, в Финляндии и на Урале. В письме к венгерскому профессору М. Тертине Орлай писал: «Преступлением является то, если кто-либо не стремится раскрыть прошлое своей родины, когда он мог бы это сделать. — Я и сам, когда в 1791 году причалил через Балтийское море в Петербург, нашел, что здесь откроются возможности изучить родственные с венгерским народом народы. Так я обошел лапландские земли, Финляндию, горные местности Кавказа и Урала, и повсюду собственными глазами увидел предков венгерского народа».⁴⁴⁵

Однако с полной достоверностью можно говорить лишь о поездке Орлая на Украину и Кавказ, которая подтверждается документами. Частые поездки Орлая по стране были связаны с его служебными обязанностями. Как придворный врач, он обязан был сопровождать главу императорского дома вместе со свитой. Как директор гимназии, совершал неоднократные инспекционные поездки по учебным заведениям и побывал в таких городах как Ростов, Чернигов, Нахичевань, Харьков и Киев. Орлай не принял участия ни в одной специальной экспедиции. Для исторических разысканий он использовал именно эти служебные командировки и свой отпуск, со всей тщательностью и терпением собирая рукописи, старые книги, различные предметы для своих коллекций и ведя этнографические, топографические и филологические наблюдения.

Во время поездки весной и летом 1819 г. он собирал материалы по истории Украины и Венгрии, уделяя внимание прежде всего вопросам прародины венгров

⁴⁴⁴ И. С. Свенцицкий. Материалы по истории возрождения Карпатской Руси, стр. 29—30.

⁴⁴⁵ Dr. Tardy L., Dr. Orlay János, стр. 45.

и происхождению их языка. В этой связи следует упомянуть, что по некоторым данным в путешествие вместе с Орлаем отправился венгерский ученый ориенталист Гергей Якшич, прибывший в Россию с целью изучения венгерской старины, которому он с самого начала оказывал поддержку.⁴⁴⁶

Маршрут путешествия проходил по трассе Гомель—Полтава—Ростов на Дону—Кавказ—Астрахань—Саратов—Пенза—Нижний Новгород—Ярославль—Вязьма—Смоленск—Орша—Могилев—Гомель. На Кавказе Орлай находился в течение мая—августа 1819 г., побывав в Георгиевске, Константиногорске, Кисловодске и Пятигорске, на реках Кума, Малка и Терек. «На Кавказе и на реке Куме, где древний город Мадьяр построен был, — вспоминал он, — я был. Все селения русские, и русские на сей реке, построенные, имеют удивительное положение, река сама величественно течет, а вертоград на берегах ее, служит ей украшением. Развалины Мадьяр отстоят от Георгиевска на сто верст, они простираются на 10 верст, из них тамошние оседлые делают свои дома, ибо кирпич весьма хорош и крепок».⁴⁴⁷ Отыскивая следы пребывания здесь венгров, Орлай пытался выяснить вопрос о их древнейшей родине. Он писал: «В той местности, которая распростирается между Доном, Кавказскими горами и Каспийским морем, я осмотрел руины города, название которого «Маджар», который называют и поныне так; я осмотрел реку, название которой Терек и другие места, как например Моздок, Иртыш, Кубань. В этом называемом русскими Кубань городе имеются чрезвычайно именитые рудники, поэтому по праву этому городу присвоили имя «Кэбаня», что по-венгерски означает шахты. Что

⁴⁴⁶ Там же, стр. 45, 50, 56. Л. Тарди писал, что «... Орлай наряду с тем, что занимал высокое положение при дворе и важную должность, снова приступил к сложному труду исследования прародины и помимо этого — несмотря на то, что серьезное состояние он приобрел лишь к концу, в последние годы своей жизни, финансировал путешествия Гергея Якшича и путешествия других, имеющих подобную цель».

Г. Якшич упоминает о своей совместной с Орлаем поездке в «Felső Magyarországi Minerva», 1825.

⁴⁴⁷ И. С. Свенцицкий. Материалы по истории возрождения Карпатской Руси, стр. 28.

касается Уральских гор, то они обязаны своим названием венграм. Местность, распространившаяся вокруг этих гор, вместе с рекой, имеет имя Урала, то есть Ур-алья, как в Венгрии хедь-алья (низ горы). Сами русские называли эти горы Яхорскими или Ухорскими горами, то есть венгерскими горами, как это ясно можно прочесть и на картах. Закарпатские малороссы, которые в Венгрии живут в Карпатах, называют венгров уграми, что неопровержимо доказывает, что эта часть Азии населялась венграми. Народ, населяющий окрестность Уральских гор, также называется угричами, и они говорят на похожих на венгерский идиомах».⁴⁴⁸

Вместе с тем Орлай отмечал, что он повсюду находил сходство в чертах характера и обычаев между горцами и венграми: «гордость, танцы, неуступчивость, правдолюбие суть качества горцев и угров сходны. Язык найпаче осетинцев похож на угорский».⁴⁴⁹

Изучая венгерскую топонимику, Орлай обратил внимание на слово — орос. Оросами русских называли не только венгры, но и черкесы, осетинцы, чеченцы и некоторые татарские племена. Венгры переняли этот термин. Он пояснял, имея в виду население Карпатской Руси: «самые угры называют ныне, да и издревле так называли русских сих оросами. Сие угорское название русских галицких и карпаторусских жителей принесено ими из Кавказских гор в IX столетии».⁴⁵⁰

Таким образом, прародиной венгров Орлай считал Урал, а следы их пребывания на Дону и Куме расценивал как временные стоянки на пути в Паннонию. В целом вывод, сделанный Орлаем, был правилен. Современная историческая наука, относя венгров к угорской группе финно-угорской семьи языков, полагает, что предки венгров в первые века н. э. заселяли огромные пространства Приуралья и северо-восточной Европы. Их продвижение на запад проходило в составе гунно-болгарского, тюркского и хазарского этноса.

Путешествие И. С. Орлая на Кавказ вызвало интерес венгерской периодической печати. В «Tudományos

⁴⁴⁸ Dr. Tardy L., Dr. Orlay János, стр. 45.

⁴⁴⁹ И. С. Свенцицкий. Материалы по истории возрождения Карпатской Руси, стр. 29.

⁴⁵⁰ Там же, стр. 44.

Gyűjtemény» в № 8 за 1822 г. была помещена статья под псевдонимом К. Д., в которой говорилось: «Из числа новых путешественников и географов Паллас, Гмелин, Фрейганг, Бетман, Клапрот, и что удивительно . . . приходится назвать нашего Орлая, можно сделать тот вывод, что в Средней и Западной Азии можно найти много следов венгерской старины. Последний прямо говорит, что вокруг гор Урала теперь живут угричи, называемые так русскими, которые говорят на венгерском диалекте».⁴⁵¹

Вклад Орлая в изучение истории Венгрии высоко оценил И. А. Фесслер, выразив ему в предисловии к «Истории венгров» благодарность за оказанную поддержку.⁴⁵²

Во время своего путешествия И. С. Орлай старался выполнить поручение З. Я. Доленги-Ходаковского. Дело в том, что З. Я. Доленга-Ходаковский установил новую разновидность археологических памятников — курганы и городища. В их поисках он объездил обширные пространства северо-западной и средней России, составив каталог курганов и городищ. В письме от 15 января 1820 г., обращаясь к Орлаю, он интересовался:

«А не булы вы пане Иване в старим мисти Мадьярах, коли вы с гир Кавоказских поихалы к Астрахани?»

О Каспийском мори, счебы его звалы чужие племена в смысле Лукамора не удалося ж вам чого напытаты? Лыбонь о городенках и городыщах коло Харькова и Дону, счо добрые люди поговаривают».⁴⁵³

Орлаю почти ничего не удалось обнаружить. В ответном письме он упоминал, что при Бахмуте «видел городище, но не могу описать его, так как для вас нужно».⁴⁵⁴

Проделав огромный путь, И. С. Орлай возвратился домой через центральные области, задержавшись поч-

⁴⁵¹ Dr. Tardy L., Dr. Orlay János, стр. 65.

⁴⁵² Там же, стр. 55.

⁴⁵³ И. С. Свенцицкий. Материалы по истории возрождения Карпатской Руси, стр. 26.

⁴⁵⁴ Там же, стр. 29.

ти на полтора месяца в Ярославле из-за болезни. Осенью 1819 г. его путешествие завершилось.

В первых десятилетиях XIX в. определенных успехов добилось историческое краеведение. И. С. Орлай глубоко интересовали эти вопросы. Правда, научный уровень первых исследований по местной истории не был высок, но с точки зрения введенного в научный оборот материала они представляли определенный интерес. В области краеведения работали такие авторы, как Ф. А. Волегов, И. С. Гагин, Т. Воздвиженский, Д. П. Тихомиров, В. Н. Доброхотов, Я. Е. Протопопов, М. П. Мясников, П. А. Слобцов. Они добросовестно собирали документы, относящиеся к истории Приуралья, Севера, Сибири, Рязанской и Владимирской губерний. Однако изучение отдельных частей государства носило разрозненный характер. Не существовали краеведческие организации, которые бы могли взять дело в свои руки. Исключение в этом отношении составляла Одесса. В Одессе по инициативе Н. Н. Мурзакевича в 1838 г. возникло Общество истории и древностей российских, которое сумело объединить всех занимающихся историей Новороссийского края.

Впервые вопрос о создании общества, изучающего прошлое южной части России, стал предметом обсуждения много раньше, чем это было в Одессе, в 1821—1822 годах. Самое непосредственное отношение к нему имел Орлай. Именно в это время предполагалось, что краеведческое общество будет открыто в Нежине и к его деятельности будут привлечены преподаватели Гимназии высших наук князя Безбородко.

28 декабря 1821 г. А. Г. Кушелев-Безбородко в отношении на имя министра народного просвещения предлагал создать при гимназии «ученое общество, которое в особенности занималось бы историческими исследованиями, до того края относящимися».⁴⁵⁵

И. С. Орлай к предложению отнесся с энтузиазмом и высказал некоторые соображения в пользу его открытия. Он полагал, что огромная территория южной России, включающая в себя Киевскую, Полтавскую, Екатеринославскую, Каменец-Подольскую, Волынскую, Минскую и частично граничившие с ними губернии,

⁴⁵⁵ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 94, ед. хр. 16.

была богата многими историческими событиями. О них свидетельствовали разнообразные памятники старины и прежде всего рукописные материалы, как отмечал Орлай, разбросанные и несистематизированные, находящиеся без присмотра, во многих городах, в том числе в Галиче, Перемышле, Львове, Мукачеве, Ярославле и т. д. «Подобные древние записки, — писал он, — оставшиеся там как бы в заключении, без действия, и что много еще там находится любопытного, могущего доставить существенную историческую ясность южной России, или части оной, Малороссии, или и всей, может быть, Великороссии».⁴⁵⁶

Несмотря на свое страстное увлечение историческими разысканиями, Орлай все же обязан был трезво оценить возможности для создания общества в стенах гимназии. Вопрос об его организации был поставлен на повестку дня заседания конференции 10 февраля 1822 г. Конференция пришла к заключению, что в гимназии нет условий для деятельности общества. Преподавательский коллектив гимназии не был укомплектован и не смог бы собственными силами обеспечить выполнение задач, стоящих перед краеведческим обществом. Общество «важностью своего предмета требует обширнейших по оному знаний». Кроме того, большая часть преподавателей в гимназии появилась недавно, среди них почти не было старожилов и «народный дух края сего» оказался для них совершенно чуждым. Краеведческие проблемы не интересовали учителей и, занятые вопросами внутренней жизни гимназии, они приняли идею создания общества с полной апатией и непониманием.

К тому же гимназия не располагала материальной базой для более или менее широкой организации исследовательской работы. Отсутствовали основные исторические, этнографические, фольклористические и другие материалы, средства, оборудование, помещения. Вместе с тем Орлай ясно понимал, что перед гимназией как новым учебным заведением стоят свои сложные задачи хозяйственно-административного и учебно-воспитательного характера. Поэтому конфе-

⁴⁵⁶ «Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко», стр. 143—145.

рениция в своем решении подчеркнула, что считает «главным для себя предметом постепенно открывать все девять классов или полное течение предназначенного ей учебного курса, все же прочее считая более за постороннее, не в праве, так сказать, употреблять и время и свои усилия на оное, не поставивши на твердую степень своего главного и существования». ⁴⁵⁷

И. С. Орлай на протяжении всего жизненного пути проявлял постоянный интерес к истории и ее проблемам. Этот его личный интерес был своего рода отражением внимания широких общественных кругов к истории России, так характерного для первой четверти XIX в. Вопросы русской истории стали в центре внимания историко-филологических факультетов Московского, Харьковского, Казанского и несколько позднее Петербургского университетов.

«Значительные сдвиги в экономической, политической и общественной жизни России первой четверти XIX в. определили собой усиление идеологической борьбы и развитие общественных наук в стране в этот период. Русская историография первой четверти XIX века достигла в своем развитии новых значительных успехов . . .

Развитие историографии протекало в борьбе между ее различными направлениями. Социальная сущность каждого из направлений обуславливала характер понимания их представителями русской истории, проблематика же, вокруг которой разворачивалась борьба, определялась социально-экономическими и политическими процессами, протекавшими в России . . .» ⁴⁵⁸

Два направления характеризовали развитие русской историографии этого времени: направление дворянско-монархическое, наиболее ярким представителем которого был Н. М. Карамзин, и направление антикрепостническое, носителями основных положений которого являлись декабристы. Поскольку Орлай не принадлежал к числу профессиональных историков и занятия историей у него носили второстепенный характер, трудно воспроизвести основные черты его исторической концепции. Все же в общих чертах его исто-

⁴⁵⁷ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 94, ед. хр. 16.

⁴⁵⁸ «Очерки истории исторической науки в СССР», т. I, стр. 275.

рические воззрения инклиновали к официальному направлению русской историографии.

Он пытался сформулировать свое отношение к некоторым общим вопросам истории славян, например, к вопросу об автохтонности славянского населения, к норманской теории. Он писал о сербах, болгарях, хорватах, чехах (чегах, богемцах), мораванах (мараганах), лютичах, восточнославянских племенах, которые называет «ратоборным и славнейшим поколением славян».⁴⁵⁹ Описывая их прошлое, он не избежал романтического ореола.

Определенный интерес вызывает трактовка, данная Орлаем, этнической природе варягов.⁴⁶⁰ Историографическая традиция, которая берет свое начало от Э. Байера, выпустила с тезисом существования варяго-норманнов. Германоязычный характер норманнов опирался на факт тождества некоторых варяжских имен со скандинавскими. Антинорманизм, у истоков которого стоит М. В. Ломоносов, исходил из утверждения, что варяги были балтийскими славянами или включали в свой состав разнородное прибалтийское население. Орлай склонялся к последней точке зрения, подчеркивая, что «руссы, жившие при Балтийском море, занимались тем же ремеслом, каким занимались и другие приморские народы, как то «финны, шведы, поруссы, померане; потому и называются они у Нестора морскими разбойниками, или в а р я г а м и на финском языке. В а р я г по-фински значит разбойник; сие слово происходит от угорского слова в е р н и, бить, в е р е г е д н и, драться, в е р г ю д н и, бороться. И так в а р я ж с к и й народ не составлял особенного какого-нибудь народа; но был составлен из разных народов, занимавшихся одинаковым ремеслом, финское слово в а р я г можно сравнить с венгерским г у с а р или с польским у л а н, которые и подобные сим названия принимают разные народы, представляющие то самое, что званию сему свойственно. От сих в а р я г русских

⁴⁵⁹ И. С. Свенцицкий. Материалы по истории возрождения Карпатской Руси, стр. 56—57.

⁴⁶⁰ Следует отметить, что при внимательном рассмотрении норманской теории и отношения Орлая к ней, утверждение, что он был норманистом, ошибочно.

названы русскими новгородские славяне во времена Рюрика».⁴⁶¹

Традиционный антинорманизм признавал варягов за славян или за этнически разнородные прибалтийские племена. Его линию развивал Орлай в тезисе, что варяжский народ был «составлен из разных народов». Проблема этнической природы варягов до сих пор привлекает внимание многих историков. Отдельные представители марксистской исторической науки выступили с предположениями нескандинавского происхождения варяжского этноса и его связей с кельтским этническим массивом.⁴⁶²

В своих изысканиях в области славянских древностей Орлай опирался на многие греческие и византийские источники. Вместе с тем он внимательно следил за новейшей для его времени литературой, в особенности немецкой. Он ссылаясь на сочинения Ф. К. Алтера, И. Г. Гердера, И. П. Людвига, К. Г. Антона, а о П. Ф. Арпе писал, что он принадлежит к «новейшим защитникам благородства славян».⁴⁶³ В целом вопросы исторического прошлого славян Орлая интересовали только в относительной форме. Основное свое внимание он сосредоточил на два круга вопросов: на изучение истории так называемой Карпатской Руси и славяно-венгерских отношений в IX—XIII веках с точки зрения происхождения и этнической принадлежности населения Карпатской Руси и венгров.

Этим вопросам посвящены две его статьи и одна рецензия. Речь идет о статьях «История о карпато-россах, или о переселении россиян в Карпатские горы и о приключениях с ними случившихся» (1804 г.) и «О юго-западной России» (1826 г.). Рецензия была написана в 1828 г. на словарь Мак-Карти, в то время, когда он работал цензором при одесском градоначальнике Богдановском.⁴⁶⁴

⁴⁶¹ И. С. Свенцицкий. Материалы по истории возрождения Карпатской Руси, стр. 57 (сноска).

⁴⁶² А. Г. Кузьмин. Об этнической природе варягов. (К постановке проблемы). — См.: «Вопросы истории», 1974, № 11, стр. 54—83.

⁴⁶³ И. С. Свенцицкий. Материалы по истории возрождения Карпатской Руси, стр. 56—83.

⁴⁶⁴ Впервые рецензия была обнаружена профессором А. В. Фло-

И. С. Орлай был хорошо знаком с трудами писателей и ученых, путешествовавших по славянским землям. Именно по отношению к ним он с укоризной замечает, что они почти ничего не знают о Карпатской Руси. Так, например, прочитав «Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию» Д. Н. Бантыш-Каменского, он написал: «Весьма странно, что даже из новейших великороссийских писателей, в издаваемых ими географиях, статистиках и путешествиях по южной России, каковые я любопытно читал, весьма много ошибаются, наполняя Россию более поляками, нежели природными ее жителями русскими». И далее замечал: «Сия часть России до такой степени упущена из виду русскими писателями, что они ее нередко описывали, да и ныне описывают под названием Польши».⁴⁶⁵

Как известно, статья «О юго-западной России» была написана для Общества истории и древностей российских и опубликована в его «Трудах и записках». В ней Орлай совершенно четко сформулировал основную цель своих исторических разысканий: он стремился привлечь внимание российских ученых к судьбам Карпатской Руси. В этой связи он писал: «...я нахожу нужным просить вас и членов одного собрания, — речь шла о председателе общества А. А. Писареве и его секретаре И. Снегиреве, — обратить особенное внимание на ту часть пространнейшего нашего отечества, которая во времена Владимира Великого, его детей и наследников их удельных князей, известна была под именем Юго-западной России».⁴⁶⁶ Он доказывал «...необходимость вникать в дела южной России со всевозможным тщанием...»⁴⁶⁷

В понятие юго-западной Руси Орлай включал обширнейшую территорию, которая простиралась на запад вплоть до рек Висла, Попрад и Дунаец, а на юге граничила с Молдавией, Валахией и Трансильванией. В состав юго-западной Руси, по мнению Орлая, вхо-

ровским в архиве канцелярии одесского градоначальника. В 1826—1828 годах Орлай работал цензором в Одессе.

⁴⁶⁵ «Труды и записки Общества истории и древностей российских», кн. I, ч. III, стр. 222—223.

⁴⁶⁶ Там же, стр. 220.

⁴⁶⁷ Там же, стр. 228.

дили Галицкое и Волынское княжества (или же Владимирское княжество, поскольку позднее город Волынь уступил свое значение Владимиру), а также территория Карпатской Руси. Он часто оперировал понятиями Червонная Русь и Черная Русь. Червонная Русь в рассуждениях Орлая совершенно правильно считается синонимом юго-западной Руси, так как в дофеодальный период она называлась Червенской землей, или землей Червенских городов, от имени древнего города Червен.

Галицкое княжество, расположенное между северо-восточными отрогами Карпат и реками Саном и Днестром, на севере и северо-западе граничило с Волынью и Польшей, на юго-западе его границы простирались до Дуная. Волынское княжество включало в свой состав земли среднего Побужья. На территории Галицко-Волынской Руси находились крупнейшие феодальные города Холм, Галич, Владимир, Луцк, Львов, Перемышль, Новгородок, Дорогичин, Берестье. Галицкие и волынские земли около IX в. вошли в состав Древнерусского государства.⁴⁶⁸ Существуют мнения, что и Карпатская Русь входила некогда в сферу влияния Древнерусского государства.⁴⁶⁹

В конце IX — начале X веков Карпатская Русь подвергается нашествию венгерских племен и попадает под власть венгерского короля. К XIV в. оказалась в руках польских феодалов и часть юго-западной Руси.

Черная Русь, о которой упоминает Орлай, представляла собой древнерусские земли вдоль по течению реки Неман и ее южных притоков, так называемую Принеманскую Русь. Эти земли находились в сфере интересов Литвы, попав в середине XIV в. в зависимость от Великого княжества Литовского.

И. С. Орлай полагал, что вся территория юго-западной Руси была заселена русскими и что само назва-

⁴⁶⁸ «Очерки истории СССР. IX—XII вв.» Издательство Академии наук СССР. Москва, 1953, стр. 364.

⁴⁶⁹ «Территория Древнерусского государства расширилась и в западном направлении, включив Червенские города... и Карпатскую Русь». — См.: «Всемирная история». Т. III. Государственное издательство политической литературы. Москва, 1957, стр. 250.

ние этой территории, сохранившееся в течение столетий, лучше всего свидетельствует о степени сопротивления венгерским и польским феодалам. Он отмечал, что, например, Галиция «и под польским владением удерживала имя Руси; поелику и во времена владения поляков она называется была то Руссия rubra, то Руссия nigra, то terrae Rusice, то palatinatus Russiae...»⁴⁷⁰ В Карпатских горах по соседству с Червонной Русью «... обитает 700 тысяч русских, известных под именем карпаторусских жителей, а в летописях угорских Rutheni или Rusci Karpatici... Сии карпаторусские жители, несмотря на древность своего переселения, удержали доселе имя русских, или русинов, древнейшее название русского народа...»⁴⁷¹

Таким образом, основной вывод И. С. Орлая, касающийся этнической характеристики населения юго-западной Руси, заключался в том, что оно принадлежит к русской народности. «Сия юго-западная Русь, обитаема и поднесь русским народом, говорящим киевским русским наречием, угнетаема была попеременно то поляками, за Вислою живущими, то уграми...»⁴⁷²

В этой связи Орлай подробно освещает вопрос, каким образом русские племена оказались на территории Карпат. Их переселение в Карпатские горы он связывал с продвижением венгерских племен из района Урала, а, вероятно, и из бассейна Оби и Иртыша в направлении на запад. Под натиском печенегов венгерские племена под предводительством Алма около 884 г. подошли к Волге, где находились владения венгерского князя Гулека. Вторая часть венгерских племен под руководством Элюдя, брата Алма расположилась при впадении Табола в Иртыш, но под ударами печенегов должна была покинуть эти места. Некоторые из них направились к Днепру и Днестру, Пруту и Серету. В то же самое время во владениях Гулека образовался союз племен во главе с Алмом, Зуардом, Кадузом и Арпадом, начавший в 888 г. свое продвижение на запад. Через какое-то время они подошли

⁴⁷⁰ «Труды и записки Общества истории и древностей российских». Кн. I, ч. III, стр. 223.

⁴⁷¹ Там же, стр. 225.

⁴⁷² Там же, стр. 220.

к Киеву. Киевляне дали им своих проводников и указали дорогу в Паннонию. «Россияне, — писал Орлай, — предпочли благоразумное миролюбие неверному успеху войны, и приняли гостей сих дружелюбно, и не только обдарили их и снабдили всем нужным; но сверх того открыли им доброту земли и плодородие Паннонии, советуя им поселиться в оной; для лучшего же успеха дали им в предводители многих россиян с вождями их, которые согласились охотно искать с ними счастья и пользоваться едиными правами и преимуществами».⁴⁷³ Их путь проходил через юго-западную Русь и Карпаты. Как замечает Орлай, «поелику бродящий так сказать народ сей, был разделен тогда на многие толпы, то вступил с разных сторон в пределы Паннонии».⁴⁷⁴

В начале IX в. часть «киевских русичей» оказалась за Карпатскими горами. Затем последовали дальнейшие переселения русских племен: в 1113 г. во время Коломана, в 1225 г. во время правления Владислава и войны с татарами. При возвращении в свои земли через Киев «многие русские, конечно, с согласия правительств, соединились с ним для наполнения земель, опустошенных татарами.»⁴⁷⁵ Часть из них поселилась на землях комитатов Марамарошского, Береговского, Ужанского, Сарошского, Сепешского и др. В 1339 г. произошло переселение русских во главе с Федором Кориатовичем, которые, по утверждению Орлая, «составили в сей области последнее и оседлое население».⁴⁷⁶

И. С. Орлай подробно разбирает историю этих четырех переселений русских племен в общем потоке венгерского продвижения на запад. Он ошибочно полагал, что славянское население Карпатских гор не принадлежит к аборигенам, что оно впервые появилось здесь вместе с венграми. Исторически доказано, что часть восточнославянских племен пришла на эту территорию вместе с венграми. Но славяне поселились

⁴⁷³ И. С. Свенцицкий. Материалы по истории возрождения Карпатской Руси, стр. 61.

⁴⁷⁴ Там же, стр. 62.

⁴⁷⁵ Там же, стр. 64.

⁴⁷⁶ И. С. Свенцицкий. Материалы по истории возрождения Карпатской Руси, стр. 69.

здесь еще раньше. Венгры пришли в районы, населенные славянами и покорили такие славянские территории, как княжество Прибины-Коцеллы и др. В XI в. под власть венгров попала Карпатская Русь. Общественный строй славян, который был значительно развите общественного строя венгерских племен, повлиял на процесс перехода последних к оседлому образу жизни и земледелию, отсюда наличие славянской терминологии социально-экономического характера и домашнего обихода в венгерском языке, на которую обратил внимание Орлай.

Анализируя вопросы этнического происхождения населения юго-западной Руси, Орлай пришел к заключению, что вся эта обширная территория была заселена русскими. О населении Галиции он писал в своих замечаниях к словарю Мак-Карти: сочинитель хотя и показал, «что Галиция есть Червонной Руси, но при всем том, грубо ошибается, полагая, что галичани и поляки характером сходны, ибо известно, что первые суть настоящие русские; они занимают Галицию везде, начиная с Молдавии даже до реки Сана, вытекающей из Карпатских гор и впадающей в Вислу. В столичном городе Галиции — Львове имеет резиденцию метрополит Галицкой и всея Руси... Простой народ говорит по всей Галиции русским киевским наречием, а дворянство по-польски и по-немецки».⁴⁷⁷

По мнению Орлая, русские составляли основной элемент населения Карпатской Руси. Полемизируя с Мак-Карти, он уточнял: «... Это, конечно, он пишет о карпаторуссах, кои не из Червонной Руси, а из окрестностей Киева туда переселились вместе с уграми, а потом во время нападения Литвы на Киев; они составляют ныне 700 000 жителей, управляемых тремя епископами, говорят чистым русским киевским наречием...»⁴⁷⁸

Ошибочное утверждение Орлая о русском населении Галиции и Карпатской Руси имело одну положительную сторону, поскольку для него оставался вне сомнения фактор общности их этнического происхож-

⁴⁷⁷ Проф. Ант. Флоровский. Заметки И. С. Орлая о Карпатской Руси. Ужгород, 1928, стр. 5.

⁴⁷⁸ Там же, стр. 7.

дения. Он отмечал, что народные массы, несмотря на многовековой гнет венгерских и польских феодалов, сохранили родной язык, развитию которого способствовали отечественные писатели. Он упоминает имена Базилевича, Зиморовича, Окшича, Ореховского и Хоткевича.

Отметив первоначальную этническую общность восточнославянских племен, Орлай не смог вникнуть в сложный и длительный процесс формирования русской народности. Общее состояние и уровень развития исторических и филологических знаний того времени не позволяли сделать строго научные выводы относительно развития древнерусской народности как общей основы для формирования русской, украинской и белорусской народностей. Как показали труды советских ученых, на основе диалектных областных различий в период феодальной раздробленности постепенно возникали три главные языковые зоны: южная и юго-западная, в состав которой входили Киевская и Галицко-Волынская земли, затем западная зона в составе Смоленского, Полоцкого, Турово-Пинского княжеств и Черной Руси и, наконец, северо-западная, северо-восточная и восточная зона, к которой относились Новгородская, Псковская, Ростово-Суздальская и Рязанская земли. «Эти зоны уже в XII—XIII вв. наметили в общих контурах границы украинского, белорусского и великорусского языков».⁴⁷⁹

Попытка Орлая отождествить язык юго-западной Руси с языком русским отражала общую точку зрения, высказываемую большинством закарпатоукраинских писателей того времени. Термин «карпаторусский» в значении русский или российский употребляли в своих сочинениях И. Бережанин, Г. Таркович, И. Кутка, П. Лодий и Ю. Венелин. В этой связи Ю. А. Яворский отмечал:

«В «Истории о К а р п а т о - р о с с а х или о переселении россиян в Карпатские горы» И. С. Орлая, напечатанной в «Северном вестнике» в 1804 г., как явствует уже из самого заглавия, сплошь употребляется

⁴⁷⁹ «Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв.» I, стр. 473.

номенклатура: «россияне», «карпато-россияне», «российский», «карпато-российский».⁴⁸⁰

В своих статьях И. С. Орлай пользуется еще одним термином — «малороссияне». Он, например, писал: «... обитатели всех вышеупомянутых мест имеют сродство с малороссиянами, или те же малороссияне: сие доказывает киевское их русское наречие и летописи угорские (венгерские) и польские, начиная с IX столетия».⁴⁸¹

Термин Малороссия начал употребляться в официальных царских документах примерно с середины XVII в. Он соответствовал целям великодержавной политики самодержавия, направленной против национальной независимости Украины. С великодержавных дворянских позиций освещал историю Украины и крупнейший идеолог реакционных дворянско-аристократических кругов Н. М. Карамзин. Он отрицал сам факт существования украинского народа, самобытность его языка, культуры и истории.

Термин Малая Россия, Малороссия, малороссийский язык получил распространение в работах по истории Украины в начале XIX в., прежде всего в сочинении Г. Конисского (анонима)⁴⁸² и в украинской дворянской националистической историографии. Этой же терминологии придерживался М. Максимович. Дворянская националистическая историография, наиболее значительными представителями которой являлись Д. Н. Бантыш-Каменский и Н. Маркевич⁴⁸³, выступала с лозунгами создания на Украине самостоятельного дворянско-помещичьего государства под эгидой самодержавия, правда, исходила из тезиса существования украинского народа (согласно их представлениям, самобытного малороссийского народа и малороссийского языка).

И. С. Орлай воспринял терминологию и основные положения официального дворянского направления

⁴⁸⁰ Ю. А. Яворский. Национальное самосознание карпаторуссов на рубеже XVIII—XIX веков. Ужгород, 1929, стр. 3.

⁴⁸¹ «Труды и записки Общества истории и древностей российских». Кн. I, ч. III, стр. 225.

⁴⁸² Г. Конисский. История Русов или Малой России. М., 1846.

⁴⁸³ Н. Маркевич (1804—1860), автор «Истории Малороссии» (т. 1—5, М., 1842—1843).

в русской историографии. Для него малорусс был синонимом русского, а Малороссия — неотделимая часть России. Между тем под влиянием связей с учеными, занимающимися прошлым Украины, у Орлая постепенно рождается понимание, не всегда ясно выраженное, самобытности так называемого малорусского наречия. Он, например, обращался к З. Я. Доленга-Ходаковскому с просьбой писать ему по-малорусски.⁴⁸⁴ Его интересовала история Украины, он собирал материалы и документы о освободительной борьбе украинского народа в 1648—1654 годах.

Подводя оценку заслуг И. С. Орлая в области развития исторических знаний, следует отметить, что он одним из первых познакомил русские научные круги с историческим прошлым Карпатской Руси, будучи горячим поборником дальнейшей разработки вопросов изучения ее языка, культуры и истории. И. С. Свенцицкий, собирая и обобщая материалы по истории Карпатской Руси следующим образом оценил вклад Орлая:

«Самую живую . . . деятельность, направленную преимущественно к тому, чтобы познакомить русское общество с положением своей родины, проявил угрорусин И. С. Орлай».⁴⁸⁵

⁴⁸⁴ И. С. Свенцицкий. Материалы по истории возрождения Карпатской Руси, стр. 25.

⁴⁸⁵ И. С. Свенцицкий. Обзор сношений Карпатской Руси с Россией в 1-ую пол. XIX в., стр. 34.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

17 февраля 1829 г. И. С. Орлай умер.⁴⁸⁶ Он прошел путь полный самоотверженного труда, который осветили два больших жизненных призвания. И. С. Орлай был незаурядным врачом и не менее талантливым педагогом. На медицинском поприще и в области педагогической деятельности наиболее ярко проявились его способности.

Более двадцати лет И. С. Орлай отдал медицине. Расцветом его врачебной деятельности можно считать службу в Медицинской коллегии и в Медико-хирургической академии. Работая в этих двух крупнейших для своего времени медицинских учреждениях, он во многом способствовал делу развития медицины в России. Архивные материалы раскрывают его роль в разработке устава Медико-хирургической академии, в издании одного из первых научных медицинских журналов «Всеобщего журнала врачебной науки». Из-под его пера вышли многие опубликованные и оставшиеся в рукописи сочинения, среди них такие как «Записки русских врачей», военная фармакопея. Он начал трудиться над изданием гражданской фармакопеи.

Богатая врачебная практика позволила И. С. Орлаю обобщить свои наблюдения в очень интересной докторской диссертации, посвященной вопросам влияния окружающей среды на человека и его организм. Эта работа свидетельствовала о том, что И. С. Орлай принадлежал к сторонникам материалистической традиции в русской медицине.

В тесной связи с занятиями медициной находилось его страстное увлечение естественнонаучными отраслями знания: ботаникой, орнитологией и минерало-

⁴⁸⁶ «Северная пчела», 1829, 16 марта, №33.

гией. Не может не удивлять то обстоятельство, что в этих смежных с его интересами областях, деятельность И. С. Орлая была далеко небезуспешна. Ему удалось открыть новые виды лекарственных растений.

Период с 1817 по 1821 годы в жизни И. С. Орлая следует расценивать как переходный. Под влиянием многих обстоятельств после длительных колебаний и размышлений он принимает решение оставить медицинскую службу, несмотря на лестные предложения занять кафедру в Харьковском и Московском университетах. И. С. Орлай избирает путь педагога и до конца своей жизни оказывается связанным с развитием школы в России. Начиная с 1821 г., он отдает все свои силы и способности делу воспитания молодого поколения, добиваясь в этой сфере многих положительных результатов. Педагогическая деятельность И. С. Орлая протекала в стенах двух учебных заведений — в Гимназии высших наук в Нежине и Ришельевском лицее в Одессе. При этом свое наиболее полное выражение она получила в Нежинской гимназии. В Ришельевском лицее И. С. Орлай только повторил то, что им было достигнуто в упорном труде в Нежине, но и то в далеко неполном объеме. Годы, отданные Нежинской гимназии, можно считать годами расцвета его педагогической деятельности и педагогических взглядов. Нежинский период получил высокую оценку современных советских и чехословацких исследователей. Профессор В. Я. Струминский, например, писал:

«Как и другие лицеи, гимназия высших наук кн. Безбородко была с самого начала обеспечена выдающимися по своей квалификации педагогическими кадрами, которые стремились организовать свою учебно-воспитательную работу на основах прогрессивных педагогических идей Европы XVIII века. В гимназии царило не традиционное зубрение учебников, а чтение книг и предпочтительно знакомство с первоисточниками; всемерно поощрялась самодеятельность учащихся как в учебной, так и во внеучебной работе; от преподавателей требовался не традиционный учебно-школярский, а творческий подход к работе. Эта методика педагогической работы насаждалась и укреплялась первыми директорами гимназии — В. Г. Кукольником, трагически окончившим свою жизнь

через год после открытия гимназии, и сменившим его И. С. Орлаем. Оба были прогрессивными педагогическими деятелями конца XVIII — начала XIX века, выходцами из Карпатской Украины, стремившимися найти в России поле деятельности для применения своих творческих задач в области педагогики». ⁴⁸⁷

Придерживаясь основных принципов своей просветительской концепции и передовых педагогических традиций, И. С. Орлай в условиях усиления реакционного курса в области просвещения отважно отстаивал идею бессловной школы. Его богатая и разносторонняя деятельность в области естествознания и просветительские взгляды в целом оказали влияние на понимание им основных программных требований по вопросам воспитания, которые противостояли насаждению религиозных догм в учебном процессе и акцентировали значение науки и ее открытий.

Ярким выражением и подтверждением демократических принципов, осуществленных И. С. Орлаем за время деятельности в Нежинской гимназии, является «дело о вольнодумстве». У его истоков стоял И. С. Орлай. «Дело о вольнодумстве» поставило Гимназию высших наук в ряды таких учебных заведений страны, в которых в условиях реакции не погас огонь живой мысли и стремление к справедливости.

Своими трудами и деятельностью И. С. Орлай оставил заметный след в истории развития науки и просвещения России. Он принадлежал к числу самых значительных представителей закарпатоукраинской интеллигенции в России и способствовал углублению и упрочению русско-украинских и русско-венгерских культурных связей.

⁴⁸⁷ Проф. В. Я. Струминский. П. Г. Редкин-русский педагог второй половины XIX века. — В книге: П. Г. Редкин. Избранные педагогические сочинения. Учпедгиз, 1958, стр. 9.

БИБЛИОГРАФИЯ

Общие историко-педагогические работы

- Всемирная история. В десяти томах. Главная редакция: Е. М. Жуков (главный редактор) и др. Государственное издательство политической литературы. Москва, 1955—1965.
- Історія міст і сіл Української РСР. Закарпатська область. Редакційна колегія тома: Бэлоусов В. І. (голова редколегії) и др. Головна редакція Української енциклопедії АН УРСР. Київ, 1969.
- История Москвы. Под ред. С. В. Бахрушуна. Т. I—III. М., 1954.
- История Московского университета. Под ред. М. Н. Тихомирова и др. Т. I—II. М., 1955.
- Очерки истории Ленинграда. Том первый. Период феодализма (1703—1861 гг.). Издательство Академии наук СССР. Москва-Ленинград, 1955.
- Очерки истории исторической науки в СССР. I. Под редакцией М. Н. Тихомирова (главный редактор), М. А. Алпатова, А. Л. Сидорова. Издательство Академии наук СССР. Москва, 1955.
- Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв. В двух частях. I. Под редакцией академика Б. Д. Грекова (ответственный редактор) и др. Издательство Академии наук СССР. Москва, 1953.
- Очерки по истории педагогики. Сборник статей. Под редакцией профессора Н. А. Константинова. Издательство Академии педагогических наук РСФСР. 1952.
- Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII в. — первая половина XIX в. Ответственный редактор М. Ф. Шабаева. Издательство «Педагогика». Москва, 1953.

Литература

- Воронов Ф. И. Янкович де Мириево. СПб., 1858.
- Гете. Собрание сочинений в тринадцати томах. Москва—Ленинград, 1932—1949.
- Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений. Изд. АН СССР, т. 10, 1940.
- Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. Издание второе, исправленное и дополненное. Санктпетербург, 1881.
- Гессен В. М. Возрождение естественного права. СПб., 1902.
- Деборин А. М. Социально-политические учения нового вре-

- мени. Том I. Издательство Академии наук СССР. Москва, 1958.
- Декабристы и их время. Институт русской литературы АН СССР, 1951.
- Загоскин Н. П. История императорского Казанского университета за первых сто лет его существования. 1804—1904. Т. 3. Казань, 1903.
- Заглухинский В. В., Копосов В. П., Фомин И. В. Организация и работа военно-медицинской службы русской армии в Отечественную кампанию 1812 г., Москва, 1912.
- История естествознания в России. Под редакцией Н. А. Фигуровского. Т. I. Часть 2. М., 1957.
- История свободомыслия и атеизма в Европе. М., 1966.
- Иофанов Д. Н. В. Гоголь. Детские и юношеские годы. Киев, 1951.
- Корф М. Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861.
- Кулиш П. А. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя. В двух томах. С.-Петербург, 1956.
- Лавровский Н. А. Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине (1820—1832). Киев, 1879.
- Лицей князя Безбородко. СПб., 1859.
- Лушников А. Г. Лекции по истории русской медицины. Медицина XVIII столетия. Москва, 1956.
- Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII—XIX веках. Составил С. В. Рождественский. СПб., 1910.
- Мацкина Р. Ю. История развития медицины и здравоохранения в России. Обзор документальных материалов. М.—Л., 1956.
- Машинский С. Чемодан Адеркаса. М., 1968.
- Машинский С. Гоголь. М., 1959.
- Машинский С. Гоголь и «дело о вольнодумстве». Москва, 1959.
- Мижурев П. Исторический очерк развития учебного дела в России. — «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Эфрона, т. 54, стр. 613—614.
- Мишанич О. В. Література Закарпаття XVII—XVIII століть. Київ, 1964.
- Михневич И. Исторический обзор сорокалетия Ришельевского лицея, 1817 по 1857 год. Одесса, 1857.
- Мурзакевич Н. Н. Автобиография. СПб., 1889.
- Надеждин Н. Гимназические годы Гоголя. Издание товарищества М. О. Вольф. С.-Петербург—Москва, 1883.
- Окунь С. В. Очерки истории СССР. Конец XVIII-первая четверть XIX века. Ленинград, 1956.
- Окунь С. В. Очерки истории СССР. Вторая четверть XIX в. Ленинград, 1957.
- Описание архива Министерства народного просвещения. Под редакцией С. Ф. Платонова и А. С. Николаева. Т. I. Петроград, 1917.
- Описание рукописей библиотеки Историко-филологического института князя Безбородко в г. Нежине. Составлено под редакцией М. Сперанского. Ч. I. Москва, 1900.
- Павловский Е. Н. Военно-медицинская академия Красный

- Армии имени С. М. Кирова за 140 лет (1798—1938). Краткий исторический очерк. Л., 1940.
- Пашутин В. В. Краткий очерк императорской Военно-медицинской академии за 100 лет ее существования. С.-Петербург, 1898.
- Песталоцци Иоганн Генрих. Избранные педагогические произведения в трех томах. М., 1961.
- Петухов Е. В. Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине. (К 75-летию со дня основания). СПб., 1895.
- Петухов Е. В. Заметки о некоторых рукописях, хранящихся в библиотеке Историко-филологического института кн. Безбородко.
- Подражанский А. С. и Сильвай К. К. Иван Семенович Орлай и его врачебная деятельность в России. — «К истории медицины на Украине». Львов, 1961.
- Пыпин А. Н. Русское масонство XVIII и первая четверть XIX века. Петроград, 1916.
- Пыпин А. Н. Исторические очерки. Общественное движение в России при Александре I. 2 издание. СПб., 1885.
- Рейнгард Ф. Х. Естественное право. Казань, 1816.
- Рихтер В. М. История медицины в России. Ч. 1—3. Москва, 1811—1820.
- Ришельевский лицей и императорский Новороссийский университет. Одесса, 1898.
- Свенцицкий И. С. Материалы по истории возрождения Карпатской Руси. Сношения Карпатской Руси с Россией в 1-ой половине XIX-го века. Львов, 1905.
- Свенцицкий И. С. Обзор сношений Карпатской Руси с Россией в 1-ую пол. XIX в. СПб., 1906.
- Свистун Ф. И. Прикарпатская Русь под влиянием Австрии. Львов, 1895.
- Семевский В. И. Декабристы-масоны. — «Минувшие годы», 1908, №5—6.
- Скороходов Л. Я. Краткий очерк истории русской медицины. Ленинград, 1926.
- Сребницкий И. А. Очерки истории лицея князя Безбородко (1832—1875). Нежин, 1895.
- Сребницкий И. А. Материалы для биографии Н. В. Гоголя. — «Гоголевский сборник». Изданный состоящей при Историко-филологическом институте кн. Безбородко Гоголевской комиссией. Под ред. проф. М. Сперанского. Киев, 1902.
- Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. I—II. 1889.
- Сухомлинов М. И. Материалы для истории образования при Александре I. Т. II. СПб., 1866.
- Таннери П. Исторический очерк развития естествознания в Европе. Перевод с французского. М.—Л., 1934.
- Dr. Tardy Lajos. Az országos orvostörténeti könyvtár közleményei. Communicationes ex bibliotheca historiae medicae Hungarica Dr. Orlay János. 1770—1829. Budapest, 1959.
- Трайнин И. П. Национальные противоречия в Австро-Венгрии и ее распад. М.—Л., 1947.

- Ф е е р ч а к П. И. Очерк литературного движения угорских русинов. Одесса, 1888.
- Ф л о р о в с к и й А. Заметки И. С. Орлая о Карпатской Руси. Ужгород, 1928.
- Ф р а н ц е в Ю. П. У истоков религии и свободомыслия. М.—Л., 1959.
- Ц в е т а е в Л. Первые начала права естественного. М., 1816.
- Ц е й л е р Ф. Естественное частное право. СПб., 1809.
- Ч и с т о в и ч Я. Памятник доктору медицины и хирургии действительному тайному советнику баронету Якову Васильевичу Виллие. СПб., 1860.
- Ч и с т о в и ч Я. История первых медицинских школ в России. СПб., 1883.
- Ч у м а А. Б о н д а р А. Українська школа на Закарпатті та Східній Словаччині. (Історичний нарис). Частина I. Пряшів, 1967.
- Ш е н р о к В. И. Материалы для биографии Гоголя. Т. I. Москва, 1892.
- Ш е н р о к В. И. Ученические годы Гоголя. М., 1887.
- Ш е н р о к В. И. Указатель к письмам Гоголя. М., 1886.
- Ш м а л ь ц Ф. Право естественное. СПб., 1820.
- Я в о р с к и й Ю. А. Национальное сознание карпаторуссов на рубеже XVIII—XIX веков. Ужгород, 1929.
- Я в о р с к и й Ю. А. Значение и место Закарпатья в общей схеме русской письменности. Прага, 1930.

Источники и архивы

- Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.
- Центральный государственный архив древних актов в Москве. Отдел рукописей Государственной ордена Ленина библиотеки СССР им. В. И. Ленина.
- Сборник постановлений по Министерству народного просвещения Т. 1—II. Изд. 2. СПб., 1875.
- Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения Т. 1—3. СПб., 1866—1867.

Газеты и журналы

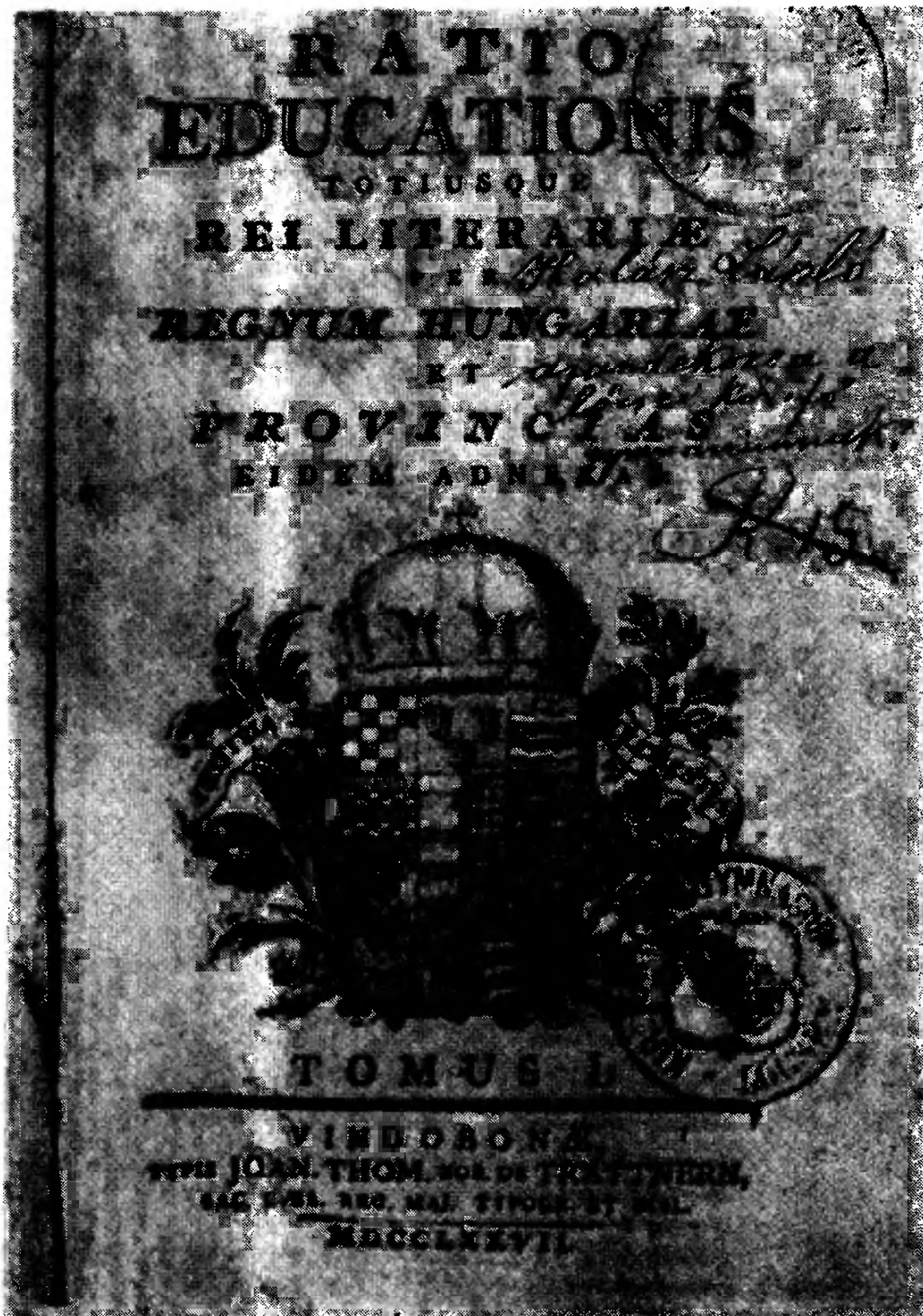
- Варшавские университетские известия. У. Варшава, 1894.
- Всеобщий журнал врачебной науки. Издаваемый императорской Медико-хирургической академией. Санктпетербург. В медицинской типографии. 1811—1815.
- Вопросы истории. 1974.
- Журнал департамента народного просвещения. 1821—1822.
- Записки, издаваемые от департамента народного просвещения. СПб., 1825.
- Известия Историко-филологического института кн. Безбородко. Киев, 1879.

- Известия отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб., 1914.
- Исторический вестник. СПб., 1881.
- Исторические записки. Издательство Академии наук СССР, 1957.
- Летописи Общества истории и древностей российских. М., 1815—1829.
- Молодая Русь. 1830—1831.
- Москвитянин. 1854.
- Наукові записки Ужгородського державного університету. 1956.
- Русская старина. 1871.
- Русская речь. СПб., 1879.
- Русский филологический вестник. Варшава. 1901.
- Русская мысль. М., 1890.
- Сборник императорского русского исторического общества. СПб., 1891—1896.
- Сборник Харьковского историко-филологического общества. 1908.
- Северный вестник. 1804.
- Северная пчела. 1829.
- Чтения императорского Общества истории и древностей российских. 1866, 1882.

Справочные издания

- Аристов Ф. Ф. Карпато-русские писатели. Т. I. М., 1916.
- Библиотека императорского Общества истории и древностей российских. Вып. 2. Описание рукописей и бумаг, поступивших с 1846 по 1902 г. Труд Е. И. Соколова. Москва, 1905.
- Змеев Л. Ф. Русские врачи-писатели. СПб., 1886.
- Межов В. И. Русская историческая библиография. СПб., 1893.
- Российский медицинский список. СПб., 1809.
- Русский биографический словарь. СПб., 1905.
- Советская историческая энциклопедия. Главный редактор Е. М. Жуков. Государственное издательство «Советская энциклопедия». Москва, 1961—1975.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Титульный лист книги «Ratio educationis», содержащей основные положения школьной реформы 1777 г. в Австрии.

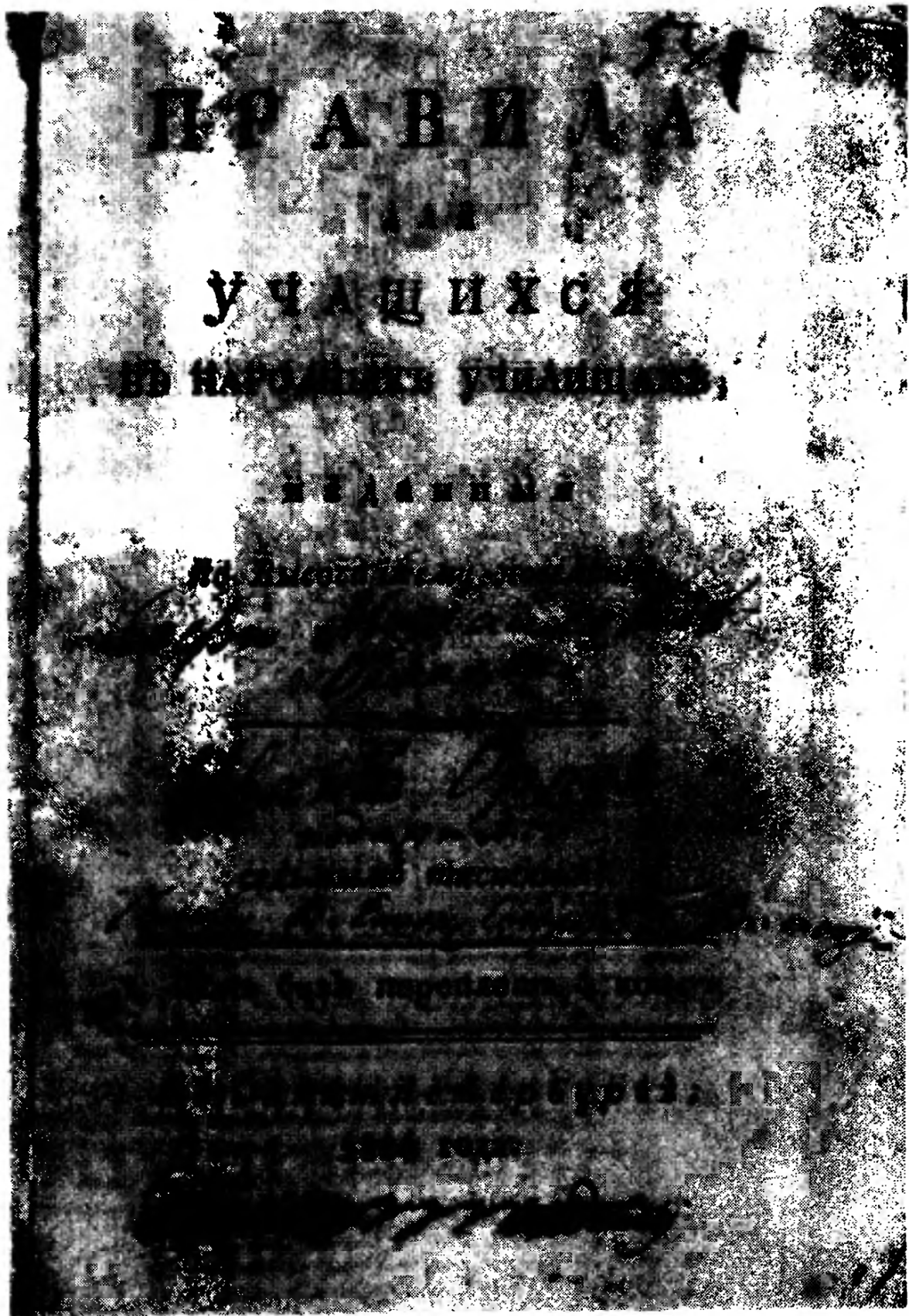
М. А. Балудянский (1769—1847).

П. Д. Лодий (1764—1829).

Ю. И. Венелин (Гуца) (1802—1839).

Автограф И. С. Орлая на книге, подаренной Софии Михайловне Орлай. (Личность не удалось установить.)

И. С. Орляя
подарилъ И. С. Орляя Его Им-
ператорскаго Высочества На-
сѣднику Соборнаго, и назоужу-
ся при ближайшемъ фортъ Штабъ
Ахара, Словесныхъ наукъ и Ис-
тоцорія, Врачебной науки и Ли-
тургии Доктора Физическаго Ем-
скаго, Физико-Медицескаго Мо-
сковскаго, Алтснбургскаго Бота-
ническаго общества и пр. глени
1806 года.

Автограф И. С. Орляя на одной из книг, подаренных им в Пряшев.

ВСЕОБЩИЙ ЖУРНАЛЪ
ВРАЧЕБНОЙ НАУКИ,

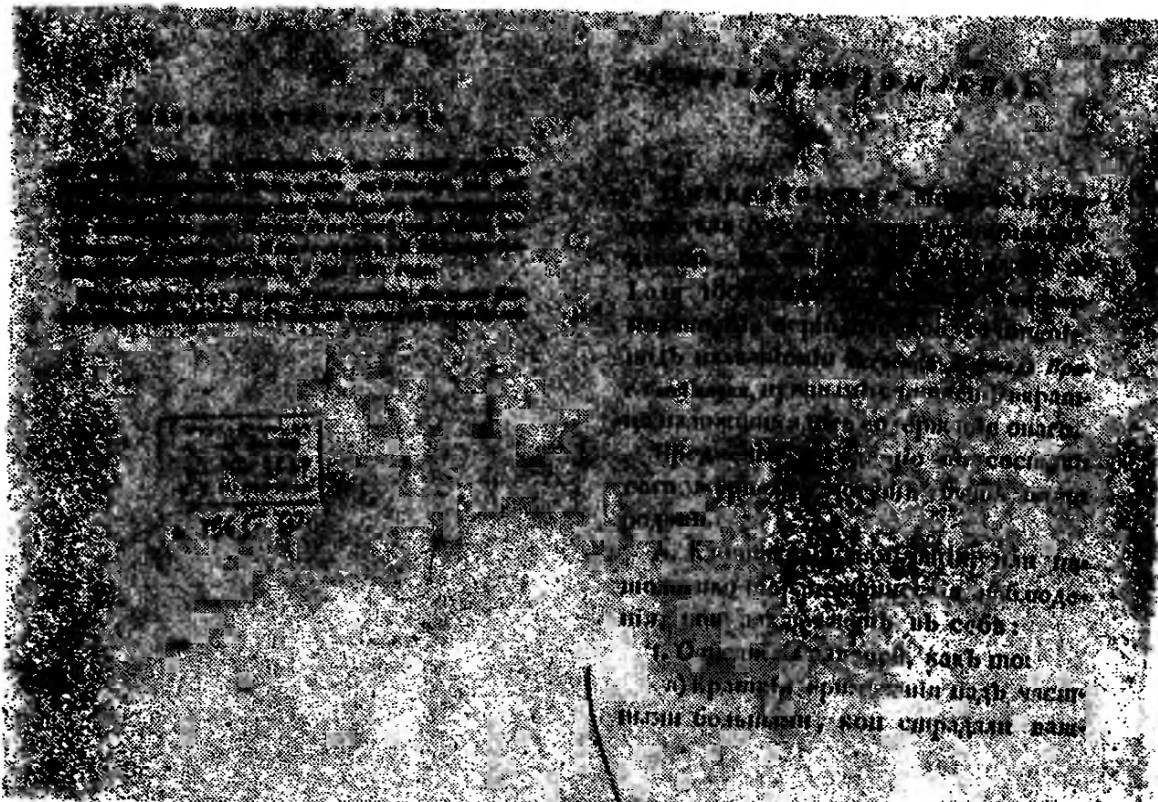
ИЗДАВАЕМАЯ
ИМПЕРАТОРСКОЮ
МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЮ
АКАДЕМІЕЮ.

№ I.

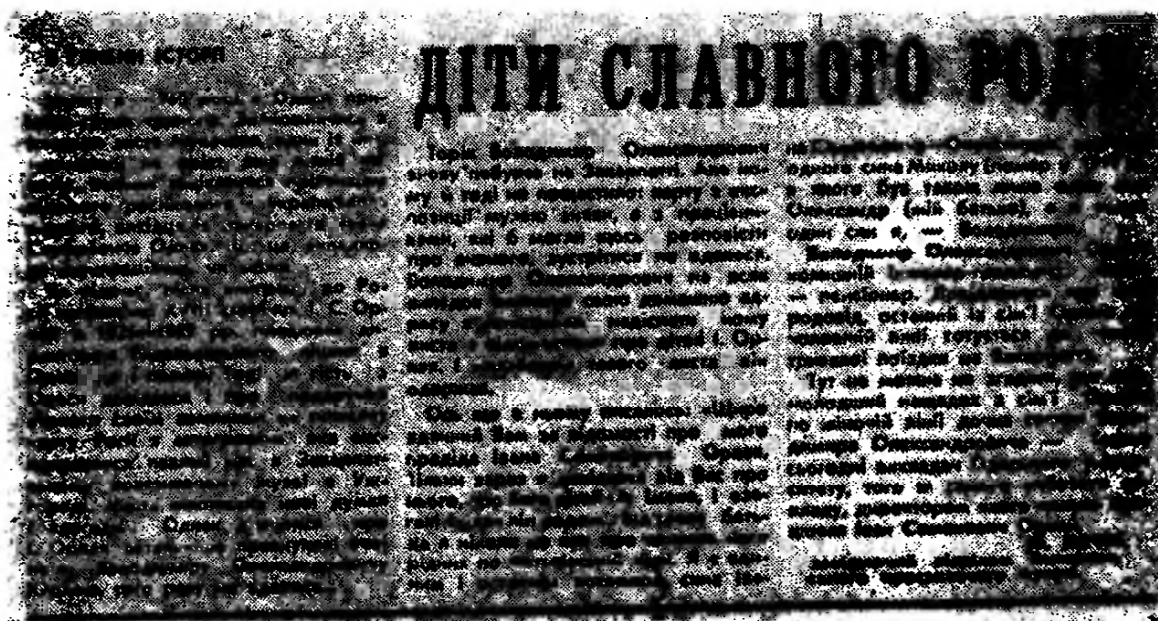
САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ МЕДИЦИНСКОЙ ТИПОГРАФІИ
1811 ГОДА.

Титульный лист «Всеобщего журнала врачебной науки», редактором которого был И. С. Орлай.

Извещение об издании «Всеобщего журнала врачебной науки» (1811).

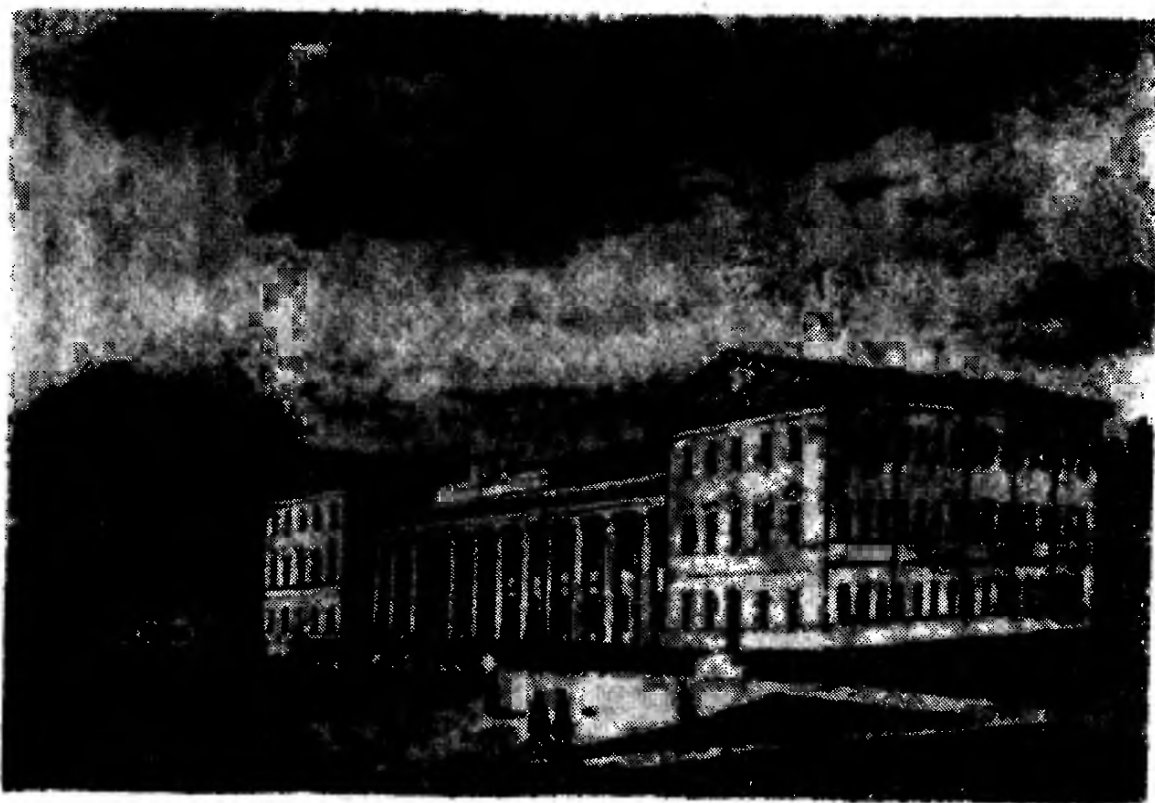
Заметка Юрия Качия в газете «Молодь Закарпаття» о потомках И. С. Орлая.

Ян Ромбауер (1782—1849) — придворный художник Александра I, родом из Левочи в Восточной Словакии.

П. Г. Редкин (1808—1891).

Гимназия высших наук князя Безбородко в Нежине.

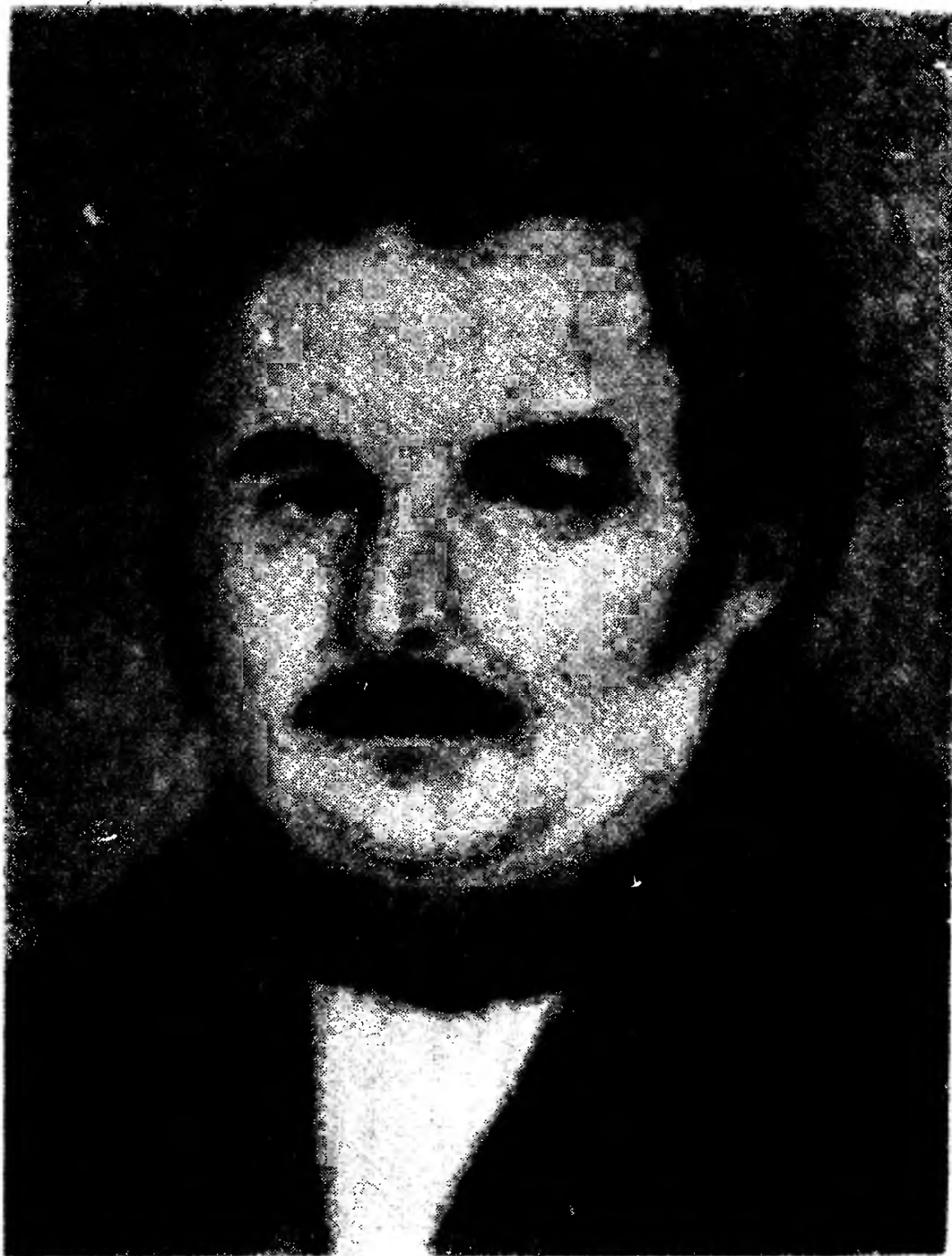
Общий вид города Нежина в начале XIX века.

Николай Васильевич Гоголь во время учебы в Нежинской гимназии.

Н. В. Гоголь (1809—1852).

Василий Панасович Гоголь (Яновский) (1777—1825).

Капитон Степанович Павлов (1792—1852).

Е. П. Гребенка (1812—1848).

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА I. ОБЩИЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ И БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ И. С. ОРЛАЕ	5
1. Литература и архивные материалы	5
2. Начало жизненного пути и переезд И. С. Орлая в Россию	16
ГЛАВА II. ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ОБЛАСТИ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИИ В НАЧАЛЕ XIX В. И ОТНОШЕНИЕ К НИМ И. С. ОРЛАЯ	28
ГЛАВА III. ЗАСЛУГИ И. С. ОРЛАЯ В ДЕЛЕ РАЗВИТИЯ МЕДИЦИНЫ В РОССИИ	40
1. Учеба и служба в медицинских учреждениях	40
2. Вклад И. С. Орлая в деятельность медицинских и естественнонаучных обществ	64
ГЛАВА IV. ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И. С. ОРЛАЯ В РОССИИ	70
1. Педагогические взгляды и замыслы И. С. Орлая	70
2. Роль И. С. Орлая в развитии Гимназии высших наук князя Безбородко	92
3. И. С. Орлай и «дело о вольнодумстве»	125
4. Педагогическая деятельность И. С. Орлая в Ришельевском лицее	168
ГЛАВА V. ЗАСЛУГИ И. С. ОРЛАЯ В РАЗВИТИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ	183
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	210
БИБЛИОГРАФИЯ	213
ИЛЛЮСТРАЦИИ	218

Тамара Байцура

**ІВАН СЕМЕНОВИЧ ОРЛАЙ
ЖИТТЯ І ТВОРЧИСТЬ**

Видання перше

**Видало Словацьке педагогічне видавництво в Братіславі
відділ української літератури в Пряшеві, 1977**

як свою 265 публікацію

Відповідальний редактор Іван Мацінський

Художній редактор Іван Фіркаль

Графічно оформила Мирослава Сміжанська

**Друкували Дуклянські друкарні, н. п. в Пряшеві — Стор. 240 —
АА 13,65 — ВА 14,55 (текст 12,95, графіка 1,60) — Тираж 1100 —
12/18 — Ухвалено постановою СЦКК № 201/І-1976 — Кчс 19,— о.**

67 — 481 — 77

Tamara Bajcurová

**IVAN SEMENOVICH ORLAJ
ŽIVOT A DIELO**

I. vydanie

Vydalo Slovenské pedagogické nakladateľstvo v Bratislave
odbor ukrajinskej literatúry v Prešove, 1977

ako svoju 265. publikáciu

Zodpovedný redaktor **Ivan Macinský**
Výtvarný redaktor **Ivan Firkaľ**
Graficky upravila **Miroslava Smižanská**

Tlačili Duklianske tlačiarne, n. p. v Prešove — Strán 240 — AH 13,65
— VH 14,55 (text 12,95, grafika 1,60) — Náklad 1100 — 12/18 —
Schválené výmerom SÚKK č. 201/I-1976 — Kčs 19,— viaz.

67 — 481 — 77